МОРИС ЛЕБЛАН

ВОСЕМЬ УДАРОВ СТЕННЫХ ЧАСОВ

РОМАН

Мюнхен

1947 г.

Арсен Люпен, этот таинственный и интересный герой, он составляет часть того реального мира, который окружает нас, такой же популярный, как и его необыкновенные приключения, — в изображении талантливого писателя Мориса Леблана приобрели известность во всех странах мира. Трудно оторваться от этих приключений! Все хочется их читать и перечитывать. Эти приключения составляют неразрывную цепь отдельных эпизодов, с которыми чувствуешь непреодолимое желание познакомиться; они предлагают нам ряд захватывающих загадок. Эти приключения — интереснейшая эпопея одновременно и трагическая и комическая, полная юмора, любви — и игривой фантазии. И в каждом эпизоде своих, поистине необыкновенных приключений, Арсен Люпен является нам каждый раз в новом виде, каждый раз еще более любопытным, изобретательным и таинственным.

Эти восемь приключений мне когда то рассказал Арсен Люпен. Он приписывал их своему приятелю, князю Ренину. Но, принимая во внимание характер героя и его действия, невольно приходишь к выводу, что Люпен и кн. Ренин одно и то же лицо.

НА ВЕРШИНЕ БАШНИ

I.

Гортензия Даниель приоткрыла свое окно и прошептала:

— Вы здесь, Росиньи?

— Я здесь, — раздался голос в кустах, прилегающих к замку.

Она немного наклонилась и увидела довольно полного человека, который поднял по направлению к ней свое широкое красноватое лицо, обрамленное русой бородой.

— Ну? — проговорил он.

— Вчера у меня произошло целое сражение с дядей и с теткой, они окончательно отказываются подписать соглашение, посланное им моим нотариусом, и отдать мне приданное, растраченное моим мужем перед его заключением.

— Ваш дядя, однако, настаивал на этом браке, и согласно брачному контракту, должен нести ответственность

— Что же из этого. Я же вам говорю, что он отказывается.

— Что же делать?

— Вы все же намерены меня похитить? — спросила она смеясь.

— Бесповоротно Вы же знаете, что вы до сумасшествия вскружили мне голову.

— К несчастию же, я вами ничуть не увлечена.

— Я не требую, чтобы вы с ума сходили по мне, я хочу, чтобы вы только немного меня любили.

— Немного? Вы очень требовательны.

— В таком случае почему вы меня избрали?

— Случай. Я скучала... моя жизнь протекала слишком однообразно... Я решила рискнуть... Ловите! Вот мой багаж.

Она спустила большие кожаные мешки, которые Росиньи принял от нее.

— Жребий брошен, — прошептала она. — Ожидайте меня с вашей машиной в предместьи д'Иф, а я поеду верхом.

— Чорт возьми! Я же не могу забрать вашу лошадь в автомобиль.

— Она вернется сама.

— Ладно. Кстати...

— В чем дело?

— Кто этот князь Ренин, который живет здесь три дня и которого никто не знает?

— Не знаю. Мой дядя встретил его у своих друзей на охоте и пригласил.

— Вы ему очень нравитесь. Вчера вы совершили с ним большую прогулку. Он мне не по душе.

— Через два часа я покину замок в вашем обществе. Этот скандал, надо полагать, охладит пыл Сергея Ренина. Довольно разговоров. Нечего терять время.

В течение нескольких минут она наблюдала за толстяком, который с мешками удалился в пустынную аллею, а затем закрыла окно.

На дворе охотничьи рога трубили сбор. Собаки свирепо лаяли. В это утро открывалась охота. Каждый год в начале сентября Ла Марэз, граф д'Эглерош, большой любитель охоты, собирал для этой забавы нескольких друзей своих и соседних помещиков.

Гортензия медленно кончила свой туалет. Она облачилась в амазонку, отлично облегающую ее гибкую фигуру, одела шляпу, оттеняющую ее красивое лицо с рыжими волосами и села за свой письменный стол. Она попыталась написать дяде прощальное письмо, которое предполагала вручить ему вечером. От этой трудной задачи ей в конце концов пришлось отказаться.

— Я ему напишу после, — сказала она сама себе, — когда его гнев пройдет.

Она прошла в столовую с высоким потолком. В камине ярко горели гигантские поленья. Разное оружие украшало стены. Со всех сторон сходились приглашенные. Они пожимали руку графу д'Эглерошу, который

представлял тип деревенского жителя, созданного, казалось, специально, чтобы охотиться. Он стоял около камина с рюмкой коньяку.

Гортензия рассеянно его поцеловала.

— Как, дядюшка, вы пьете? Ведь вы такой воздержанный.

— Ну, раз в году можно себе позволить некоторое излишество.

— Тетя будет сердиться.

— У твоей тети мигрень, и она не придет. К тому же, — недовольно заметил он, — это ее не касается... не касается и тебя, детка!

Князь Ренин приблизился к Гортензии. Это был очень элегантный молодой человек с бледным и тонким лицом. Глаза его казались то очень ласковыми, то ироническими, то изысканно вежливыми.

Он поклонился, поцеловал руку молодой женщины и сказал ей:

— Напоминаю вам ваше обещание, сударыня.

— Мое обещание?

— Да. Мы ведь условились продолжать сегодня нашу вчерашнюю прогулку. Мы должны ведь были посетить этот старый заколоченный домик, который вас так заинтересовал... кажется, его называют имением Галингра.

Она сухо ответила:

— Извините, я устала, а это заняло бы много времени. Я пройдусь по парку и вернусь.

Они помолчали и Ренин, с улыбкой глядя на нее в упор, тихо проговорил:

— Я уверен, что вы сдержите свое обещание. Для вас это лучше.

— Для кого? Для вас, — вы хотите сказать?

— Уверяю вас, что и для вас.

Она слегка покраснела и возразила:

— Я вас не понимаю.

— Я, однако, никакой загадки вам решать не предлагаю. Дорога дивная, имение это очень интересно. Никакая другая прогулка так не удовлетворит вас.

— Вы очень самонадеянны.

— И упрям, сударыня.

Она сделала негодующий жест, но от ответа воздержалась; повернувшись к нему спиной, она стала здороваться с окружающими и затем вышла из комнаты.

У крыльца грум держал ее лошадь. Она села в седло и поехала по направлению к лесу.

Погода была свежая и тихая. Между листвой деревьев мелькало бирюзовое небо. Гортензия шагом проехала по длинной аллее и через пол часа достигла холмистой местности, которую пересекала большая дорога.

Она остановилась. Ничего не слышно. Росиньи, вероятно, выключил свой мотор и спрятал автомобиль в кустах, окружавших предместье.

После минуты колебания она спустилась на землю, привязала лошадь небрежно к дереву, чтобы она легко могла вернуться домой, завернула голову длинным коричневым вуалем и двинулась вперед.

Она не ошиблась. При первом же повороте она заметила Росиньи. Он подбежал к ней и увлек ее в чащу деревьев.

— Скорей, скорей! Я так боялся, что вы опоздаете... или измените свое намерение!.. И вот вы здесь!.. Возможно ли это!..

Она улыбалась.

— Вы счастливы, что делаете глупость!

— Счастлив ли я! И вы будете счастливой. Клянусь!

— Может быть, но глупостей я делать не буду.

— Вы будете жить по вашему вкусу, Гортензия. Ваша жизнь превратится в волшебную сказку.

— А вы будете сказочным принцем?

— Вы будете жить в роскоши, в богатстве.

— Мне этого не надо.

— Что же вам надо?

— Счастия.

— Я уверен, что вы будете счастливы.

Она стала шутить:

— Я несколько сомневаюсь в качестве счастия, которое вы мне дадите.

— Вы увидите... Вы увидите...

Они подошли к автомобилю. Росиньи, продолжая выражать свой восторг, пустил в ход мотор. Гортензия села в автомобиль. Машина двинулась по направлению к предместью, увеличивая скорость, как вдруг Росиньи принужден был затормозить.

Раздался выстрел с правой стороны. Авто пошло неправильным ходом.

— Прорвана передняя шина, — крикнул Росиньи, спрыгивая на землю.

— Да нет же! — воскликнула Гортензия, — кто-то выстрелил.

— Невозможно, дорогая! Что вы говорите!

В эту минуту вновь последовали один за другим два выстрела.

Росиньи зарычал:

— Задние шины продырявлены!.. Кто этот разбойник!.. Если б я знал...

Он пробрался через кусты, окаймляющие дорогу. Никого. Впрочем, лесная чаща не давала возможности далеко видеть.

— Проклятие! — выбранился он, — вы правы... стреляли в авто! Мы теперь остановлены на долго. Три шины надо починить!.. Но что вы, дорогой друг, делаете?

Молодая женщина выскочила из автомобиля. Она проговорила, волнуясь:

— Я ухожу.

— Но почему?

— Я хочу знать. Стреляли. Кто? Я хочу знать...

— Умоляю вас не расставаться со мною...

— Думаете ли вы, что я вас часами здесь буду ожидать!

— Но наш отъезд?.. Наши планы?..

— Завтра мы опять об этом поговорим... Вернитесь в замок... Отнесите мои вещи.

— Я вас умоляю, умоляю... Ведь это не моя вина. Вы точно сердитесь на меня.

— Я на вас не сержусь, но, если похищают женщину, то, милейший, этого быть не должно.

Она быстро ушла. Ей посчастливилось найти свою лошадь на прежнем месте. В галоп она помчалась в сторону, противоположную Ла Марэз.

Она не сомневалась в том, что стрелял князь Ренин.

— Это он, — прошептала она с гневом, — это он... Только он способен так действовать.

Не предупредил ли он ее с такой уверенностью? «Вы вернетесь, я уверен... Я вас ожидаю.»

Она плакала от злости и негодования. Встреть она в этот момент князя Ренина, она обязательно познакомила бы его с своим хлыстом.

Перед ней расстилалась живописная местность, которую с севера ограничивает департамент Чарты и которую называют «маленькой Швейцарией». Часто ей приходилось задерживать коня на крутых спусках. До конеч-

ной цели ее пути было около десяти километров. Хотя она несколько успокоилась, но все существо ее продолжало негодовать против князя Ренина. Она была зла на него не только за то, что он только что совершил, но и за все его поведение в отношении ее, за его ухаживанья и самоуверенность.

Вот она у цели. В долине старая стена, изрезанная трещинами, покрытая мхом и сорной травой, позволяла видеть верхушку маленькой замковой колокольни и несколько окон, закрытых ставнями. Это было имение Галингра.

У входных дверей ее ожидал Сергей Ренин около лошади, на которой он приехал.

Она соскочила на землю и, когда он стал ее благодарить, сняв шляпу, за прибытие, она воскликнула:

— Подождите! Одно слово! Сейчас произошло нечто необъяснимое. Три раза стреляли в автомобиль, в котором я находилась. Это вы стреляли?

— Да!

Она замялась.

— Вы, значит, сознаетесь!

— Вы, сударыня, ставите мне вопрос, на который я вам отвечаю.

— Но как вы посмели? .. По какому праву?

— Права у меня не было, сударыня, но я выполнил свою обязанность.

— В самом деле! Какую обязанность?

— Обязанность защитить вас от человека, который хочет воспользоваться несчастьем вашей жизни.

— Я запрещаю вам говорить со мной в таком тоне. Я совершенно свободно приняла свое решение.

— Сударыня, я случайно слышал ваш разговор с господином Росиньи и мне показалось, что вы следуете за ним без особенной радости. Вы простите меня, но я хотел дать вам возможность обдумать свое положение.

— Я уже все обдумала. И решения своего я никогда не меняю.

— Не всегда, сударыня! Ведь вы же сейчас здесь, а не там.

Молодая женщина смутилась. Она с удивлением смотрела на Ренина, понимая и сознавая, что он совершенно искренно, как вполне порядочный человек, хотел спасти ее от ложного шага.

Очень тихо он сказал ей:

— Я очень мало, сударыня, знаю о вас, но достаточно для того чтобы стремиться быть вам полезным. Вам двадцать шесть лет и вы сирота. Семь лет тому назад вы вышли замуж за родственника графа д'Эглероша, которого в конце концов пришлось поместить в дом для душевно-больных. Отсюда невозможность развода и необходимость жить на иждивении дяди, так как приданое ваше мужем растрачено. Жить с графом и графиней которые плохо ладят между собой, не так то весело. Когда то графа бросила первая жена. Она бежала с мужем теперешней графини. Разочарованные покинутые супруги соединили свою судьбу, но ничего утешительного в этом союзе не нашли. Вы от всей этой обстановки страдали. И вот в один прекрасный день вы встретили г. Росиньи. Он влюбился в вас и предложил вам с ним бежать. Вы его не любили. Но скука, молодость, жажда приключений и неизведанного заставили вас принять предложение, но в душе вы решили обмануть своего обожателя. Вы думали, что этот скандал заставит вашего дядю обеспечить вам независимое существование. В настоящее время вам надо выбрать одно из двух: или отдаться в руки г. Росиньи... или же довериться мне.

Она взглянула на него. Что значило это предложение, сделанное столь серьезно, точно его делал друг, желающий лишь помочь без всякой задней мысли?

После некоторого молчания он привязал обе лошади. Затем он осмотрел тяжелые входные ворота; на каждой створке их красовались две доски в виде креста. Какое-то старое объявление, которому было двадцать лет, свидетельствовало, что с того времени никто не переступал порога входных ворот.

Ренин вырвал из железной решетки, окружавшей замок, железный стержень и употребил его в виде лома. Гнилые доски сдали. Под одной из них оказалась замочная скважина. Он попытался открыть замок при помощи ножа с разными приспособлениями. Скоро ворота открылись. Показалась площадка, заросшая вереском. Она шла до полуразвалившегося длинного здания, над которым господствовали четыре башенки по углам его. На самом верху было возведено нечто в роде бельведера-балкона.

Князь повернулся к Гортензии.

— Над вами не каплет. Сегодня вечером вы примете решение. Если господину Росиньи удастся второй раз

убедить вас, тогда, клянусь, вы меня не встретите на своем пути. До того же времени позвольте мне быть с вами. Мы вчера решили осмотреть этот замок. Исполним это сейчас. Это способ убить время. Я надеюсь, что это будет интересно.

Он говорил так, как будто приказывал. Он точно повелевал и одновременно молил. Молодая женщина не пыталась противиться. Она последовала за ним к развалившемуся крыльцу, откуда внутрь замка вела дверь, точно также забитая досками крест-накрест.

Ренин применил прежний метод. Они вошли в поместительный вестибюль, пол которого составляли черные и белые плитки. Везде красовалась старая мебель и церковные кресла. Герб, изображавший орла, вцепившегося в каменную груду, помещался над дверьми, откуда свисала паутина.

— Это дверь в зал, вероятно, — заметил Ренин.

Эту дверь открыть было труднее, при чем князю пришлось пустить в ход всю свою силу. Гортензия во время этой операции не промолвила ни слова. Она с удивлением следила за этими последовательными взломами, произведенными с редким искусством. Он угадал ее мысли и сказал ей совершенно серьезно:

— Для меня это детская игра. Я был слесарем.

Она схватила его за руку и прошептала:

— Слушайте.

— Что такое? — спросил он.

Она сжала его руку сильнее, требуя, чтобы он молчал. Тотчас-же он сказал:

— В самом деле, это страшно.

— Слушайте, слушайте, — повторяла удивленная Гортензия, — О! Неужели это возможно?

Они слышали невдалеке сухой шум, регулярные удары, которые, при внимательном вслушивании, воспринимались как регулярный ход, регулярный тик-так стенных часов. Казалось совершенно необъяснимым, каким образом, каким чудом часы продолжали жить в этом мертвом царстве. Непонятное, таинственное явление, какая-то загадка.

— Однако, — прошептала Гортензия, не смевшая повысить голос — ведь сюда никто не входил.

— Никто.

— Нельзя допустить, что эти часы шли в течение двадцати лет без завода.

— Нельзя, конечно.

— Тогда?!

Сергей Ренин открыл все три окна и сбил ставни. Они, действительно, находились в гостиной. Здесь царил полный порядок: стулья были на своих местах, вся мебель находилась налицо. Жильцы этой комнаты, уезжая, очевидно, ничего с собой не захватили: ни книг, ни разных безделушек.

Ренин осмотрел старые стенные часы, заключенные в высокий деревянный футляр. Через овальное стекло можно было видеть диск маятника. Он открыл дверцы: гири часов находились в конце своего пути.

В этот момент часы зашипели и затем пробили восемь раз. Этого низкого звона часов молодая женщина потом уже никогда не могла забыть.

— Какое чудо! — прошептала она.

— Действительно, чудо, — подтвердил и он, — ведь простой механизм этих часов лишь с недельным заводом.

— И вы ничего не находите в этом странного?

— Как сказать... впрочем...

Он наклонился и вынул из футляра металлическую трубку, скрытую за гирями.

— Зрительная труба, — проговорил он задумчиво, — зачем ее спрятали?.. Странно! Что бы это значило?

Часы начали бить вторично. Раздалось восемь ударов. Ренин закрыл футляр часов и с зрительной трубой в руках продолжал осмотр. Комната, в которой они находились, сообщалась широкой аркой с другой комнатой, видимо, курительной, тоже меблированной. Там стоял пустой станок для ружей. Календарь, висевший на стене, показывал пятое сентября.

— А, — воскликнула с удивлением Гортензия, — тоже число, как и сегодня... Какое странное совпадение!

— Удивительное, — проговорил он. — Это годовщина их отъезда... уже прошло двадцать лет с того дня, ровно двадцать лет.

—Согласитесь, — заметила она, — что все это необъяснимо.

— Конечно, хотя...

— У вас какая то мысль?..

Он ответил через несколько секунд:

— Меня интригует эта зрительная труба... Каково было ее назначение? Из окон можно увидеть лишь де-

ревья сада. Горизонта нет... Чтобы воспользоваться этим инструментом, надо было взобраться выше... Хотите подняться?

Она не колебалась. Тайна, окружавшая их, возбуждала ее любопытство. Она готова была следовать за Рениным и помогать ему в его изысканиях.

Они поднялись по главной лестнице и добрались до винтовой лестницы, которая вела на верхний бельведер-балкон.

Этот бельведер-балкон имел вид террасы, окруженной парапетом в два метра вышиною.

— Когда-то, видимо, этот парапет был составлен из зубцов, которые потом уничтожили. Были тут раньше и бойницы; теперь они заделаны.

— Во всяком случае, — сказала она, — здесь тоже зрительная труба не могла применяться. Нам остается только спуститься вниз.

— Я другого мнения, — возразил он, — логично рассуждая, надо притти к выводу, что именно отсюда можно видеть окрестности и именно здесь пользовались этой зрительной трубой.

Он взлез на парапет и увидел оттуда всю окрестность. В некотором расстоянии от замка, — так около восьмисот метров, — виднелась другая развалившаяся башня, очень низкая, вся обвитая плющем.

Ренин продолжал осмотр. Казалось, что он искал разрешения загадки в зрительной трубе, стараясь понять, каким образом и для чего она применялась. Он исследовал все бойницы. Одна из них, вернее, то место, где она раньше находилась, обратила его особенное внимание. Там в известке, которой она была заделана, замечалось углубление, наполненное землей и появившейся из этой земли травой.

Он вырвал эту траву и очистил углубление, имевшее двадцать сантиметров в диаметре. Наклонившись вперед, он убедился в том, что описанное углубление, проникавшее всю толщу стены, давало возможность видеть всю окрестность, а также и башню, обвитую плющем.

Оказалось, что зрительная труба свободно входила в это отверстие, так плотно прилегая к нему, что ее нельзя было повернуть ни вправо, ни влево.

Ренин вытер стекла трубы и приложил к ней глаз. Несколько секунд он молчал, и затем проговорил взволнованным голосом:

— Это ужасно... Право, ужасно...

— В чем дело? — забеспокоилась она.

— Смотрите...

Она наклонилась и, взглянув в трубу, проговорила с содроганием:

— Это два чучела, не так ли?.. Их там повесили... Но зачем?

— Смотрите, — повторил он, — смотрите внимательно. Под шляпами... лица.

— О! — с ужасом промолвила она, — это чудовищно!..

Поле зрения зрительной трубы представляло такой вид: площадка развалившейся башни, окруженной с одной стороны стеной, заросшей мхом, являлась как бы фоном. На этом фоне среди мелкой поросли можно было различить мужчину и женщину, прислоненных к груде камней.

Но можно ли было назвать мужчиной и женщиной эти два манекена? Эти манекены были облечены в платья, шляпы, но они были без глаз, щек, одним словом, в действительности это были два скелета.

— Два скелета, — прошептала Гортензия, — два скелета, покрытые одеждой... Кто мог их сюда перенести?..

— Никто.

— Однако?

— Эти люди, вероятно, много лет тому назад умерли там, на этой башне. Тела их разложились, а вороны полакомились ими.

— Но это же сплошной ужас, — сказала Гортензия, при этом она побледнела и все лицо ее выразило отвращение.

Через пол часа Гортензия Даниель и Сергей Ренин покинули замок Галингра. Перед этим они посетили старую башню, составляющую остатки разрушенной усадьбы. Пробраться в эту башню можно было по полуразрушенной деревянной лестнице. Башня примыкала к стене, находящейся в конце парка.

Гортензию удивило, что князь Ренин перестал как-бы интересоваться всем этим делом. Он даже о нем не говорил. В деревенском трактире, куда они направились, чтобы подкрепить свои силы, она обратилась к хозяину за разъяснениями. Но тот недавно приехал в эту местность и не знал даже имени владельца имения.

Они поехали в Марэз.

Несколько раз Гортензия вспоминала о кошмарном зрелище.

Но Ренин весело отшучивался и как-будто избегал касаться этого вопроса.

— Но надо же решить этот вопрос! — наконец с нетерпением воскликнула она.

— Конечно, надо решить. Надо, чтобы вы в отношении Росиньи пришли к определенному решению.

Она пожала плечами.

— Речь не о нем... Во всяком случае, сегодня.

— Сегодня?

— Надо узнать, что такое эти два трупа.

— Но Росиньи?..

— Росиньи может ждать, но я ждать не могу.

— Ладно! Вероятно он еще не починил свои шины. Но что вы ему скажете? Это главное.

— Главное то, что мы видели. Вы поставили меня лицом к лицу с загадкой, которая меня глубоко заинтересовала. Каковы ваши намерения?

— Мои намерения?

— Да, ведь вы видели два трупа. Вы, вероятно, об этом поспешите предупредить власти?

— О, боги! — ответил он, смеясь, — зачем?

— Но эту загадку надо же непременно раскрыть... произошла потрясающая драма.

— Нам для этого никого не нужно.

— Как? Что вы говорите? Вы сами можете распутать?

— Господи, все же совершенно ясно! Мне кажется, что я читаю книгу, снабженную богатыми иллюстрациями. Это же так просто!

Она взглянула на него с изумлением, думая, что он подшучивает над ней. Но вид у него был совершенно серьезный.

— Как же это так? — прошептала она, вздрагивая.

День приближался к закату.

Когда они вернулись в Ла Марэз, охотники уже возвратились.

— А теперь, — заметил он, — мы пополним свои сведения, порасспросив местных аборигенов-старожилов... Знаете ли вы кого-либо, кто мог бы помочь нам?..

— Мой дядя. Он никогда не покидал этой местности.

— Отлично. Мы к нему и обратимся. Вы увидите, как все логически вытекает одно из другого. Очень любопытно распутывать подобные истории, когда знаешь их начало.

В замке они расстались. Гортензия нашла у себя свои дорожные вещи и негодующее письмо Росиньи. Он прощался с ней и сообщал, что уезжает.

— Бог с ним,— подумала Гортензия, — этот чудак нашел отличный выход.

Она позабыла и свой флирт с ним, и их планы. Ей казалось, что Росиньи более чужд ей, нежели этот Ренин, который на первых порах возбуждал в ней так мало симпатии.

Вдруг Ренин к ней постучался.

— Ваш дядя в своей библиотеке. Пойдемте к нему; я предупредил его о своем визите.

Она последовала за ним. Он добавил:

—Еще одно слово. Сегодня утром, помешав вам выполнить свое намерение, я принял в отношении вас известное обязательство. Сейчас вы увидите тому доказательства.

— Вы обязаны лишь удовлетворить мое любопытство, — возразила она со смехом.

— Ваше любопытство будет вполне удовлетворено, — ответил он серьезно, — если только господин д'Еглерош подтвердит мои предположения.

Господин д'Еглерош, действительно, находился один.

Он курил трубку и пил вино. Он предложил стакан вина Ренину, который от него отказался.

— А у тебя, Гортензия, все благополучно? — проговорил он слегка заплетающимся языком. — В эти серые осенние дни так скучно. Ты совершила с м-сье Рениным приятную прогулку?

— Именно по этому поводу я и хотел с вами поговорить, — прервал его князь.

— Вы меня извините, но через десять минут я должен отправиться на станцию, чтобы встретить подругу моей жены.

— О, десять минут для меня вполне достаточно. Значит, можно выкурить сигаретку?

— Конечно.

Он взял сигаретку, которую предложил ему д'Еглерош, зажег ее и сказал:

— Вообразите себе, что случай заставил нас посетить эту старую развалину, которая называется Галингра. Вы, вероятно, знаете это имение?

— Конечно. Но ведь там все уже в течение четверти столетия заколочено. Вы не могли войти.

— О нет, мы вошли.

— И интересно там?

— Очень. Мы открыли необыкновенные вещи.

— Что же именно? — спросил граф, поглядывая на часы.

Ренин рассказал:

— Мы нашли заколоченные комнаты, гостиную, оставленную ее обитателями в полном порядке, стенные часы, которые каким то чудом принялись бить во время нашего посещения.

— Пустячные подробности, — прервал граф.

— Видели мы и другое. Мы взобрались на бельведер крыши и оттуда увидели на башне, отстоящей довольно далеко от замка... мы увидели два трупа, вернее два скелета: мужчину и женщину. Они имели на себе ту одежду, в которой их убили.

— Уж и убили?!. Пустое предположение...

— Я в этом уверен и по этому именно поводу я хочу с вами поговорить.

— Эта трагедия, произошедшая лет двадцать тому назад, разве вам неизвестна?

— Признаться, нет. Я никогда не слыхал о каком либо преступлении, или исчезновении людей в этой местности.

— Жаль — проговорил Ренин с некоторым разочарованием... Я надеялся получить от вас кое-какие сведения. В таком случае извините меня.

Он посмотрел на Гортензию и направился к дверям. Но тотчас вернулся и проговорил:

— Не могли бы вы познакомить меня с кем либо из ваших родных?

— Моих родных? Зачем?..

— Потому что владение Галингра принадлежало, вероятно и теперь принадлежит, д'Еглерошам. Это видно по гербам, на которых изображен орел на скале.

Графа, казалось, слова Ренина удивили. Он оставил вино и проговорил:

— Это для меня новость.

Ренин покачал головой и заметил с улыбкой:

— Я полагаю, что вы просто не хотите сознаться в родстве с этим неизвестным владельцем.

— Значит, это сомнительный человек?

— Это просто человек, который убил.

— Что вы говорите?

Граф встал. Взволнованная словами князя, Гортензия спросила:

— Вы твердо уверены, что совершено преступление кем либо из обитателей замка?

— Вполне.

— Откуда эта уверенность?

— Потому что я знаю, кто были жертвами этого преступления и причину его.

Казалось, что Ренин, судя по его тону, имел неоспоримые данные в своем распоряжении.

Граф ходил по комнате и в конце концов проговорил:

— Мне всегда казалось, что что-то такое произошло, но я не старался углубляться в эту историю...

Действительно, лет двадцать тому назад один из моих отдаленных родственников жил в Гарлингре. Я надеялся, что все это происшествие останется неизвестным, хотя подробностей его я не знаю... Я только предполагал...

— Итак, это ваш кузен убил?..

— Да. Он принужден был убить.

Ренин недоверчиво пожал плечами.

— Я с вами не согласен. Ваш кузен убил спокойно, хладнокровно, обдуманно, предательски. Это отвратительнейшее преступление.

— Откуда вы знаете?

Пришла минута, когда Ренин должен был высказаться. Гортензия понимала всю серьезность этого момента и, хотя она еще точно ничего не знала, но сердце ее сжималось от какого-то тягостного предчувствия.

— Вся история очень проста, — проговорил Ренин. — Все свидетельствует о том, что этот д'Еглерош был женат и в окрестностях Галингра жила другая супружеская чета. Обе семьи были знакомы. Что же случилось в один прекрасный день? Трудно ответить на этот вопрос. Но я предполагаю, что жена вашего кузена назначала свидания мужу другой четы в башне, обвитой плющем, и имевшей выход в поле. Ваш кузен решил отомстить, так как узнал об этой любовной связи. Он хотел, однако, это так сделать, чтобы не вышло скандала и никто ничего не узнал бы об убийстве. С бельведера при помощи зрительной трубы он мог следить за свиданиями возлюбленных. И с этого именно места, приняв все меры предосторожности, все обдумав и взвесив, он в одно из воскресений, 5-го сентября, когда в замке никого не было, двумя выстрелами из ружья убил обоих любовников.

Истина всплыла на свет Божий.

Граф проговорил:

— Да...именно так, вероятно, все произошло.

— Убийца, — продолжал Ренин, — заделал землей бойницу, через которую в подзорную трубу наблюдал за убитыми и уничтожил деревянную лестницу, которая вела на башню. А исчезновение любовников он объяснил их совместным бегством.

Гортензия вскочила.Она, как бы угадывая, воскликнула:

—Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что господин д'Еглерош обвинял свою жену и своего друга в том, что они вместе бежали.

— Нет, нет, я должно быть ничего не понимаю: вы смешиваете две истории, ведь дело идет только о кузене моего дяди.

—Я ничего не смешиваю. История ведь одна. Я излагаю события так, как они произошли.

Гортензия повернулась к своему дяде. Он молчал, скрестив руки; голова его находилась в тени абажура. Почему он не протестовал?

Ренин с уверенностью продолжал:

— Существует лишь одна версия. Пятого сентября в восемь часов господин д'Еглерош покинул свой замок, объяснив, что он отправляется в погоню за беглецами.

Он уехал, оставив все на местах и захватив только ружья. В последнее мгновение перед отъездом из понятной предосторожности он бросил подзорную трубу в ящик стенных часов. Случаю было угодно, чтобы труба остановила ход маятника. Это обстоятельство должно было выдать его через двадцать лет.

Удары мои, когда я стучался в двери, чтобы открыть их, видимо, освободили маятник. Часы пошли, пробили восемь раз...

И разгадка была в моих руках.

Гортензия прошептала:

— Но доказательства! Доказательства!..

— Доказательства? — решительно продолжал Ренин, — их много и вы это знаете. Кто мог убить на расстоянии восьмисот метров? Только отличный стрелок, такой страстный, как вы, граф...

Доказательства? Почему ничего не было взято из замка. исключая ружей? Эти ружья вам дороги, граф, и мы их находим у вас в полном порядке. И разве не доказательство тот факт, что каждое пятое сентября, т.е., в то число, когда совершилось убийство, граф, мучимый угрызе-

ниями совести, не находит себе места, и, не взирая на свою обычную воздержанность, напивается и старается забыться в разных развлечениях.

Сегодня пятое сентября! Какие же еще доказательства? Ведь достаточно взглянуть на графа в эту минуту.

И Ренин указал рукой на графа д'Еглероша, который в эту минуту с подавленным видом опустился на кресло, закрыв лицо руками.

Гортензия ничего не возразила. Она никогда не любила дядю своего мужа. Она мысленно согласилась, что Ренин прав. Прошла томительная минута. Граф налил себе вина и один за другим опорожнил два стакана.

Потом он встал и обратился к Ренину:

— Так ли это или не так, но нельзя назвать преступником мужа, уничтожающего свою преступную жену.

— Нет, — возразил Ренин, — но я рассказал только одну версию этой истории. Есть и другая, более серьезная и... более правдоподобная, которую распутает тщательное следствие.

—Что вы хотите сказать?

— Вот что: дело, возможно, не в оскорбленном муже. Быть может, вся суть в том, что разоренный человек хотел присвоить состояние и жену своего друга? Для этого он увлекает своего друга и свою жену, посоветовав им посетить упомянутую развалившуюся башню. И потом выстрелом из ружья убивает их.

— Нет, тысячу раз нет, — запротестовал граф, — все это ложь.

— Возможно, что я и ошибаюсь, но почему тогда эти угрызения совести? Если наказывают виновных, то угрызения совести не мучат.

— Когда убили, всегда тяжело. Убийство — тяжкое бремя.

— И почему вы, граф, женились потом на вдове вашей жертвы? Все ведь дело в этом. Тут возникает ряд вопросов: богата ли была вдова убитого, вошла ли она в предварительное соглашение с убийцей и т. д. Я этих вопросов еще не выяснил, но их легко может выяснить судебная власть.

Граф пошатнулся. Он оперся на стул и с ужасом пролепетал:

— Вы предупредите власти?

— О, нет, — объявил Ренин, — ведь судебная давность уже прошла. К тому же убийца уже достаточно наказан

угрызениями своей совести в продолжение двадцати лет. И не следует устраивать публичного скандала, который может отразиться на племяннице господина д Еглероша. Нет, не будем раскрывать все эти мерзости.

Граф пришел несколько в себя и прошептал:

— В таком случае к чему все это?

— Почему я вмешался в это дело? Конечно, у меня есть известная цель. Но не бойтесь, граф, вы дешево отделаетесь.

Борьба кончилась. Граф понял, что ему приходится принести известную жертву, и он проговорил не без иронии:

— Сколько же?

Ренин расхохотался.

— Отлично, мы поймем друг друга. Но вы в некотором заблуждении: я работаю не ради денег, а ради славы.

— Говорите яснее.

— Речь идет о возвращении присвоенного.

— Что такое?

Ренин повернулся к письменному столу и проговорил:

— В этом столе хранится документ, который вы должны подписать. Дело касается состояния вашей племянницы Гортензии Даниель. Ее состояние было растрачено и вы являетесь ответственным лицом. Подпишите эту бумагу.

Граф вздрогнул и сказал:

— Вы знаете цифру этого состояния?

— Мне этого знать не надо.

— А если я откажу.

— Тогда я поговорю с вашей супругой.

Без дальнейшего колебания граф вынул из стола официальный документ и подписал его.

— Вот, — заявил он, — и я надеюсь...

— Вы надеетесь, что между нами впредь не будет ничего общего. Я в этом уверен. Я уезжаю сегодня вечером а ваша племянница, вероятно, завтра. Прощайте!

В гостиной, где никого не было, Ренин передал документ Гортензии. Она была ошеломлена. Больше всего ее поразила дальновидность и изумительная ловкость князя, восстановившего с неумолимой логикой все подробности ужасного преступления.

— Довольны вы мной? — спросил он ее.

Она протянула ему обе руки.

— Вы меня спасли от Росиньи. Вы мне дали свободу и независимость. Я вас благодарю от всей души.

— О, я не требую благодарности. Я просто хотел развлечь вас. Ваша жизнь так однообразна. Сегодня это однообразие было нарушено. Не так ли?

— Как вы можете об этом спрашивать! Я пережила сегодня бесконечно много.

— Вся жизнь наша такова: надо только уметь найти. Везде, если у вас есть охота, можно сделать добро: спасти жертву, восстановить справедливость.

Она с изумлением проговорила:

— Но кто вы такой?

— Я просто авантюрист, любитель приключений· В приключениях заключается весь смысл моей жизни. Сегодняшнее приключение вас особенно взволновало, так как оно касается вас. Но и приключения других людей также интересны. Хотите испытать?

— То есть как?

— Будьте моей спутницей во время моих приключений. Если кто либо меня призовет к себе на помощь, спасайте его вместе со мной. Если случай натолкнет меня на следы преступления, будем сообща это преступление раскрывать. Хотите?

— Да, — ответила она, — но...

Некоторое колебание охватило ее. Она не понимала хорошо смысл предложения князя.

— Вы, — продолжал он с улыбкой, — сомневаетесь во мне. Вы не знаете, куда я вас поведу. Вы опасаетесь, что в конце концов я потребую от вас гонорар· Вы правы. Нам надо условиться.

— Конечно, — шутливо проговорила Гортензия. — говорите.

Он задумался и сказал:

— Сегодня, в день нашего первого приключения, часы Галингра пробили восемь раз. Хотите, чтобы в течение трех месяцев мы совместно еще семь раз участвовали в каком либо приключении?

И когда кончится наше восьмое приключение, тогда...

— Что?

Он остановился.

— Заметьте, что во всякое время вы можете покинуть меня на полпути, если я вас не заинтересую. Но если вы последуете за мной до конца, если вы разрешите с вами начать и кончить восьмое приключение, тогда пятого декабря, когда старые часы пробьют восемь раз... тогда вы должны· . .

— Что? — с некоторым волнением спросила она. Он замолчал. Взглянув на красивые губы молодой женщины, поцелуй которых он хотел получить в награду, Ренин сообразил, что Гортензия вполне поняла его и нет смысла высказываться яснее.

— Одно удовольствие вас видеть для меня достаточно. Ставьте сами свои условия. Что вы потребуете?

Она была благодарна ему за его чуткость и ответила с улыбкой:

— Что я потребую?

— Да.

— Могу я потребовать нечто очень трудное!

— Все легко для того, кто хочет победить.

— А если исполнить мою просьбу невозможно?

— Только невозможное меня интересует.

Тогда она сказала:

— Я требую, чтобы вы мне вернули старинную застежку из сердолика в филигранной оправе. Я получила ее от моей матери, которая получила ее от своей матери. Она приносила счастье и им, и мне. Все это знали. С того времени, как она исчезла из ларца, куда я ее прятала, я сделалась несчастной. Верните мне ее, добрый гений!

— Когда ее у вас похитили?

Она рассмеялась:

— Семь лет тому назад... или восемь... или девять... хорошо не помню... Ничего не знаю по этому поводу...

— Я ее найду, — серьезно проговорил Ренин, — и вы будете счастливы.

ГРАФИН ВОДЫ

II.

Через четыре дня после своего переезда в Париж Гортензия условилась встретиться с князем Рениным в Булонском лесу.

В одно великолепное, ясное утро они расположились за отдельным столиком, стоящим несколько в стороне на террасе ресторана «Империал».

Молодая женщина находилась в превосходном настроении.

Она имела сегодня особенно привлекательный вид. Чтобы не испугать ее, Ренин ни одним словом не напоминал ей о том условии, которое они заключили.

Она рассказала о своем отъезде из Марэз и заявила, что с тех пор о Росиньи ничего не слыхала.

— А я, — сказал Ренин, — слышал о нем.

— В самом деле?!

— Да, он мне послал своих секундантов. Сегодня утром у нас с ним состоялась дуэль. Кончилось для Росиньи царапиной в плечо. Дело это ликвидировано. Будем говорить о другом.

О Росиньи вопроса более не возбуждалось.

Ренин предложил Гортензии, хотя и без особенного увлечения, участвовать в двух приключениях, которые он имел в виду.

— Лучшее приключение, — объяснил он, — то, которого не ожидаешь. Оно является совершенно неожиданно, никто и ничто о нем предварительно не сообщает, надо уметь во время угадать его.

Минута колебания и уже слишком поздно. Особенное чутье, как у охотничьей собаки, подсказывает нам, где именно мы можем найти искомую дичь.

Вокруг них терраса начала наполняться публикой. За соседним столом какой то молодой человек с бесцветным лицом и длинными усами читал газету. Откуда то доносились звуки оркестра· В одной из зал танцовало несколько пар.

Гортензия наблюдала за всеми этими лицами, надеясь найти какой нибудь признак, свидетельствующий о внутренней драме, или о несчастной судьбе, или преступных наклонностях.

Вдруг, в то время, когда Ренин платил по счету, молодой человек с длинными усами подавил крик изумления, подозвав лакея, с испугом спросил:

— Сколько я вам должен?.. У вас нет сдачи?.. Господи! поторопитесь же...

Без колебания Ренин схватил газету, которую читал молодой человек. Взглянув на нее, он вполголоса прочитал:

«Господин Дурлен, защитник Жака Обрие был принят в Елисейском Дворце. Мы можем сообщить нашим читателям, что, насколько нам известно, президент отклонил просьбу о помиловании, и казнь совершиться завтра.»

Когда молодой человек прошел через террасу и очутился у ворот сада мужчина и дама преградили ему путь.

— Извините, — проговорил мужчина, — я заметил ваше волнение· Дело ведь идет о Жаке Обрие?

— Да, да... о Жаке Обрие, — проговорил молодой человек. — Жак друг моего детства... Я бегу к его жене... Она, вероятно, подавлена несчастьем.

— Могу я предложить вам свою помощь? Я князь Ренин, я и моя спутница рады были бы увидеть госпожу Обрие и предложить ей свои услуги.

Молодой человек, казалось, от волнения ничего не понимал. Он неловко представился:

— Дютрейль·.. Гастон Дютрейль...

Ренин сделал знак своему шоферу Клеману, который ожидал его, посадил Дютрейля в автомобиль и спросил:

— Адрес? Адрес госпожи Обрие.

— Проспект Руль, 23 bis...

Ренин помог Гортензии занять место, сказал адрес шоферу и в пути начал расспрашивать .Дютрейля.

— Я плохо знаю это дело. Объясните мне все в двух словах. Жак Обрие убил своего близкого родственника? Не так ли?

— Он невиновен, — ответил молодой человек, видимо неспособный толком все объяснить. — Клянусь, что он невиновен... и было бы чудовищно...

От него трудно было добиться чего либо. Вскоре, впрочем, они были у цели. Дютрейль позвонил у маленького одноэтажного домика.

— Барыня в гостиной, со своей матерью, — доложила горничная.

— Я хочу их видеть, — сказал Дютрейль, пригласив своих спутников следовать за собой.

Они вошли в элегантную и довольно поместительную гостиную, которая раньше, вероятно, была кабинетом.

Там сидели две женщины в слезах. Одна из них, более пожилая с седеющими волосами, поднялась навстречу Дютрейля, который объяснил ей цель прихода Ренина.

— Муж моей дочери невиновен, — воскликнула старушка, — наш Жак прекрасный человек, у него золотое сердце! Как он мог убить своего кузена!.. Он же горячо любил его. Клянусь вам, что он невиновен. И вот собираются совершить преступление — казнить его! Это убьет и мою дочь!..

Ренин понял, что все эти люди в течение долгих месяцев пребывали в полной уверенности, что невиновный не может быть казнен. Известие же о предстоящей казни приводило их в состояние, близкое к безумию.

Ренин подошел к молодой блондинке, на лице которой выражалось глубокое горе. Гортензия села около нея, стараясь ее утешить, а князь проговорил:

— Сударыня, я еще не знаю, что я могу для вас сделать. Но честью моей ручаюсь, что, если кто либо может помочь вам, так это я. Я вас умоляю ответить мне ясно на мои вопросы, чтобы я мог проникнуться вашей точкой зрения относительно Жака Обрие. Ведь он, по вашему мнению, невиновен?

— О, конечно! — горячо вырвалось у нее.

— Так вот эту уверенность, которой вы не могли заставить проникнуться судебную власть, вы должны передать мне, перелить в меня. Я не требую от вас подробностей, но прошу лишь ответить на ряд моих вопросов. Хотите?

— Спрашивайте.

Она была побеждена. Несколькими фразами Ренин заставил ее отдаться его власти. Гортензия лишний раз убедилась в том, какой способностью убеждать, подчинять и покорять обладал Ренин.

— Чем ваш муж занимался? — спросил он, предложив остальным хранить полное молчание.

— Он был страховым агентом.

— Хорошо шли его дела?

— До прошлого года хорошо.

— В последние же месяцы возникли денежные затруднения?

— Да.

— Когда совершено преступление?

— В марте, в воскресенье.

— Жертва?

— Дальний кузен, господин Гильом, живший в Сюрэснэ.

— Какая сумма похищена?

—Шестьдесят тысяч, которые накануне этот кузен получил от старого должника.

— Ваш муж это знал?

— Да. В воскресенье об этом кузен ему сообщил по телефону, и Жак настаивал на том, чтобы эти деньги кузен не оставлял у себя, а положил на следующий день в банк.

— Это было утром?

— В час дня. Жак как раз должен был отправиться к Гильому на своей мотоциклетке. Но он устал и предупредил его, что не выйдет. Весь день он оставался дома.

— Один?

— Да, один. Обе горничные ушли. Я отправилась с матерью и Дютрейлем в кино. Вечером мы узнали об убийстве Гильома, а на следующее утро Жака арестовали.

— На основании каких улик?

Несчастная заколебалась. Видимо, улики были подавляющие. Затем, по приглашению Ренина, она сразу все сообщила:

— Убийца отправился в Сен-Клу на мотоциклете. Следы мотоцикла те же, что и следы машины моего мужа. Нашли платок с монограммой моего мужа и принадлежащий ему револьвер. Наконец, один из наших соседей уверяет, что он видел мужа в три часа едущим на своей мотоциклетке, а другой заявляет, что муж мой вернулся в четыре с половиной часа. Преступление же совершено в четыре часа.

— А как оправдывается Жак Обрие?

— Он утверждает, что после обеда все время спал. В это время кто либо мог воспользоваться его мотоциклеткой. Платок и револьвер находились в сумке. Убийца мог ими воспользоваться.

— Эти объяснения правдоподобны.

— Да, но судебная власть возражает следующее: никто не знал, что мой муж сидит дома, так как по восресеньям он всегда после обеда уезжал на своей мотоциклетке.

— Дальше?

Молодая женщина покраснела и прошептала:

— В буфете Гильома убийца опорожнил пол бутылки вина. На этой бутылке нашли отпечатки пальцев моего мужа.

Казалось, она сделала последнее усилие и продолжать больше не может. Она погрузилась в глубокую задумчивость, из которой не в состоянии были ее вывести заботы Гортензии.

Мать же проговорила:

— Ведь он же невиновен? Не правда ли? Не могут же казнить невинного? Ведь это значит посягать на жизнь моей дочери. О, Боже, Боже! Что мы сделали? Моя бедная Мадлена!..

— Она лишит себя жизни, — с ужасом прошептал Дютрейль. — Ей не примириться никогда с мыслью, что Жака гильотинируют... В эту ночь она убьет себя...

Ренин стал ходить по комнате.

— Вы ничего не можете сделать? — спросила его Гортензия.

— Сейчас одиннадцать часов с половиной, — ответил он с озабоченным видом. — и завтра утром...

— Думаете ли вы, что он виновен?

— Я не знаю... я не знаю. Убеждение несчастной так твердо и трогательно, что с ним необходимо считаться. Два человека, года живущие друг возле друга, не могут ошибаться в такой степени... один в отношении другого... и однако!..

Он присел на диван и закурил сигаретку и выкурил их три при полном молчании окружающих. Никто не прервал нити его размышлений. Иногда он посматривал на часы: каждая минута имела значение.

Наконец, он подошел к Мадлене Обрие, взял ее за руку и тихо проговорил:

— Не надо убиваться. До последней минуты ничего не потеряно. Я вам обещаю действовать до этой последней минуты. Но мне необходимо, чтобы вы успокоились и доверились мне.

— Я буду покойной, — сказала она с убитым видом.

— И доверитесь мне?

— Я вам верю.

— Подождите моего возвращения. Я вернусь часа через два. Вы отправитесь с нами, господин Дютрейль?

Перед тем, как сесть в авто, он спросил молодого человека:

— Знаете ли вы в Париже, недалеко отсюда, малопосещаемый ресторан?

— Знаю: «Лютеция». В первом этаже того дома, где я живу, площадь Тэри.

— Отлично, это вполне подходит.

В пути они говорили мало. Ренин, однако, спросил Дютрейля:

— Насколько я помню, номера тех тысячных билетов, которые похищены, известны?

— Да, кузен Гильом записал все шестьдесят номеров в своей записной книжке.

Через мгновение Ренин прошептал:

— Вся разгадка в этом. Где эти деньги? Найти их, — все понять.

В ресторане он попросил, чтобы им подали завтрак в отдельной комнате, где находился телефон. Затем Ренин взял телефонную трубку и решительно заговорил:

— Алло!.. Прошу дать полицейскую префектуру, барышня... Алло! Алло!.. Префектура? Я хочу переговорить с начальником сыскной полиции. В высшей степени важное сообщение! Говорит князь Ренин. Кто у телефона? Господин секретарь префекта? Отлично. Я уже имел дело с вашим патроном и в разных случаях оказал ему важные услуги. Он должен помнить князя Ренина. Сегодня же я могу указать ему место, где находятся те шестьдесят тысяч, которые похищены убийцей Обрие у его кузена. Если мое сообщение его интересует, пусть он сейчас же командирует ко мне в ресторан«Лютеция» испектора полиции. Я там буду ждать его с дамой и господином Дютрейлем, другом Обрие. Мое почтение, господин секретарь!

Когда Ренин повесил трубку на место, он заметил изумленные лица Гортензии и Дютрейля. Гортензия спросила:

— Вы знаете? Вы, значит, открыли?

— Решительно ничего, — ответил он, смеясь.

— Тогда?!.

— Тогда я поступлю так, как будто бы я уже знаю. Это тоже хороший способ. Позавтракаем, хотите?

Часы показывали без четверти час.

— Через двадцать минут полиция будет здесь.

— А если никто не явится? — возразила Гортензия.

— Это меня удивило бы. Вот если бы я объявил, что Обрие невиновен, тогда другое дело· Накануне казни бесполезно убеждать этих господ, что приговоренный является жертвой судебной ошибки. А перспектива найти похищенные шестьдесят тысяч его несомненно заинтересует.

— Но вы ж не знаете, где они?

— Дорогой друг, — позвольте мне так называть вас, — если мы не можем объяснить какое либо физическое явление, то мы делаем гипотезу, согласно которой все необъяснимое явление и протекает. Я это и делаю.

— Значит, у вас есть определенная гипотеза?

Ренин ничего не ответил и только в конце завтрака заметил:

—Конечно, у меня есть идея. Будь у меня два-три дня срока, я мог бы проверить эту гипотезу, которая опирается и на мое внутреннее чутье, и на кое-какие разрозненные факты.. Но у меня всего два часа в распоряжении. Я пускаюсь по неизвестному пути, который должен привести меня к правде.

— А если вы ошибаетесь?

— У меня нет выбора. К тому же поздно. Стучат. Еще два слова: что бы я ни говорил, не опровергайте меня· Вы также, господин Дютрейль.

Он открыл двери. В комнату вошел худощавый человек с рыжей бородой.

— Князь Ренин?

— Это я. Вы по поручению господина префекта, вероятно?

— Да.

Вошедший представился:

— Главный инспектор Морисо.

— Я вам очень благодарен за ту поспешность, с которой вы прибыли, — проговорил Ренин, — как я рад, что именно вас командировали. Я ведь знаю ваши удивительные способности, о них мне много рассказывали.

Польщенный инспектор поклонился.

— Господин префект меня командировал в полное ваше распоряжение. Внизу у меня два помощника, которые работали со мной по этому делу с самого начала.

— Это дело не затянется, — объявил Ренин, — я не прошу вас даже сесть. Все будет кончено в две минуты... Вы знаете о чем речь?

—Дело идет о шестидесяти тысячах, похищенных у господина Гильома. Вот номера кредитных билетов.

Ренин пробежал список и подтвердил:

— Совершенно верно.

Испектор Морисо имел очень взволнованный вид.

— Мой начальник придает вашему сообщению очень важное значение. Не могли бы вы указать...

Ренин помолчал и затем объявил:

—Господин главный инспектор, мои розыски, с ходом которых я вас сейчас познакомлю, привели меня к выводу, что убийца, вернувшись на проспект Рул и поставив мотоциклетку на место, побежал затем бегом в Тэри и вошел затем в этот дом.

— В этот дом?

— Да.

— Но зачем?

— Чтобы спрятать плоды своего преступления, то есть шестьдесят тысячных билетов.

— Каким образом? Где?

— В помещении пятого этажа, от которого он имел ключ.

Гастон Дютрейль с изумлением воскликнул:

— Но в пятом этаже только одно помещение, которое я занимаю.

— Именно. А так как вы были в кино с мадам Обрие и ее матерью, то воспользовались вашим отсутствием.

— Невозможно. Только у меня имеется ключ.

— Входят и без ключа.

— Но я не нашел никаких следов.

Морисо вмешался:

— Позвольте, вы говорите, что похищенные деньги спрятаны в помещении г. Дютрейля.

— Да.

— Но так как Орие был арестован на следующий день, то деньги должны и теперь там находиться.

— Это и мое мнение.

— Но это же чепуха, — со смехом заметил Дютрейль, — я бы их нашел.

— Разве вы их искали?

— Нет. Но я бы непременно наткнулся на них. Мое помещение ведь крошечное. Хотите посмотреть?

— Хотя оно и маленькое, но запрятать там шестьдесят кредитных билетов всегда возможно.

—Конечно, конечно, — проговорил Дютрейль, — все возможно. Замечу только, что, по моему убеждению, никто ко мне не входил, у меня один ключ, я сам убираю комнату, и я не понимаю...

Гортензия также не понимала. Она старалась проникнуть в мысли князя. В конце концов она предложила:

— Не проще ли всего осмотреть помещение господина Дютрейля. Вы нам покажете?

— Прошу, — сказал молодой человек, — действительно, это проще всего.

Все четверо поднялись в квартиру Дютрейля. Они очутились в маленьком помещении, состоящем из двух комнаток и двух чуланов. Все там находилось в образцовом порядке. Каждая вещь, каждый стул занимали свое определенное место. У трубок была своя этажерка, у спичек своя. На трех гвоздях рядом висели три палки. На столике перед окном стояла картонка, наполненная тонкой оберточной бумагой. В эту картонку Дютрейль бережно уложил свою фетровую шляпу... Рядом на крышке он уложил свои перчатки. Он действовал, как человек, который любит, чтобы всякая вещь находилась на своем месте. Как только Ренин переставил кое-какие вещи, вся его фигура выразила немой протест: он надел опять шляпу, открыл окно и облокотился на подоконник, точно возмущенный происходящим кощунством.

— Вы продолжаете утверждать?.. — спросил инспектор Ренина.

— Да, да, я утверждаю, что после преступления деньги были принесены сюда.

— Поищем.

Это было легко. Через полчаса каждый угол, каждый шкафчик были осмотрены.

— Ничего, — сказал инспектор, — должны ли мы продолжать?

— Нет, — ответил Ренин, — деньги исчезли.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что их унесли.

— Кто унес? Будьте точнее.

Ренин ничего не ответил. Но Гастон Дютрейль с негодованием заговорил:

— Господин инспектор, позвольте мне ответить за этого господина. Выходит, что тот человек, который убил, похитил деньги, спрятал их здесь и затем перенес в другое место — этот человек именно я. Вы обвиняете меня в этом преступлении?

Ударив себя в грудь, он стал кричать:

— Я, я нашел деньги и запрятал их! Вы смеете это утверждать?!

Ренин все еще молчал. Дютрейль, обращаясь к инспектору, продолжал:

— Господин инспектор, я энергично протестую против всей этой комедии. Перед вашим приездом князь Ренин сказал нам, что он по этому делу решительно ничего не знает, и что он идет по избранному им пути, надеясь исключительно на случай. Не так ли?

Ренин сохранял полное молчание.

— Но говорите же, наконец! Объяснитесь. Выскажите же свои предположения! Легко сказать, что я украл, но надо же это доказать. И были деньги здесь? Кто их сюда принес? Зачем убийца выбрал бы именно мое помещение? Все это лишено всякой логики и бесконечно глупо!.. Дайте доказательства!.. Хотя бы одно доказательство, одну улику...

Испектор Морисо недоумевал. Он вопросительно взглянул на Ренина, который невозмутимо проговорил:

— Все подробности нам может сообщить г-жа Обрие. У нее имеется телефон. Спустимся вниз. Сейчас мы все узнаем.

Дютрейль пожал плечами:

— Как вам угодно, но сколько потерянного времени!

Он имел вид сильно рассерженного человека. Долгое стояние у окна под жгучими лучами солнца вызвало у него испарину. Он прошелся по комнате, взял со стола графин с водой, выпил несколько глотков воды и затем поставил графин на подоконник.

— Идем, — сказал он.

Князь Ренин усмехнулся:

— Видимо, вы спешите покинуть это помещение.

— Я спешу вас изобличить, — возразил Дютрейль, хлопая дверью.

Они спустились вниз и вошли в комнату, где находился телефон. Комната была пуста. Ренин попросил соединить его с Обрие.

К аппарату подошла горничная. Она ответила, что г-жа Обрие после припадка отчаяния упала в обморок и сейчас спит.

— Позовите ее мать· Говорит князь Ренин по крайне важному делу.

Он передал одну из слуховых трубок Морисо. Впрочем, голоса звучали так ясно, что Дютрейль и Гортензия могли все слышать совершенно отчетливо.

— Это вы, сударыня?

— Да. Князь Ренин? Что вы можете нам сообщить? Есть ли еще надежда?

— Расследование дает вполне удовлетворительные результаты и вы вправе надеяться. В настоящую же минуту мне надо получить от вас очень важную справку. В день преступления Гастон Дютрейль заходил к вам?

— Да, после завтрака он зашел за мной и моей дочерью.

— Знал ли он в эту минуту, что кузен Гильом только что получил 60.000 франков?

— Да, я ему об этом сообщила.

— И что Жак Обрие, которому нездоровилось, не совершит своей обычной прогулки на мотоциклетке и останется дома?

— Да.

— Вы вполне в этом уверены?

— Вполне.

— И в кино вы были втроем?

— Да

— Во время сеанса вы сидели все рядом?

— О, нет! Не было свободных мест рядом· Господин Дютрейль сел отдельно.

— С ваших мест вы могли его видеть?

— Нет.

— Во время антрактов он подходил к вам?

— Нет, мы его опять увидели только при выходе.

— По этому поводу у вас нет никаких сомнений.

— Никаких.

— Хорошо, сударыня! Через час я вам сообщу о результатах моих розысков. Не будите госпожу Обрие.

— А если она проснется?

— Успокойте ее и обнадежьте. Все идет лучше, нежели я предполагал.

Он повесил трубку и со смехом обратился к Дютрейлю:

— Однако, молодой человек, дело принимает интересный оборот. Как вы думаете?

Что означали эти слова? Что было на уме у Ренина? Молчание было тягостно и жутко.

— Господин главный инспектор, в вашем распоряжении здесь имеются люди?

— Два полицейских.

— Очень важно, чтобы они находились налицо. Попросите также хозяина, чтобы нас ни под каким предлогом не беспокоили.

Когда Морисо вернулся, Ренин закрыл двери, стал перед Дютрейлем и с насмешкой заявил:

— От трех до пяти часов, молодой человек, ваши дамы, как установлено, вас не видели. Любопытный фактец.

— Факт довольно естественный, — возразил Дютрейль, — который ничего ровно не доказывает.

— Он доказывает, что в вашем распоряжении находились два добрых часа.

— Ну, да! Я их провел в кино.

— Или в другом месте!? Да, вы могли совершить изрядную прогулку, например, по направлению в Сюресы...

— О, — попытался ответить шуткой молодой человек, — это слишком далеко.

— Очень близко! Ведь в вашем распоряжении находилась мотоциклетка вашего друга, Жака Обрие.

Молчание последовало за этими словами. Дютрейль насупил брови, как бы силясь понять. Наконец, он прошептал:

— Вот куда он ведет!.. Что за негодяй!

Рука Ренина опустилась на его плечо.

— Довольно болтать! Вот факты: Вы, Гастон Дютрейль, единственный человек, знавший в день убийства две важные вещи: 1) что кузен Гильом имел у себя дома 60.000 франков и 2) что Жак Обрие не должен был в этот день выйти. У вас тотчас возник план. Мотоциклетка находилась в вашем распоряжении. Вы удрали во время сеанса в кино. Затем вы убили кузена Гильома, забрали его деньги и перенесли их к себе. А в пять часов вы вернулись к своим дамам.

Дютрейль слушал Ренина с несколько насмешливым видом, иногда поглядывая на Морисо и как бы призывая его в свидетели.

Когда Ренин кончил, он рассмеялся.

— Великолепно! Славная шутка!.. Значит соседи видели меня едущим и возвращающимся на мотоциклетке?

— Вас; вы переоделись в костюм Обрие.

— И на бутылке в буфете на месте преступления обнаружили отпечатки моих пальцев?

— Эта бутылка была открыта Жаком Обрие у себя во время завтрака; это вы перевезли ее к кузену Гильому.

— Уморительно! — воскликнул Дютрейль, как бы искренно забавляясь; — выходит, я скомбинировал это преступление и умышленно подвел под обвинение Жака Обрие?

— Это вернейший способ, чтобы вас самого не обвинили.

— Но ведь Жак мой друг детства.

— Вы влюблены в его жену.

Молодой человек с негодованием воскликнул:

— Как смеете!.. Такая наглость!

— У меня имеются доказательства.

— Лжете. Я ее уважаю, но...

— Вы ее любите, вы ее желаете. У меня есть тому доказательства.

— Ложь! Вы едва меня знаете.

— Я давно уже слежу за вами и ждал только той минуты, когда изобличу вас.

Он схватил молодого человека за плечи и резко проговорил:

— Дютрейль, сознавайтесь! У меня все доказательства налицо. Мои свидетели вас ожидают у префекта сыскной полиции. Сознайтесь же! Ведь вас терзают упреки совести. Вспомните ваш ужас в ресторане, когда вы прочитали в газете о предстоящей казни Обрие. Вы надеялись, что он отделается каторгой... Но гильотина не входила в ваши планы. Подумайте: завтра казнят невиновного! Сознайтесь же!

Он всячески старался вырвать у него признание, но Дютрейль с негодованием возразил:

— Вы сошли с ума. Все это вздор! Все ваши доказательства ложны. И денег у меня ведь вы не нашли?!

Возмущенный Ренин погрозил ему кулаком.

— Каналья! Я тебя все же отдам палачу.

Он отвел инспектора в сторону:

— Каков негодяй!

Испектор покачал головой:

— Погодите, господин Морисо, — мы увидимся у господина префекта. Не так ли?

— Да, он будет у себя в три часа.

— К этому времени все будет выяснено. Увидите!

Ренин улыбался, как бы уверенный в полном своем успехе. Гортензия, находившаяся около него, сказала ему так, чтобы другие не слышали:

— Вы его изобличили!? Не правда ли?

— Я не подвинулся пока ни на шаг.

— Но это же ужасно! А ваши доказательства?

— Нет и тени улик... Я надеялся его смутить. Но он, разбойник, хорошо владеет собой.

— Но вы уверены, что это он?

— Безусловно. Я это чувствую, я в этом вполне сейчас уверен.

— И он любит госпожу Обрие?

— Если логично рассуждать, да. Но все это теоретические предположения, не больше. Доказательств нет. Вот если бы нашли деньги! Иначе префект осмеет меня.

— Тогда... — прошептала Гортензия, чувствуя, что у нее сжимается сердце.

Он не ответил и, с довольным видом, потирая руки, принялся ходить по комнате. Казалось, что все шло у него превосходно, именно так, как он и предполагал.

— Не отправимся ли мы в префектуру, господин Морисо? Начальник ваш, вероятно, уже там. Все так ясно, что дело это можно и кончить.

— Господин Дютрейль тоже отправится с нами?

— Почему бы и мне не отправиться, — ответил тот с вызывающим видом.

Но в то мгновение, когда Ренин открыл двери, в коридоре послышался шум и в комнату вбежал хозяин в сильном волнении.

— Господин Дютрейль еще здесь? Его квартира в огне. Кто то это заметил с улицы и предупредил нас.

Глаза молодого человека злобно сверкнули. На губах его зазмеилась улыбка, которую Ренин заметил.

— А, разбойник, — вскричал он, — ты выдал себя. Это ты поджег свою квартиру и теперь деньги сгорят.

Он загородил ему дорогу.

— Оставьте меня, — завопил Дютрейль, — ведь у меня ключ, никто без меня войти не может... Вот ключ... пропустите меня!

Ренин вырвал у него ключ из рук и, схватив за ворот, проговорил:

— Ни с места негодяй! Теперь то ты попался. Господин Морисо, прикажите полицейскому следить за ним и застрелить при попытке к бегству. Полицейский, мы на вас рассчитываем.

Он быстро поднялся по лестнице, сопутствуемый Гортензией и инспектором, который шел неохотно и ворчал:

— Ведь не мог же он зажечь свою квартиру,когда все время находился с нами.

— Он поджег заранее.

— Но как? Но как?

— Почем я знаю! Но пожар сам собою не вспыхивает в тот именно момент, когда требуется сжечь компрометирующие бумаги.

Наверху слышался шум. Лакеи ресторана пытались выломать дверь. Слышался едкий запах гари.

— Место друзья, — воскликнул Ренин, — у меня ключ!

Он открыл дверь. Из комнаты поползла волна дыма, но Ренин сейчас же заметил, что пожар потух сам собою за отсутствием горючего материала.

— Господин Морисо, прикажите никому не входить. Все дело иначе может быть испорчено. Закройте двери на ключ.

Они вошли в первую комнату. Все там закоптело от дыма, но пламя ничего не тронуло, исключая бумаги, которая догорала по средине комнаты перед окном.

Ренин ударил себя по лбу.

— Какой я осел!

— Что такое? — спросил инспектор.

— Картонка от шляпы, чорт возьми! Картонка от шляпы, которая находилась на столике. Он там запрятал деньги. Они там находились во время нашего обыска.

— Невозможно!

— Всегда забывают этот трюк. Кто мог подумать, что деньги запрятаны в картонку, куда при в ходе рассеянным жестом кладут свою шляпу. Там в голову не придет искать... Хорошо сыграно, господин Дютрейль

Инспектор с недоверием возразил:

— Нет, нет, это невозможно. Он был с нами и не мог произвести пожара.

— Все было им, уверяю вас, приготовлено заблаговременно. Картонка... оберточная бумага... деньги — все это было заранее пропитано каким либо легко воспламе-

няющимся составом. Когда мы уходили, он туда что-нибудь бросил... спичку, может быть! Я точно не знаю.

— Но мы бы ведь заметили, чорт возьми! И как допустить, что он таким образом уничтожил 60.000 франков — добычу своего преступления. Если же этот тайничок был столь хорош, — а он был хорош, так как мы его не открыли, — то зачем это бесполезное уничтожение...?

— Он испугался, господин Морисо. Не забывайте, что он рискует своей головой. Лучше потерять деньги, нежели познакомиться с гильотиной. Эти деньги были единственным доказательством.

Морисо изумился.

— Как так? Единственным доказательством?

— Ну, конечно.

—Но ваши свидетели, ваши улики? Все то, что вы передали префекту?..

— Все это блеф...

— Ну, у вас и апломб!

— Иначе вы бы не помогли мне.

— Нет.

—В этом все дело.

Ренин наклонился над сгоревшей бумагой. Оставался только пепел, больше ничего.

— Странно! Как он умудрился совершить поджог?

Он сосредоточился и стал что то обдумывать. Гортензия чувствуя, что наступает минута победы или поражения, спросила с беспокойством:

— Все потеряно?

— Нет, нет, — ответил он задумчиво, — еще не все потеряно. У меня блеснул сейчас луч надежды.

— Господи! Если бы это удалось.

— Не будем спешить. Это только опыт, красивый опыт, который может удасться...

Он помолчал и потом, щелкнув языком, воскликнул:

— Молодчина же этот Дютрейль! Какой способ он изобрел, чтобы сжечь деньги! И какое хладнокровие! Животное заставило меня пошевелить мозгами. Молодчина!

Он взял половую щетку, очистил комнату от пепла, затем из соседней комнаты принес картонку для шляпы, похожую на ту, которая сгорела, поставил ее на столик и поджег бумагу, находящуюся внутри.

Вспыхнуло пламя. Ренин в скором времени потушил огонь, вынул из бумажника несколько кредитных би-

летов, наполовину сжег их и затем уложил в картонку вместе с остальной обгоревшей оберточной бумагой.

— Господин Морисо, — сказал он, наконец, — прошу вас в последний раз оказать мне содействие. Приведите сюда Дютрейля. Вы ему скажите следующее:

— Вы разоблачены. Деньги не загорелись. Следуйте за мною.

Они замолчали. Ренин не двигался. Гортензия была бесконечно взволнована. Дело шло о жизни невинной жертвы. Ошибка, неудача... и через двенадцать часов Жак Обрие будет казнен. И к чувству ужаса у нее примешивалось чувство жгучего любопытства. Что сделает князь Ренин? Как поведет себя Гастон Дютрейль? Она переживала минуту высшего напряжения, минуту громадного душевного возбуждения.

Послышались шаги. Они приближались. Гортензия взглянула на своего спутника. Он встал, вдруг стремительно подскочил к дверям и крикнул:

— Скорей!.. Надо кончить!

Два полицейских инспектора и два лакея вошли вместе с Дютрейлем.

Ренин схватил его за руку и весело проговорил:

— Браво, старина! Ловко придумано с графином и столиком! Только, дружище, ты влопался!

— Что такое? — пробормотал с смущением молодой человек.

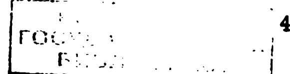
— Господи! Вся суть в том, что огонь не все уничтожил. Он пощадил запрятанные тобой кредитные билеты. Посмотри! Даже номера остались... Ты можешь их узнать. Теперь ты, старина, окончательно погиб!

Молодой человек содрогнулся. Глаза его забегали. Он не последовал предложению Ренина взглянуть на картонку и кредитные билеты, сразу поверил ему и с рыданиями упал на стул.

Неожиданное нападение, как надеялся Ренин, вполне удалось. Видя, что все его планы разбиты, он потерял сразу силу сопротивления и сдался.

Ренин не позволил ему вздохнуть:

— Правильно, молодчик! Полным чистосердечным признанием ты спасешь свою голову. Вот и перо, чтобы записать твое сознание... А ловко все проделано... Особенно графин с водой... Прекрасная штука! Вы ставите

на подоконник большой шарообразный графин с водой. Этот графин выполняет роль зажигательного стекла и направляет лучи солнца на картонку и заранее приготовленную оберточную бумагу. Через десять минут после этого все объято пламенем. Чудесное изобретение, право!

Ренин наклонился над Дютрейлем и, гипнотизируя его своим взглядом, заставил написать свое признание.

— Господин инспектор! Вот заявление Дютрейля. Не откажите отнести его господину префекту. Все присутствующие, надеюсь, подтвердят, что Дютрейль сознался в убийстве Гильома.

Затем он обратился с насмешкой к совершенно подавленному убийце:

— И дурак же ты, дружище! Ведь и картонка твоя, и деньги сгорели! А это новая картонка, а полусгоревшие кредитные билеты принадлежат мне. А ты ничего не понял. В последнюю минуту ты сам дал мне единственное доказательство своей виновности. И какое еще: признание, написанное в присутствии свидетелей!

На улице князь Ренин попросил Гортензию отправиться в автомобиле к Мадлене Обрие и сообщить ей о происшедшем.

— А вы? — спросила Гортензия.

— У меня много разных неотложных дел.

Она схватила его за руку и минуту задержала его руку в своей. Она хотела бы много, много высказать этому удивительному человеку, который с такой гениальностью делал добро, как бы из любви к спорту. Но она не в силах была что либо сказать. Все эти события ее бесконечно взволновали. Она почувствовала, что в глазах ее стояли слезы.

Он поклонился и проговорил:

— Благодарю вас! Я вознагражден.

ТЕРЕЗА И ЖЕРМЕНА

III.

Последние дни осени отличались такой мягкостью, что 2-го октября утром несколько семейств, живущих в своих виллах в Этрета, спустились к берегу моря. Вдали между горами воздух был так чист, прозрачен и нежен, а небо так сине и ясно, что все решительно окутывала дымка поэзии, дымка своеобразной прелести.

— Восхитительно! — проговорила Гортензия. Затем она добавила:

— И все же не для того мы приехали сюда, чтобы наслаждаться красотой природы или же заниматься разрешением вопроса, действительно ли эта громада камней, называемая «Иглой» была обиталищем Арсена Люпена

— Нет, — ответил Ренин, — я согласен удовлетворить ваше законное любопытство, хотя бы частично, так как пока я узнал еще очень мало по интересующему меня вопросу.

— Я вас слушаю.

— Начну с маленького введения. Вы понимаете, дорогой друг, что, делая своим ближним добро, я должен везде иметь друзей, сообщающих мне о том, когда мне нужно действовать. Иногда мне сообщают ерунду, на которую я не обращаю внимания. Но неделю тому назад я получил от своего корреспондента известие, что он перехватил по телефону очень любопытный разговор. Из своей парижской квартиры одна дама беседовала с одним господином, временно живущим в соседнем большом городе. Название города, фамилия господина, фамилия дамы неизвестны. Господин и дама говорили по испански,

но употребляя наречие, называемое яванским. В конце концов из перехваченной беседы установлено следующее: 1) Беседовавшие — брат и сестра. Они ожидают третье лицо, состоящее в браке и желающее какою бы то ни было ценой получить свою свободу. 2) Они условились при помощи газетного объявления встретиться 2 октября. 3) Свидание это состоится в конце дня во время прогулки по скалам, при чем лицо, желающее освободиться от брачных уз, приведет с собой свою предполагаемую жертву. Вот суть этого дела. Все страшно занимательно. День тому назад утром в одной газете я прочитал следующее объявление:

«Сви-ие, 2-го окт., полдень, 3 - Матильд.»

Так как вопрос шел о скалах, то я решил, что преступление совершится на берегу моря. Я знаю, что в Этрета есть скалы, называемые «Тремя Матильдами». Вот почему мы здесь. Нам нужно воспрепятствовать выполнению злого намерения.

— Вы говорите о возможном преступлении. Ведь это же только ваше предположение?

— Ничуть. Разговор шел о браке одного из собеседников с тем третьим лицом, о котором я упоминал. Этому третьему лицу надо освободиться от своей пары, которая 2-го октября должна быть сброшена со скалы в море. Все это строго логично.

Они сидели на террасе казино против лестницы, которая спускалась к морю. Они видели перед собой на берегу кабинки купающихся. Перед этими кабинками четыре господина играли в бридж, а группа дам занималась рукоделием и болтала.

Несколько дальше стояла отдельно закрытая кабинка. Дети с голыми ногами играли в воде.

— Вся эта благодать и осенняя идилия меня не радует, — сказала Гортензия, — так как я все думаю о вашем сообщении. Ужасная загадка!

— Именно ужасная, дорогой друг! И трудно ее разгадать!

— Что то произойдет?

И она добавила:

— Кому из собравшихся здесь угрожает опасность? Кто в числе обреченных? Эта ли смеющаяся блондинка? Или тот большой господин, который курит? И кто между ними будущий убийца? Все эти люди веселы и спокойны, и смерть бродит между ними.

— Отлично! — заметил Ренин, — мне удалось и вас заинтересовать, увлечь! Я вас предупреждал, что это случится. Вы невольно проникаетесь теми таинственными драмами, которые совершаются вблизи вас. Вам хочется раскрыть тайну, добиться разгадки загадочного явления. С каким, например, вниманием вы следите за этой приближающейся супружеской четой? Не они ли это? Может быть, именно этот господин намерен уничтожить свою благоверную? Или дама хочет, наоборот, упразднить мужа?

— Д'Ибревали? Ну, это невозможно! Это такое идеальное супружество! Вчера я долго в гостинице беседовала с женой, а вы...

— А я играл в гольф с Жаком д'Имбревалем, этим атлетом, и играл в куклы с их двумя прелестными девочками.

Д'Имбревали к ним приблизились, и они обменялись с ними несколькими фразами. Госпожа д'Имбреваль сообщила, что ее две дочери вернулись утром в Париж со своей гувернанткой. Ее муж, здоровенный мужчина с русой бородой жаловался на жару и держал свой фланелевый пиджак в руках.

— Тереза, ключ от кабинки у тебя? — спросил он свою жену, когда они отошли от Гортензии и Ренина.

— Вот он, — ответила жена, — ты будешь читать газеты?

— Да, если только ты не предпочитаешь погулять.

— Лучше позднее; мне еще надо написать десяток писем.

— Отлично! Мы взберемся на скалы.

Гортензия и Ренин переглянулись. Что это значило? Не находились ли они на пути к раскрытию тайны?

Гортензия попыталась посмеяться:

— Мое сердце усиленно бьется, но я не верю такому совпадению. Она мне как то сказала, что с мужем она ни разу даже не поспорила. Нет, видимо, они отлично уживаются.

— Мы это увидим скоро у «Трех Матильд», если кто либо из них туда придет.

Д'Имбреваль спустился по лестнице, а его жена оперлась на перила террасы. У нее была красивая гибкая фигура. Красивый ее профиль с несколько выдающимся подбородком ясно обрисовывался. В минуты спокойствия лицо носило отпечаток какой то тоски и страдания.

— Жак, ты потерял что то, — крикнула она мужу, заметив, что он наклонился над гравием.

— Да, я выронил ключ.

Она помогла ему в поисках. Скоро они исчезли с глаз Гортензии и Ренина. Спор, возникший между игроками в бридж, покрыл их голоса.

Затем госпожа д'Имбреваль вернулась на лестницу и остановилась, глядя на море, а муж ее направился к стоящей отдельно кабинке. По дороге игроки в бридж обратились к нему с просьбой разрешить их спор, но он уклонился высказать свое мнение, прошел те сорок шагов, которые отделяли его от кабинки, открыл ее и вошел туда.

Тереза д'Имбреваль поднялась на террасу и, посидев минут десять на скамейке, вышла из казино. Гортензия заметила, что она вошла в один из флигелей, прилегающих к гостинице, и затем увидела ее на балконе своего помещения.

— Одиннадцать часов, — сказал Ренин, — я уверен, что кто нибудь — он или она, или кто либо из этих игроков, — должен сейчас отправиться на свидание.

Прошло, однако, двадцать минут, потом двадцать пять и никто не двигался.

— Возможно, что госпожа д'Имбреваль уже пошла; ее на балконе уже нет, — сказала Гортензия, начинающая нервничать.

— Если она у «Трех Матильд», мы ее там застанем.

Он встал. В это время между играющими возник новый спор. Один из них воскликнул:

— Спросим д'Имбреваля.

— Хорошо, — согласился другой, — пусть он будет нашим посредником, хотя видели, сейчас он и был в дурном настроении духа. Откажет еще!

Стали звать:

— Д'Имбреваль, д'Имбреваль!

Тогда они заметили, что д'Имбреваль закрыл за собой двери кабинки, у которой не было окон.

— Он спит, вероятно! Надо его разбудить.

— Д'Имбреваль, д'Имбреваль!

Все четверо игроков направились к кабинке и постучались.

— Д'Имбреваль, вы спите?

На террасе Сергей Ренин вдруг вскочил с таким взволнованным видом, что Гортензия испугалась. Он пробормотал:

— Только бы не опоздать!

Не отвечая на вопросы Гортензии, он пустился бежать по направлению к кабинке. Он подбежал туда в тот момент, когда игроки пытались открыть двери.

— Стойте, —скомандовал он, — все должно быть сделано по правилам.

— В чем дело? — спросил кто то.

Через щелочку ему удалось взглянуть внутрь кабинки. Его стали спрашивать:

— Что там такое? Что вы видите?

Он повернулся и сказал:

— Я был уверен, что, если д'Имбреваль не отвечал, то потому, что серьезное происшествие мешало ему сделать это.

— Важное происшествие?

— Да, надо полагать, что д'Имбреваль ранен или... умер.

— Как умер! — послышались крики, — он только что нас покинул.

Ренин вынул перочинный ножик, взломал замок и открыл двери кабинки.

Послышались крики ужаса. Господин д'Имбреваль лежал на полу лицом вниз, судорожно сжимая в руках газету. Спина его была вся в крови.

— О, — сказал кто то, — он себя убил!

— Как он мог себя убить? — возразил Ренин. — Рана ведь нанесена в спину. Да и здесь нет никакого оружия.

Игроки запротестовали:

— Преступление?.. Это невозможно. Здесь никого не было. Мы бы видели.

Сбежались дачники со всех сторон. Ренин пустил в кабинку только доктора. Врач удостоверил, что д'Имбреваль убит ударом кинжала.

В этот момент прибыл мэр и полицейский. Они выполнили нужные формальности и унесли труп. Кто то побежал предупредить жену покойного, которая опять появилась на своем балконе.

Итак, трагедия совершилась. Невозможно было понять как человек, запершийся в кабинке, мог быть убит почти на глазах у десятков свидетелей. Ведь дверь кабинки оказалась запертой и никто туда не входил. Кинжал, которым воспользовался убийца, не был найден. Казалось,

что это какой то фокус, а между тем дело шло об ужаснейшем преступлении.

Волнение Гортензии было неописуемо. Впервые за время ее похождений с Рениным ей пришлось так близко видеть совершенное преступление. Она шептала:

— Какой ужас!.. Несчастный!.. А, Ренин, этого вы были бессильны спасти!.. Самое ужасное заключается в том, что мы могли спасти его, так как знали о заговоре.

Ренин дал ей понюхать нашатырного спирту и, когда она успокоилась, сказал ей, одновременно наблюдая за молодой женщиной:

— Вы, следовательно, полагаете, что есть связь между этим убийством и тем заговором, о котором мы узнали.

—Ну, конечно, — ответила она с удивлением.

— Значит, имея в виду, что заговор задуман мужем против жены своей или женой против мужа, вы думаете, что госпожа д'Имбреваль?..

— О, нет, это невозможно, — возразила она, — во первых, госпожа д'Имбреваль не покидала своего помещения... во вторых, я никогда не поверю, чтобы эта прекрасная женщина была способна на это... нет, нет, здесь нечто другое.

— Что же именно?

— Я не знаю... Возможно, что разговор между братом и сестрой по телефону был плохо понят... Ведь преступление совершено в других условиях, в другое время... в другом месте.

— Возможно... но до сих пор ни одного доказательства.

— Значит, — заметил Ренин, — обе истории не находятся ни в какой связи?

— Ах, — прошептала она, — ничего решительно нельзя понять. Все это так странно.

Ренин начал иронизировать:

— Мой ученик не делает мне сегодня чести...

— То есть как?

— Судите сами: вся эта драма развернулась, можно сказать, на ваших глазах, а вы в ней ничего не понимаете и ничего не можете разгадать. Точно дело происходит Бог знает где.

Гортензия сконфузилась.

— Что вы говорите! Неужели вы что нибудь разгадали? По каким же признакам?

Он посмотрел на свои часы.

— Я не все понял. Преступление во всей его внезапности — да! Но его психология пока еще мне не ясна. Сейчас двенадцать часов. Брат и сестра, видя, что на свидание к «Трем Матильдам» никто не является, вероятно приедут сюда. Не думаете ли вы, что мы скоро тогда распутаем все это дело и поймем связь его с убийством д'Имбреваля?

Они пошли по набережной, вдоль которой расположились дачи. У одной дачи они заметили много любопытных. Два таможенных солдата стояли у входных дверей дачи и никого туда не пускали. Через толпу быстро пробирался мэр. Он возвращался с почты, откуда телефонировал в Гавр. Ему ответили, что прокурор и судебный следователь в скором времени прибудут в Этрета.

— Мы имеем время, чтобы позавтракать, — сказал Ренин. — Трагедия не разыграется раньше двух-трех часов. Думаю, что выйдет очень интересно.

Они поторопились позавтракать. Гортензия, возбужденная и взволнованная желанием все скорей узнать, засыпала Ренина вопросами. Он отвечал уклончиво и все поглядывал по направлению набережной, которая виднелась через окна столовой.

— Вы их ожидаете?

— Да, брата и сестру.

— Вы полагаете, что они рискнут?..

— Внимание! Вот и они!

Он быстро вышел.

По главной улице неуверенными шагами шли мужчина и женщина, точно незнакомые с топографией местности. Брат был маленький, худенький человек с автомобильной фуражкой на голове. Сестра, тоже маленькая, но довольно полная, хотя и в летах уже, все же сохранила следы своей былой красоты, как это можно было заметить через вуалетку, прикрывавшую ее лицо.

Они подошли к собравшейся группе людей. Видимо, оба волновались и беспокоились.

Сестра подошла к матросу. С первых же слов, когда, вероятно, она услыхала об убийстве д'Имбреваля, она вскрикнула и старалась протиснуться вперед. Брат также пробирался в первые ряды и обратился к таможенным солдатам:

— Я друг д'Имбреваля!.. Вот моя визитная карточка... Фредерик Астэнг... Моя сестра, Жермена Астэнг, подруга

госпожи д'Имбреваль... Они нас ожидали... У нас было назначено свидание!..

Их пропустили. Ренин и Гортензия, не говоря им ни слова последовали за ними.

Д'Имбревали занимали во втором этаже четыре комнаты и гостиную. Сестра бросилась в одну из комнат и упала на колени перед кроватью, куда положили убитого. В гостиной сидела Тереза. Она рыдала среди нескольких хранящих безмолвие людей. Брат сел около нее, схватил ее за руку и проговорил дрожащим голосом:

— Бедный мой друг... бедный мой друг!

Ренин и Гортензия внимательно взглянули на них. Гортензия прошептала:

— И ради такого господина они убили?.. Нет, это совершенно не может быть!

— Однако, — заметил Ренин, — они друг с другом знакомы. Мы также знаем, что они вели переговоры с третьим лицом, своим сообщником, значит?..

— Невозможно, — повторила Гортензия.

Не смотря на предубежденность своего спутника, Гортензия испытывала к молодой женщине необыкновенную симпатию. Когда Астэнг встал, она села около госпожи д'Имбреваль и принялась утешать ее нежным голосом. Слезы несчастной бесконечно трогали ее.

Ренин стал успешно следить за братом и сестрой. Фредерик Астэнг ходил по квартире и все внимательно рассматривал, спрашивая о подробностях совершенного преступления. Два раза сестра его подходила к нему, и они о чем-то шептались. Затем он опять вернулся к госпоже д'Имбреваль и опять сел около нее, обнаруживая живое участие к ее горю. В конце концов, переговорив с сестрой в передней и как будто о чем то условившись с ней, Фредерик ушел. Все это продолжалось около сорока минут.

В это время подкатил автомобиль с прокурором и судебным следователем. Ренин, ожидавший их прибытия позднее, сказал Гортензии:

— Надо поспешить. Ни под каким видом не оставляйте госпожу д'Имбреваль.

Предупредили свидетелей, чтобы они собрались, а следователь приступил к делу. Опрос госпожи д'Имбреваль должен был последовать позднее. Всех посторонних удалили. Остались только две сиделки и Жермена Астэнг.

Жермена стала на колени перед телом убитого и закрыв лицо руками, долго молилась. Когда она встала и

хотела выйти из комнаты, к ней подошел Ренин.

— Мне, сударыня, надо сказать вам несколько слов.

Она удивилась и ответила:

— Говорите, я вас слушаю.

— Не здесь.

— Где же?

— Рядом, в гостиной.

— Нет, — живо возразила она.

— Почему? Хотя вы и не поздоровались с госпожей д'Имбреваль, все же, думаю, вы ее приятельница?

Он не дал ей времени подумать, увлек ее в гостиную и, подойдя к госпоже д'Имбреваль, которая собиралась уйти в свою комнату, сказал:

— Сударыня, умоляю вас выслушать меня. Присутствие госпожи Астэнг не должно вас смущать. Мы должны переговорить, не теряя ни одной минуты, о вещах в высшей степени важных.

Обе женщины очутились лицом к лицу, при чем ясно было, что одна ненавидела другую; эта ненависть читалась в каждой черте их лиц. Гортензия, которая раньше думала, что они приятельницы, видя это, ужаснулась, ожидая, что произойдет роковое столкновение. Она заставила госпожу д'Имбреваль сесть. Ренин же стал на середину комнаты и проговорил твердым голосом:

— Случай, который помог мне открыть правду, даст мне также возможность вас обеих спасти. Но вы должны быть со мной вполне откровенны и дать мне необходимые дополнительные сведения. Каждая из вас понимает, что находится в опасности, так как знает свои злые намерения. Но ненависть вас сейчас ослепляет и я хочу помочь вам. Через полчаса следователь будет здесь. До его прихода вы должны притти к соглашению.

Обе подскочили как бы под ударами хлыста.

— Да, вы должны притти к соглашению, — повторил он еще более повелительно. — Добровольно или нет, но это должно свершиться. Вы не одни являетесь страдающими лицами. У вас ведь две девочки — обратился он к госпоже д'Имбреваль. — Я вмешиваюсь в это дело, чтобы защитить их и быть им полезным. Ошибка, лишнее слово и... они, эти девочки, погибли. Этого не должно быть.

При упоминании о детях госпожа д'Имбреваль упала в кресло и зарыдала. Жермена Астэнг пожала плечами и пошла по направлению к двери.

— Куда вы идете? — остановил ее Ренин.

— Меня вызывал судебный следователь.

— Нет.

— Да, как и всех, кто может что либо показать.

— Вас там не было. О происшедшем вы ничего не знаете. Никто ничего не знает об этом преступлении.

— Я знаю, кто его совершил.

—Быть не может!

—Тереза д'Имбреваль.

Это обвинение было брошено с жестом злобы и ненависти.

— Негодяйка! — вскрикнула госпожа д'Имбреваль, бросаясь к ней. — Пошла вон! Пошла вон! Ах, какая подлая женщина!

Гортензия пробовала ее успокоить, но Ренин тихо сказал:

— Оставьте их, я именно этого хотел... заставить их сцепиться и выяснить таким образом истину.

Госпожа Астэнг, оскорбленная, деланно расхохоталась:

— Негодяйка? Почему? Потому, что я тебя обвиняю?

— За все, за все! Ты, Жермена, негодяйка, подлая женщина! Слышишь!?

Тереза д'Имбреваль повторяла оскорбительные слова, точно они приносили ей облегчение. Когда она стала успокаиваться, возможно, что физические силы изменили ей. Тогда госпожа Астэнг перешла в атаку. Лицо ее сделалось неузнаваемым, оно постарело на двадцать лет.

— Ты, ты еще смеешь меня оскорблять после совершенного тобой преступления! Ты решаешься поднимать голову, когда человек, которого ты убила, лежит тут рядом. Если кто из нас негодяйка, то это, конечно, ты, Тереза! Ты убила своего мужа!.. Ты убила своего мужа!

Она подскочила к своей приятельнице и ногти ее рук почти касались ее лица.

— Посмей сказать, что ты не убила его, — вскрикнула она, — не говори этого, я тебе это запрещаю. Кинжал в твоем ридикюле. Мой брат его ощупал, когда говорил с тобой, а рука его оказалась со следами крови. Это кровь твоего мужа, Тереза. Я сразу все угадала. Когда какой то матрос мне ответил внизу, что убили д'Имбреваля, я сразу же сообразила, что это ты его убила.

Тереза ничего не отвечала. Она даже не протестовала. Гортензии показалось, что она чувствует свою гибель. Ее лицо посерело и выражало полнейшее отчаяние. Гортензия стала умолять ее защищаться.

— Объясните же все, умоляю вас. Во время совершения преступления вы же находились у себя на балконе... Откуда появился этот кинжал?.. Как объяснить?

— Объяснения! — засмеялась Жермена Астэнг, — она их дать не может. Не в мелочах дело, а в сути. Главное же доказательство — кинжал. И это факт, что он у нее в ридикюле... Да, да, Тереза, именно ты убийца! Я часто говорила своему брату, что ты убьешь своего мужа. Фредерик, питавший к тебе слабость, пробовал защищать тебя. Но в сущности он предвидел это событие. Ужасное преступление совершилось! Удар кинжала в спину. Подлая, подлая!.. И я ничего не смею сказать, я должна молчать?! Но ни у меня, ни у Фредерика нет ни малейших сомнений. Я тебя непременно выдам. И ты, Тереза, погибла, невозвратно погибла! Ничего не спасет тебя. Твой кинжал сейчас будет найден следователем и на нем будут найдены следы крови тобой убитого мужа. И у тебя также найдут его бумажник. Да, найдут!

Она пылала такой злобой, что не могла продолжать и подбородок ее конвульсивно дрожал.

Ренин тихо схватил ридикюль Терезы д'Имбреваль, но она не хотела его выпустить из рук. Он стал настаивать и сказал ей:

— Предоставьте мне действовать, сударыня. Ваша приятельница Жермена права. Если следователь найдет у вас кинжал, он вас немедленно арестует. Этого не должно быть. Предоставьте мне свободу действий.

Его мягкий тон победил сопротивление Терезы. Ее пальцы расжались. Он открыл мешочек-ридикюль, вынул оттуда маленький кинжал с ручкой из черного дерева и бумажник из шагреневой кожи и спрятал обе вещи в боковой карман своего костюма.

Жермена Астэнг смотрела на него с изумлением.

— Вы сумасшедший! По какому праву?

— Эти вещи нельзя оставлять на виду. Теперь я спокоен. Следователь не станет искать в моем кармане.

— Но я вас выдам,— возразила она с возмущением, — судебная власть будет предупреждена.

— Нет, нет, вы будете молчать, — заметил он со смехом. — Судебной власти нечего совать сюда свой нос. Ваши взаимные недоразумения должны быть разрешены вами

же. Какая глупая идея — обращаться по всякому поводу к судебной власти!

Госпожа Астэнг была совершенно поражена.

— Но вы не имеете никакого права так говорить! Кто вы такой!? Друг этой женщины?

— С того момента, как вы на нее напали.

— Если я на нее нападаю, то потому, что она виновна в убийстве своего мужа...

— Я этого не отрицаю, — спокойно объявил Ренин, — в этом отношении мы сходимся. Д'Имбреваль, действительно, убит своей женой, но судебная власть этого знать не должна.

— Она это узнает через меня... Клянусь!.. Эта женщина должна быть наказана... Она ведь убила!

Ренин подошел к ней и тронул ее за плечо:

— Вы спрашиваете меня, почему я вмешиваюсь в эту историю? А вы, сударыня, по какому праву впутываетесь в это дело?

— Я была другом убитого .

— Только другом?

Она несколько смутилась, но сейчас же возразила:

— Я была его другом. Мой долг отомстить за него.

— Вы, однако, будете молчать, как и он.

— Он то ведь не знал, кто его убил.

— Ошибаетесь. Он имел время перед смертью выдать свою жену, но этого не сделал.

— Почему?

— Ради детей.

Госпожа Астэнг не сдавалась, хотя нравственная сила Ренина подчиняла ее. Она поняла, что вмешательство Ренина дало опору госпоже д'Имбреваль.

— Благодарю вас, — сказала Тереза, — если вы так хорошо разгадали, то вы понимаете, что я только ради детей не отдалась в руки судебной власти. Я, право, так устала!..

Итак, сцена менялась. Получалось такое впечатление, что виноватая начинала оправляться, а обвинительницу охватило какое то беспокойство. Она не находила слов, чтобы продолжать настаивать на своем обвинении, тогда

как другая чувствовала потребность признанием облегчить свое сердце.

— Сейчас, — ласково сказал Ренин, — я полагаю, что вы можете и должны нам все объяснить?

— Да, да... — согласилась она, — я должна ответить этой женщине.. Всю правду, не так ли?

Она заплакала, лицо ее посерело от горя и тихо, короткими фразами, без гнева, она заговорила:

— Уже четыре года она его любовница... Как я страдала!.. Она сама объявила об их связи... по злобе!.. Она меня еще больше ненавидела, нежели любила мужа... Каждый день она наносила мне новые раны... часто сообщала мне по телефону о назначенных с моим мужем свиданиях. Она думала, что таким образом доведет меня до самоубийства... Я о нем думала... Но дети меня от него удержали. А Жак слабел, подпадая под ее влияние. Она требовала, чтобы он со мной развелся, и он, видимо, шел на это. На него и она, и ее брат, опаснейший человек, оказывали самое дурное влияние, подчинив его своей власти... Жак делался со мной с каждым днем все жестче... У него не хватало мужества покинуть меня, но я была для него препятствием к осуществлению его планов. Господи, какие муки я переживала!

— Надо ему было дать свободу, — вскричала Жермена Астэнг, — нельзя убивать человека только за то, что он хочет развестись.

Тереза покачала головой:

— Я не потому убила его, что он хотел развестись. Если бы он хотел развестись, как я могла бы удержать его. Но твои намерения, Жермена, переменились. Для тебя уже не достаточно было развода, ты хотела добиться другого... На эту подлость по слабости характера мой муж согласился...

— Что ты хочешь сказать? — пробормотала Жермена... — Чего я добивалась?

— Моей смерти.

— Ты лжешь! — воскликнула Астэнг.

Тереза не повысила голоса и спокойно, невозмутимо ответила:

— Да, ты задумала умертвить меня. Я прочла твои последние письма, которые он забыл спрятать. Их было

шесть. Там этого страшного слова нет, но оно чувствуется между строк. Я прочла это с ужасом! Мой Жак дошел до такой мерзости!.. Но все же я ни одной минуты не думала и после этого убить его. Такие женщины, как я, преднамышленно не убивают... Я это сделала неожиданно, потеряв голову... по твоей вине, Жермена.

Она вопросительно посмотрела на Ренина, точно прося у него защиты.

— Говорите безбоязненно, я беру все на себя.

Она провела рукой по лбу. Страшная сцена оживала в ее воображении и мучила ее... Жермена Астэнг не двигалась, глаза ее выражали смущение. Гортензия же с нетерпением ожидала разъяснения этой загадочной драмы.

— Случилось это все позже и по твоей вине, Жермена. Я положила обратно бумажник в ящик стола и ничего о нем не сказала мужу. Я не хотела сказать ему то, что узнала. Это было так ужасно! Но надо было торопиться. Твои письма сообщали о твоем приезде сегодня же... Сначала я хотела просто уехать. Машинально я захватила этот кинжал, чтобы защищаться... но когда Жак и я пришли на берег моря, тогда я готова была умереть... Пусть я умру и весь этот кошмар этим и кончится. Но ради детей я хотела, чтобы моя смерть имела вид несчастного случая и чтобы Жака не обвинили. Вот почему твой план прогулки по скалам был для меня подходящим... Падение с вершины скалы вполне естественно... Жак меня покинул, чтобы итти к «Трем Матильдам». По дороге около террасы он уронил ключ от этой кабинки. Я спустилась и помогла ему искать ключ.

... И вот тут-то, по твоей именно вине, Жермена, все это произошло. Из кармана у Жака выпали бумажник и фотография. Эту фотографию я тотчас же узнала: на ней была изображена я с моими двумя девочками. Я взяла фотографию и... увидела. Ты знаешь, Жермена, что я увидела?! Вместо меня на фотографии была ты. Ты меня заменила своей особой. Одной рукой ты обнимала мою старшую дочь, другая же девочка отдыхала на твоих коленях... Это была ты, Жермена, будущая мать моих детей, которая должна была после моей смерти заняться их воспитанием... Ты! Ты!.. Тогда я потеряла голову. У меня находился кинжал. Жак наклонился... Я нанесла ему удар..

Каждое слово ее исповеди дышало правдой. И Ренин, и Гортензия слушала эту исповедь с чувством глубокого интереса.

Она села, продолжая говорить:

— Я думала, что вокруг меня начнут кричать и меня арестуют... Ничего! Никто ничего не заметил. А Жак встал и не падал! Нет, он не падал. Я вернулась на террасу и оттуда наблюдала за ним. Он набросил свою куртку на плечи чтобы, видимо, скрыть рану, и удалился даже не пошатываясь. Он даже обменялся несколькими словами с приятелями своими, которые играли в карты, затем направился к своей кабинке и исчез. Я тоже вернулась к себе. Мне казалось, что все это сон, что я не убила, а лишь легко ранила, что Жак скоро выйдет... Я в этом была уверена. Я все надеялась... Если б я знала, что ему нужно оказать помощь, я побежала бы к нему. У меня не было ни малейшего предчувствия, что случилось непоправимое несчастье. Я ни о чем не догадывалась... Я была даже спокойна, как после страшного кошмара, воспоминание о котором проходит... Я ничего не знала... до той минуты, когда...

Она остановилась. Рыдания не давали ей говорить.

Ренин кончил за нее:

— Вы ничего не знали до той минуты, когда пришли вас предупредить.

Тереза прошептала:

— Да... Только тогда я поняла, что именно сделала... Я почувствовала, что схожу с ума и готова кричать: «Это я! Не ищите! Я убийца! Я готова была кричать о моей вине, как вдруг моего бедного Жака принесли домой... У него было очень спокойное и доброе лицо... Я тогда поняла свой долг, как он выполнил свой долг... Он меня не выдал, промолчал ради детей. Я тоже решила молчать. В этом убийстве мы оба были виновны, и оба мы были обязаны сделать все, чтобы оно не отразилось на наших детях. Во время своей агонии он ясно понял это... он имел необыкновенное мужество и силу воли после смертельного ранения двигаться, отвечать на вопросы и запереться, чтобы умереть. Этим поступком он искупил всю свою вину предо мной и одновременно простил меня, так как не выдал меня... Это он приказывал мне молчать и защищаться против всех и особенно против тебя, Жермена.

Последние слова она произнесла с большой твердостью. Она начинала приходить в себя и, думая о поступке мужа, в этом черпала энергию свою для дальнейшей борьбы. В присутствии интриганки, ненависть которой довела их до преступления и смерти, она готова была на борьбу, воля ее укрепилась.

Но Жермена Астэнг не признавала себя побежденной. Она прослушала свою соперницу с искаженным от злобы лицом. Казалось, что ничего не могло смягчить ее сердце и угрызения совести ее не мучили. Под конец ее тонкие губы сложились в улыбку, точно она радовалась тому, что события приняли такой оборот. Ее жертва находилась в ее власти.

Она медленно поправила шляпу, посмотрелась в зеркало, подпудрилась и направилась к дверям.

Тереза бросилась за ней.

— Куда ты идешь?

— Это мое дело.

— К следователю?

— Возможно.

— Ты не пойдешь.

— Хорошо, я его подожду здесь.

— И ты ему скажешь?

— Конечно! Все то, что ты сейчас сказала по своей наивности. Все теперь ясно! Ты дала все необходимые разъяснения.

Тереза схватила ее за плечо.

— Да, но я ему еще кое-что разъясню. Если я погибну, то погибнешь и ты.

— Ты мне ничего не можешь сделать.

— Я выдам тебя, покажу твои письма .

— Какие письма?

— Те, в которых говорится о намерении убить меня.

— Ложь! Это были просто дружеские письма.

— Это были письма любовников и соучастников.

— Докажи!

— Они здесь, в бумажнике мужа.

— Нет.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что эти письма принадлежат мне. Я их взяла обратно... Вернее, мой брат.

— Ты их похитила, негодяйка, — воскликнула Тереза, — и ты мне их отдашь.

— У меня их больше нет. Они у брата.

— Он мне их вернет.

— Он уехал.

— Его найдут.

— Его — да, но не письма. Подобные письма уничтожаются.

Тереза пошатнулась и с отчаянием протянула руки к Ренину.

Ренин проговорил:

— Она говорит правду. Я следил за поведением брата. Он вытащил письма из бумажника и ушел с ними.

Князь сделал паузу и добавил:

— Он захватил во всяком случае пять писем.

Хотя эта фраза была произнесена небрежно, но все поняли ее серьезное значение. Обе женщины подошли к нему поближе. Что он хотел сказать? Если Фредерик унес всего пять писем, то где же находилось шестое?

— Я думаю, — продолжал Ренин, — что, когда бумажник выпал у него на берегу моря, то выпало из него это шестое письмо, а также и фотография. Д'Имбреваль поднял и письмо, и фотографию.

— Откуда вы это знаете? — изменившимся голосом спросила Жермена Астэнг.

— Я нашел их в его фланелевой куртке, которую повесили около его кровати. Вот это письмо. Оно подписано Жерменой Астэнг. Из него видно, что она советовала своему любовнику убить жену. Я даже удивляюсь, что такая ловкая женщина написала столь неосторожное письмо.

Госпожа Астэнг позеленела и так смутилась, что даже не пыталась защищаться. Ренин продолжал, обращаясь исключительно к ней:

— По моему мнению, вы виноваты во всем том, что произошло. Вы очевидно разорены и, пользуясь слабостью господина д'Имбреваля, хотели заставить его на вас жениться, не смотря на все препятствия. Таким путем вы хотели получить его состояние. У меня есть доказатель-

ства всех этих ваших низменных расчетов. Несколько минут после меня вы стали рыться в карманах куртки убитого. Я вынул оттуда шестое письмо, но оставил в кармане клочек бумаги, который вы жадно искали; он тоже, видимо, выпал из бумажника. Этот клочек бумаги был чек, подписанный д'Имбревалем, в 100.000 франков на имя вашего брата... Свадебный подарок, очевидно... На булавки!..

По вашим инструкциям ваш брат, вероятно, отправился в Гавр, чтобы из банка до четырех часов получить эти деньги. Но, предупреждаю вас, я сообщил по телефону в банк, чтобы, в виду убийства господина д'Имбреваля, этих денег не выдавали. Таким образом, если вы будете упорствовать, то о всех махинациях ваших и вашего брата я поставлю в известность судебную власть. Я еще расскажу о перехваченном мною неделю тому назад телефонном разговоре между вами и вашим братом по испански. Но надеюсь, что до такой крайности вы меня не доведете. Мы ведь с вами придем к соглашению? Не так ли?

Ренин говорил так свободно и так властно, как бы не допуская никаких возражений; казалось, что все его слова — были сама истина, сама логика. Оставалось только подчиниться ему.

Госпожа Астэнг это поняла. Подобные натуры, неукротимые во время борьбы, пока эта борьба возможна, в случае поражения, легко сдаются. Жермена была слишком умна, чтобы не понять, что малейшая попытка к сопротивлению лишь ухудшит ее положение. Она находилась всецело в его власти. В подобных случаях подчиняются.

Она не пыталась разыграть комедию, или впасть в истерику. Она подчинилась.

— Я с вами согласна, — проговорила она, — что же вы требуете?

— Уезжайте.

— Но если потребуют моего свидетельства?

— Вашего показания не потребуется.

— Однако...

— Вы ответите, что решительно ничего по этому делу не знаете.

Она направилась к выходу. У порога дверей остановилась и сквозь зубы прошептала :

— А чек?

Ренин посмотрел на госпожу д'Имбреваль, которая объявила:

— Пусть чек останется у нее. Мне этих денег не надо.

Объяснив Терезе д'Имбреваль подробно, что именно она должна показать следователю, Ренин и Гортензия покинули дачу.

На берегу прокурор и следователь продолжали следствие, допрашивали свидетелей и совещались между собой.

— Когда я подумаю только, — заметила Гортензия, — что у вас находятся кинжал и бумажник д'Имбреваля!..

— Это вам кажется очень опасным? — ответил он со смехом. — Мне кажется это бесконечно смешным.

— Вы не боитесь?

— Чего?

— Чтобы вас не заподозрили?

— Господи! Никто никогда ни о чем не догадается. Мы сейчас расскажем судебной власти о том, что мы видели. Это увеличит ее смущение, так как мы ведь ничего не видели. Из осторожности мы пробудем здесь два дня, следя за событиями. Но дело кончено! Ни о чем никто не догадается.

— А вы, однако, все разгадали с первого же мгновения. Каким образом?

— Потому, что вместо того, чтобы прибегать ко всяким хитросплетениям, как это обыкновенно делают, я сразу правильно ставлю вопрос и ответ приходит сам собой. Господин входит в кабинку и там запирается. Через пол часа его находят мертвым. Никто не входил. Что же произошло? Для меня ответ ясен. Не стоит даже голову ломать. Так как преступление совершено не в кабинке, то, следовательно, оно совершено раньше: господин перед входом в кабинку был смертельно ранен. И вот все для меня ясно! Госпожа д'Имбреваль, которая должна была быть убита сегодня вечером, предупредила это событие. Когда муж ее наклонился, она в припадке аффекта убила его. Оставалось искать лишь мотива этого преступления. Когда я познакомился с этими мотивами, я решил защитить ее. Вот и вся история!

Наступал вечер. Синева небес делалась темнее, море еще более спокойным.

— О чем вы думаете? — спросил Ренин.

—Я думаю о том, — сказала она, — что если бы я вдруг сделалась жертвой какой нибудь интриги, то я всегда сохранила бы в вас веру, в то, что вы меня всегда спасете, не взирая ни на какие препятствия. Нет границ вашему могуществу.

Он тихо прошептал:

— Я безгранично хотел бы вам нравиться.

ФИЛЬМ-РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ

IV.

— Обратите внимание на того, который играет дворецкого, — сказал Сергей Ренин.

— В чем же дело? — спросила Гортензия.

Они сидели в кино на бульварах. Молодая женщина увлекла туда Ренина, чтобы посмотреть одну фильмовую артистку, которая имела к ней близкое отношение. Роза-Анрдэ, значившаяся в афише жирным шрифтом, приходилась ей сводной сестрой, так как их отец был женат два раза. Несколько лет уже они находились в ссоре и даже не переписывались. Очень красивая и гибкая — Роза-Андрэ сначала без успеха пробовала свои силы на драматической сцене, но затем сделалась известной кино-артисткой. В этот вечер она оживляла своим талантом и жгучей красотой довольно посредственный фильм — «Счастливая принцесса».

Не отвечая прямо, Ренин продолжал во время антракта:

— Когда я смотрю плохую картину, тогда я утешаю себя тем, что наблюдаю за второстепенными исполнителями. Как часто эти бедняги, которых заставляют двадцать раз повторять одно и тоже, во время окончательной съемки думают о совершенно другом. Любопытно наблюдать их именно в подобные моменты. Например, вот этот дворецкий...

Экран представлял роскошно сервированный обеденный стол, за которым сидела «Счастливая принцесса», окруженная своими вздыхателями. Пол дюжины лакеев прислуживали, руководимые большим дворецким с толстым вульгарным лицом, у которого обе брови соединились в одну линию.

— Это голова животного, — сказала Гортензия, — что вы в нем нашли?

— Посмотрите только, как он поглядывает на вашу сестру...

— Пока я ничего не замечаю — возразила Гортензия.

— Взгляните только, какие взгляды он бросает на вашу сестру, и не слишком ли часто он смотрит на нее?

—До сих пор, право, я ничего не заметила, — возразила Гортензия.

— А я заметил, — продолжал князь, — для меня ясно, что в действительной жизни он питает к вашей сестре чувства, не имеющие ничего общего с его ролью дворецкого.На экране, когда он за собой не наблюдает или думает, что за ним не следят, его секрет прорывается наружу. Да вот, смотрите...

Дворецкий не двигался. Обед кончался. Принцесса пила из кубка шампанское, а он следил за ней жадными глазами, покрытыми тяжелыми веками.

Еще два раза они подметили подобные взгляды, которым Ренин придавал особенное значение. Гортензия с ним не соглашалась.

— Он всегда так смотрит, этот человек, — сказала она.

Картина кончилась. В программе значилось, что после первой картины прошел год и «Счастливая принцесса» живет в красивой нормандской хижине, утопающей в цветах, с избранником своего сердца — незадачливым музыкантом, которого она выбрала себе в супруги.

Она попрежнему счастлива и привлекательна. Около нее увивался рой ухаживателей. Среди всяких дворян, крестьян, горожан и банкиров выделялся волосатый полудикий дровосек, который часто попадался ей во время ее прогулок. Вооруженный топором, страшный и зловещий, он бродил вокруг хижины и чувствовалось, что ужасная опасность угрожает счастливой принцессе.

— Смотрите, смотрите, — прошептал Ренин, — знаете, кто этот дровосек?

— Нет.

— Дворецкий наш. Взяли одного и того же исполнителя для обеих ролей.

И действительно, не взирая на грим и все происшедшие перемены, под оболочкой дровосека все же можно было обнаружить прежнего дворецкого, так как сохранились и животное выражение лица и соединенные в одну линию брови.

Принцесса вышла из своей хижины. Дровосек спрятался за кустами и подстерегал ее. От времени до времени экран показывал в увеличенных размерах его кровожадные глаза и огромные руки убийцы.

— Я боюсь его, — сказала Гортензия, — он ужасен в своей реальности.

— Это потому, — отозвался Ренин, — что он вполне вошел в свою роль. Ведь прошло три месяца со дня съемки первой картины. За эти месяцы любовь его сильно развилась. Он ожидает не принцессу, а Розу-Андрэ.

Человек присел. Жертва приближалась, ничего не подозревая. Она прошла дальше, услыхала шум, остановилась и сначала с улыбкой, а потом со страхом начала оглядываться. Дровосек вылез из кустов и устремился к ней. Таким образом они очутились лицом к лицу.

Он открыл объятия, чтобы схватить ее. Она пыталась закричать, позвать на помощь, но была не в силах это сделать. Он схватил свою жертву, взвалил на плечи и бросился бежать.

— Ну, что — убедились? — проговорил Ренин, — Разве вы думаете, что этот второстепенный исполнитель мог бы все это проделать с такой энергией, если бы дело шло о другой женщине?

Тем временем дровосек прибежал к берегу большой реки. Он положил тело бесжизненной Розы-Андрэ в старую лодку и отчалил от берега.

Затем он причалил у опушки леса и унес принцессу к пещере, вход которой он принялся освобождать.

Ряд сцен изображали испуг мужа, поиски и путь, по которому шли преследователи.

Затем следовала развязка: борьба между человеком-животным и женщиной. В ту минуту, когда сопротивление ее было сломлено, врывается муж и выстрелом убивает насильника... человека-зверя.

Они вышли из кино в четыре часа. Они пошли пешком, а автомобиль Ренина следовал за ними. После долгого молчания, которое несколько обеспокоило Гортензию, Ренин спросил ее:

— Вы любите свою сестру?

— Да, очень.

— Однако, вы на нее сердиты?

— Это прошло. Я ее ревновала к моему мужу. Признаться, без всякого повода. Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Я сам не знаю!.. Этот фильм меня преследует, выражение лица этого человека было такое странное!

Она взяла его за руку и живо воскликнула:

— Говорите же! Что вы подозреваете?

— Что я подозреваю? Все и ничего. Но я думаю, что ваша сестра в опасности.

— Простое предположение.

— Да, предположение, основанное на фактах. По моему, сцена похищения изображает не нападение дровосека на «Счастливую принцессу», а нападение актера на женщину, которую он давно желает сделать своей. Конечно, все прошло по сценарию. Только Роза-Андрэ могла заметить кое что. И я также ясно видел, с какой страстью сжимались руки этого человека, какие взгляды бросал он на свою жертву, которую он предпочел бы убить, нежели отдать другому. Я убежден, что во время этой сцены субъект этот готов был на все, даже на убийство!

— Но уже прошло столько времени, — возразила Гортензия, — теперь, следовательно, опасность миновала.

— Конечно, конечно... и все же я хотел бы получить кое какие справки.

— Где?

— У того общества, которое «вертело» фильм. Вот контора этого учреждения. Войдите в автомобиль и подождите меня несколько минут.

Он позвал шофера и ушел.

Гортензия не была согласна с Рениным. Ей казалось, что актер просто хорошо исполнил свою роль. Она думала, что воображение увлекло Ренина.

— Ну, — сказала она с оттенком иронии, когда он вернулся, — много узнали? Таинственное приключение?.. Трагедия?..

— Возможно, — ответил он с озабоченным видом.

Она тоже забеспокоилась:

— Что вы говорите?

Он все рассказал единым духом:

— Этого человека зовут Дальбреком. Это очень своеобразное, угрюмое, замкнутое существо, которое всегда держалось отдельно от своих товарищей. Не заметно, чтобы он ухаживал за вашей сестрой. Однако, он так отличится во время «верчения» второго эпизода, что его пригласили для участия в новом фильме. Съемка производилась в окрестностях Парижа. Им были довольны, как вдруг случилось нечто неожиданное. В пятницу, 18-го

сентября, в одно прекрасное утро он взломал гараж автомобильного общества Мондиаль и укатил на прекрасной машине, захватив с собой также 25.000 франков. Была подана жалоба. Автомобиль нашли в воскресенье в окрестностях Дрэ.

Гортензия с некоторым испугом заметила:

— Пока... никакой связи...

— Связь есть. Я узнал, что Роза-Андрэ, ваша сестра, этим летом путешествовала. Затем она проживала две недели в департаменте Л'Эр в своем имении «Счастливая принцесса». Ее пригласили в Америку. Она вернулась в Париж, сдала свой багаж на вокзале св. Лазаря и 18-го сентября уехала, чтобы переночевать в Гавре. Пароход отходил в субботу.

— В пятницу, 18-го, — прошептала Гортензия, — в тот же день, как и этот человек... Он ее похитил...

— Мы это узнаем, — сказал Ренин, — отправимся в контору Заатлантического общества.

В этот раз Гортензия сопровождала Ренина и сама наводила справки.

Скоро все справки были получены.

Роза-Андрэ заказала для себя каюту на пароходе «Ла Прованс»: но пароход ушел в море без пассажирки, которая своевременно не явилась. На следующий же день в пароходной конторе за подписью Розы-Андрэ была получена телеграмма, в которой сообщалось, что она опоздала и просила сохранить ее багаж. Телеграмма была посланной из Дрэ.

Гортензия вышла на улицу глубоко взволнованная. Казалось, обстоятельства указывали на какое то покушение. Все складывалось неблагоприятно, как это и почувствовал Ренин.

Затем они отправились в полицейскую префектуру. Они пересекли весь Париж. Он вышел, она же осталась в автомобиле.

— Прошу, —сказал он, открывая дверцы.

— Что нибудь новое? Вас приняли? — озабоченно спросила она.

— Я не стремился быть принятым. Я хотел только встретиться с инспектором Морисо, которого мне однажды прислали, чтобы помочь в деле Дютрейля. Если в полиции что либо известно, то мы узнаем все через него.

— Вы нашли его?

— Сейчас он в том маленьком кафэ, которое виднеется там на площади.

Они вошли в кафэ и сели за столик, за которым главный инспектор читал газету. Он их тотчас узнал. Ренин пожал ему руку и без вступления сказал:

— Я хочу сообщить вам об интересном дельце, в котором вы можете отличиться. Но, быть может, вы уже в курсе этого дела?..

— Какое дельце?

— Дальбрека!

Казалось, что Морисо удивился. С некоторым колебанием осторожно заговорил:

— Да, я знаю... газеты говорили об этом... кража автомобиля... 25.000 франков похищено. А завтра газеты заговорят об открытии, которое удалось сделать сыскной полиции. Дальбрек, оказывается, в прошлом году убил ювелира Бургэ.

— Дело идет о другом, — проговорилРенин.

— О чем же?

— О похищении, совершенном им 19-го сентября.

— А, вы уже знаете?

— Да, я знаю.

— В таком случае, — объявил инспектор — я вам все объясню. В субботу, 19-го сентября, действительно, среди бела дня одна дама на улице была похищена тремя бандитами и увезена в автомобиле. Газеты сообщали об этом случае, не давая имен ни жертвы, ни похитителей, так как эти имена не были им известны. Только вчера вечером мне удалось установить личность одного из бандитов в Гавре. Это лицо похитило и 25.000 франков, и автомобиль, и молодую женщину. Фамилия его — Дальбрек. Что же касается молодой женщины, то — кто она, узнать не удалось.

Гортензия не прерывала инспектора. Когда он кончил, она вздохнула:

— Это ужасно... Несчастная погибла... и нет надежды!..

Обращаясь к Морисо, Ренин объяснил:

— Жертва является сводной сестрой этой дамы... Похищена знаменитая фильмовая артистка Роза-Андрэ.

В нескольких словах он сообщил Морисо о своих подозрениях, когда они смотрели фильм «Счастливая принцесса», и рассказал о своих расследованиях.

Вокруг маленького столика водворилось продолжительное молчание. Главный инспектор, пораженный и в этот

раз проницательностью Ренина, ожидал, что он скажет. Гортензия же умоляла его взглядом, точно прося сразу же проникнуть в эту тайну.

Он спросил Морисо:

— Три человека совершили похищение?

— Да.

— Их было трое в Дрэ?

— Нет. В Дрэ напали на след только двоих людей.

— Дальбрека?

— Не думаю. Его личность не установлена.

Ренин подумал несколько мгновений и затем разложил на столе большую дорожную карту.

Последовало новое молчание, после которого он обратился к инспектору:

— Вы оставили своих товарищей в Гавре?

— Да, двух инспекторов.

— Можете ли вы им протелефонировать сегодня же вечером?

— Да.

— И попросить, чтобы в ваше распоряжение дали еще двух инспекторов?

— Да.

— Тогда приходите завтра в двенадцать часов...

— Куда?

— Сюда.

Он отметил пальцем точку на карте, которая была обозначена так — «Дуб в кадке». Это место находилось в лесной чаще Бротонского леса в департаменте Л'Эр.

— Здесь, — повторил он, — именно здесь в вечер похищения Дальбрек искал для себя убежища. До завтра, господин Морисо. Будьте аккуратны. Пять человек не слишком много, чтобы овладеть подобным человеком-зверем.

Инспектор не обнаружил признаков удивления, хотя этот всеведущий субъект его изрядно поражал. Он заплатил по счету, приложил по военному руку к своему головному убору и проговорил:

— Мы будем на месте.

На следующий день в восемь часов утра Гортензия и Ренин покинули Париж в поместительном лимузине, которым управлял Клемон, шофер Ренина. Путешествие было молчаливое. Гортензия, не взирая на всю веру во всемогущество Ренина, провела очень плохую ночь и с томительным беспокойством думала об исходе предприя-

тия. Они приближались к цели своего путешествия. Она спросила его:

— Какие у вас данные, что он увез ее в этот лес?

Он опять разложил на коленях дорожную карту и объяснил ей, что если провести прямую линию от Гавра до Дрэ, где был найден автомобиль, то эта линия дойдет до западной опушки Бротонского леса.

— Нам уже известно, что в Бротонском лесу была снята картина «Счастливая принцесса». И вот вопрос разрешается таким образом: Дальбрек, вероятно, в субботу, проезжая мимо леса, решил там скрыть свою жертву. Оба же его сообщника вернулись в Париж. Грот-пещера находится именно тут. Как не воспользоваться этим? Ведь несколько месяцев тому назад, когда снимали фильм, он отнес туда любимую женщину. Для него это приключение фатальным образом опять начиналось. Но сейчас это не игра, а реальность... Роза-Андрэ его пленница. Помощи ожидать нельзя. Лес огромный и никого кругом нет. Этой ночью или в следующую ночь Роза-Андрэ должна ему отдаться

Гортензия вздрогнула.

— Или она умрет. О,Ренин, мы прибудем слишком поздно!

— Почему?

— Подумайте... три недели... Не думаете ли вы, что он держит ее там в заключении!

— Не думаю. Место это находится на перекрестке дорог и не очень надежное. Но мы там, вероятно, найдем кое какие указания.

Они позавтракали и проникли в густой Бротонский лес, полный средневековыми воспоминаниями. Ренин, хорошо знакомый с лесом, направил автомобиль к знаменитому дубу, ветки которого образовывали как бы широкую кадку. Не доезжая до дерева, оставив автомобиль, они пошли пешком. Там ожидал их Морисо с четырьмя внушительного вида молодцами.

— Идем, — сказал Ренин, — грот там в чаще деревьев.

Они легко нашли его. Сваленные скалы прикрывали его вход, оставляя узкий проход между густым кустарником.

Ренин вошел в грот-пещеру и при помощи электрического фонарика осветил ее. На стенах виднелись разные надписи и рисунки.

— Ничего не видно, — сказал он Гортензии и Морисо, — но вот доказательства, которые я искал. Если Дальбрека

привело сюда воспоминание о фильме, то помнила о фильме и Роза-Андрэ. В «Счастливой принцессе» героиня, когда ее похитили, по дороге ломает веточки, чтобы указать путь своим спасителям. Посмотрите, здесь с правой стороны у входа также можно заметить только что сломанные веточки.

— Пусть так, — согласилась Гортензия, — но ведь прошли три недели и с того времени...

—С того времени ваша сестра запрятана, вероятно, в более надежное место.

— Или она умерла и погребена под грудой сухих листьев

— Нет, нет, — возразил Ренин, топая ногой, — невероятно, чтобы этот человек все это проделал ради какого то бессмысленного убийства. Он вооружился терпением. Он, вероятно, хотел овладеть своей жертвой путем угроз, путем голода...

— Тогда?

— Будем искать.

— Но где?

— Будем руководствоваться, чтобы выйти из этого лабиринта, фильмом «Счастливой принцессы». В этой драме лесной человек спустился к реке со своей добычей. Сена отсюда в километре расстояния. Спустимся к Сене.

Они отправились дальше. Ренин следовал без колебаний, как хорошая гончая по следам. Они приближались к группе домов на берегу реки. Ренин направился к домику перевозчика и стал его расспрашивать.

Произошел быстрый диалог. Три недели тому назад перевозчик заметил исчезновение одной из принадлежащих ему лодок. Он отыскал ее через некоторое время в полумиле ниже.

— Вблизи хижины, где этим летом снимали кино-фильм? — спросил Ренин.

— Да.

— Именно здесь высадили на берег похищенную женщину?

— Да. «Счастливую принцессу», или вернее госпожу Розу-Андрэ, которой принадлежит усадьба Красотка.

— В настоящее время дом открыт?

— Нет. Владелица месяц тому назад, все заперев, уехала.

— Есть там сторож?

— Никого.

Ренин повернулся к Гортензии:

— Никакого сомнения! Это та тюрьма, которую он избрал для нее.

Охота продолжалась. Они проследовали по берегу Сены, стараясь не шуметь. Наконец, перед ними обрисовалась усадьба Красотка, окруженная густой живой изгородью. Гортензия и Ренин узнали хижину «Счастливой принцессы». Окна были забиты, дорожки заросли травой.

Они просидели там в кустах около часу. Инспектор начал проявлять признаки нетерпения. Молодая женщина начинала сомневаться, что ее сестра находится здесь в заключении. Но Ренин уверял:

— Она здесь, говорю я вам. Это математически вытекает. Дальбрек безусловно выбрал это место, чтобы сломить ее волю. Он надеется в этой хорошо знакомой обстановке сделать ее более послушной.

Вдруг послышались шаги. По дороге показалась фигура. Лица ее нельзя было разглядеть. Но тяжелая походка, весь облик был именно того человека, которого Ренин и Гортензия видели на фильме.

Так, в двадцать четыре часа, на основании неясных указаний Ренин при помощи простых рассуждений дошел до разгадки целой драмы. И Ренин и Дальбрек действовали и находились под влиянием фильма.

Дальбрек был одет бродягой в старый заплатанный костюм. За плечами его был мешок, откуда высовывалось горлышко бутылки и краюшка хлеба. В руках он держал топор.

Он проник в усадьбу, прошел в сад и приблизился к дому

Ренин задержал за руку Морисо, который хотел броситься вперед.

— Но почему? — спросила Гортензия. — Не надо позволять этому бандиту войти в дом... Иначе...

— А если у него есть соучастники? Поднимется тревога.

— Пусть! Главное — спасти мою сестру.

— А если мы прибудем слишком поздно, чтобы ее спасти? Придя в бешенство, он может ее убить на месте ударом топора.

Они стали ждать. Прошел еще целый час. Бездействие их раздражало. Гортензия временами плакала. Но Ренин настаивал на своем, и все ему подчинились.

День близился к закату. Уже первые ночные тени покрыли яблони. Вдруг открылась парадная дверь дома.

Раздались крики ужаса и одновременно победы. Из дому выскочил человек. Он держал в руках, крепко прижимая к груди, женщину.

— Он!.. и Роза! — прошептала Гортензия, — О, Ренин, спасите ее!..

Дальбрек бросился бежать через лесную чащу, как сумасшедший, хохоча и воя диким голосом; не взирая на свою ношу, он совершал громадные скачки, напоминая дикое животное, опьяненное страстью и жаждой крови. Свободной рукой он взмахнул своим топором, блеснувшим в наступившей темноте... Роза страшно кричала. Он вдруг подбежал к колодцу и протянул руки, как бы желая бросить туда молодую артистку.

Наступило страшное мгновение. Неужели он приведет в исполнение свое ужасное намерение? Но, видимо, он хотел лишь попугать молодую женщину, чтобы заставить ее быть послушной. Затем человек с ношей вернулся опять в дом. Раздались звуки задвигаемого запора.

Удивительное дело! Ренин не двинулся с места.

В эту минуту человек опять показался в одном из верхних окон дома. Он раскачивал над бездной Розу-Андрэ, как бы собираясь бросить ее вниз.

Казалось, он не мог решиться на это. Или это тоже была лишь угроза? Считал ли он, что Роза достаточно напугана и укрощена?.. Он скрылся.

На этот раз Гортензия победила. Она сжимала с отчаянием руку Ренина и умоляла его:

— Ради Бога!.. Я вас прошу!..

— Хорошо, — согласился он, — пойдем, но не будем торопиться. Надо все обдумать.

Они подошли к дому с задней стороны. Туда прошел Дальбрек в первый раз. Они, действительно, заметили маленькую дверь, которая, вероятно, вела на кухню.

— Взломайте дверь, когда надо будет, и войдите.

— Не пора ли уже, — пробурчал Морисо, сгоравший от нетерпения.

— Нет еще. Я сначала хочу узнать, что совершается в другой части дома. Когда я свистну, ломайте дверь и бросайтесь с револьверами на человека. Но не раньше! Слышите! Мы играем большую игру...

— А если он будет отбиваться? Это же сумасшедшее животное!

— Прострелите ему тогда ноги. И главное, захватите его живым. Вас пятеро, чорт возьми.

Он увлек Гортензию и успокоил ее:

— Скорей! Надо действовать. Верьте мне.

Она вздохнула:

— Я не понимаю... я ничего не понимаю.

— Я также, — отозвался Ренин. — В этом деле что то меня заставляет сомневаться. Но я достаточно понимаю, чтобы опасаться непоправимого.

Они обошли дом. Затем Ренин остановился перед окном нижнего этажа.

— Послушайте, — проговорил он, — говорят... вот в той комнате.

Ему удалось найти в ставнях щель, через которую пробивался свет. Тяжелая драпировка закрывала окно, но вверху она не соединялась.

Он поднялся очень осторожно до того места, где драпировка не была затянута. В одной руке он держал револьвер, а в другой — алмаз для разрезания стекла.

— Вы ее видите? — прошептала Гортензия.

Он прильнул к стеклу и издал тотчас же звук удивления.

— А, — сказал он, — это невероятно!

Вся дрожа она при помощи Ренина взобралась на подоконник.

— Смотрите!

Она приблизила свое лицо к стеклу.

Две лампы и двадцать свечей освещали роскошную гостиную, уставленную восточными тахтами и украшенную коврами. На одной из тахт полулежала Роза-Андрэ. На ней было затканное серебром платье, которое она носила, когда участвовала в фильме «Счастливая принцесса». Ее дивные плечи были обнажены, в волосах сияли бриллианты и жемчуги.

Дальбрек стоял перед ней на коленях. Он был одет в охотничий костюм и смотрел на нее с восхищением. Роза улыбалась, счастливая, довольная, и водила своими белоснежными руками по его волосам. Два раза она поцеловала его в лоб, а затем впилась в его рот жадным поцелуем. Глаза же ее выражали истому и страсть.

Полная сладострастия сцена! Они как бы слились взорами, губами, трепещущими руками. Их соединяло непреодолимое молодое желание, чувство исключительной и горячей взаимной любви. Ясно было, что в мирной и уединенной обстановке этой комнаты для них, помимо их страсти, их взаимного влечения, их поцелуев и ласк, ничего не существовало.

Гортензия не могла отвести своих глаз от этого неожиданного зрелища. Эти ли люди несколько минут тому назад играли со смертью?

— Боже, — прошептала она, — как она любит его! И такое чудовище! Возможно ли это!

— Надо ее предупредить, — сказал Ренин, — и с ней сговориться.

— Да, да, — согласилась Гортензия, — нельзя, чтобы она была замешана в скандале и аресте... Пусть она уйдет... Надо, чтобы об этом никто не знал.

К несчастью, Гортензия была так возбуждена, что поторопилась. Вместо того, чтобы тихо постучать в окно, она с силой ударила по раме. Оба влюбленных с испугом вскочили, прислушиваясь. Ренин попытался вырезать стекло, чтобы объяснить им положение, но на это у него не хватило времени. Роза-Андрэ, зная, что полиция ищет ее возлюбленного и думая, что он в опасности, толкнула его к дверям.

Дальбрек подчинился. Роза, видимо, хотела, чтобы он спасся бегством через кухню. Они оба исчезли.

Ренин ясно предвидел, что должно было произойти. Беглец должен был попасть в засаду, которую Ренин же ему устроил. Могла произойти борьба, быть может даже смерть кого нибудь.

Он соскочил на землю и бросился бежать вокруг дома. Но путь был длинен, дорога темная и заваленная препятствиями. События быстро разыгрались. Пока он добежал, он услыхал звук выстрела и крик.

На пороге кухни при свете двух электрических карманных лампочек Ренин нашел Дальбрека с перебитой пулей ногой на земле. Он стонал и его держали трое полицейских.

Роза-Андрэ в страшном волнении пыталась что то объяснить.

Гортензия привлекла ее к себе и прошептала на ухо:

— Это я... твоя сестра... Я хотела тебя спасти... Ты узнаешь меня?

Казалось, что Роза ничего не понимала. Ее глаза блуждали, как у безумной.

— Это отвратительно... Ведь этот человек ничего не совершил...

Ренин, не колеблясь, подхватил ее и, обращаясь с ней, как с больной, увлек ее в соседнюю гостиную, куда прошла и Гортензия.

Роза-Андрэ протестовала:

— Это же преступление... По какому праву?.. Зачем его арестовывают? Да, я читала об убийстве ювелира Бургэ, но это ложь... Он может доказать свою невиновность.

Ренин уложил ее на диван и твердо сказал:

— Будьте спокойны. Не говорите ничего такого, что может вас скомпрометировать... Что же вы хотите? Этот человек все же похитил автомобиль и 25.000 франков.

— Мой предполагаемый отъезд в Америку заставил его потерять голову... Но автомобиль ведь нашли... Деньги же будут возвращены... Он их не тронул. Нет, нет, никто не имеет права с ним так поступать. Я здесь по доброй воле. Я люблю его... больше жизни... Так любят лишь раз... Я люблю его, люблю...

Несчастная не имела сил продолжать. Она говорила, как во сне. Наконец, она не выдержала, упала и потеряла сознание.

Час спустя Дальбрек лежал в отдельной комнате с крепко связанными руками. Доктор, приглашенный из соседнего города, перевязал ему раненую ногу и предписал своему пациенту полный покой до следующего утра. Морисо и его люди сторожили пленника.

Ренин же ходил по комнате, заложив руки за спину. Он имел веселый вид и с улыбкой временами поглядывал на обеих сестер, как бы любуясь тем зрелищем, которое они представляли.

— Что такое? — спросила Гортензия, заметив его настроение.

Он проговорил, потирая руки:

— Это смешно!

— Что именно вам кажется смешным? — с упреком спросила его Гортензия.

— О Господи! Ведь все смешно в этом деле! Роза-Андрэ занимается свободным флиртом с этим лесным человеком, обнимает его, покрывает страстными поцелуями, а мы в это время ищем ее в разных пещерах и чуть ли не в гробницах. Умора! Возможно, что в первую ночь она, действительно, была пленницей. Одной ночи было достаточно, чтобы Дальбрек приручил ее. Он показался ей принцем из сказки. В одну ночь!.. И они решили, что созданы один для другого и удалились сюда, чтобы вполне отдаться своей любви. Но этого им показалось мало! Они решили завоевать себе будущее путем кино. И вот происходят репетиции тех фильм, которые они совместными усилиями создают. Мы с ужасом присутствуем на этих репетициях, думая, что это не игра, а жуткая действительность. Признаться, я кое что подозревал, кое о чем догадывался, но я никогда не думал, что «Счастливая принцесса» предпочла бесчестие смерти.

Видимо, все это приключение забавляло Ренина. Он продолжал:

— Все здесь произошло наоборот, не так, как на фильме. Я шел по следам «Счастливой принцессы», думая, что действие разовьется, как на фильме. Ничего подобного. Роза-Андрэ избирает совсем другой путь и в несколько часов превращается в самую влюбленную принцессу. Дальбрек, эта каналья, нас ловко провел. Ведь мы думали, судя по фильму, что это грубое животное, человек-зверь. А на деле оказывается, что он Дон-Жуан, сердцеед, и женский обольститель.

Ренин опять стал потирать свои руки. Но он не продолжал, так как заметил, что Гортензия его не слушала. Роза очнулась. Гортензия ее обняла и нежно проговорила:

— Роза, Роза!.. Это я... Не бойся!

Она стала тихо ее успокаивать. Но Роза, хотя и стала приходить в себя, оставалась неподвижной и углубилась в свои собственные мысли. Видимо, она бесконечно страдала.

Ренин понял все ее горе, понял, что горе надо уважать и бережно с ним обращаться. Он подошел к ней и тихо сказал:

— Я вам вполне сочувствую. Ваша обязанность, ваш нравственный долг защищать того, кого вы любите, и доказать его невиновность. Но, уверяю вас, не надо торопиться. Пусть лучше думают еще некоторое время, что вы его жертва. Завтра утром я сам дам вам совет, как действовать. А пока идите с сестрой в вашу комнату, соберитесь в дорогу, пересмотрите свои бумаги, чтобы следствие ничего не обнаружило против вас... Доверьтесь мне, право!

Ночь прошла спокойно.

Рано утром жандармы, предупрежденные Клемоном, прибыли в усадьбу. Было решено, что Дальбрека отвезут в госпиталь местной тюрьмы. Ренин предложил свой автомобиль, который Клемон подал к дому.

Обе сестры спустились вниз. Роза-Андрэ имела выражение лица человека, готового на все. Гортензия смотрела на все с некоторым страхом. Ренин казался довольным. Все было готово. Оставалось только разбудить Дальбрека и его сторожей.

Морисо сам отправился к пленнику. Он мог только удостоверить, что оба полицейских крепко спали, а Дальбрек исчез.

Ни полицейские, ни жандармы этим обстоятельством не смутились. Они были уверены, что раненого с перебитой ногой немедленно найдут. Никого не интересовали подробности этого бегства. Дальбрек, очевидно. спрятался в саду.

Начались поиски. Результаты этих поисков казались настолько очевидными, что Роза-Андрэ направилась к главному инспектору.

— Молчите! — шепнул ей Ренин, наблюдавший за ней.

Она пробормотала:

— Но его найдут... застрелят...

—Его не найдут! — проговорил Ренин.

— Откуда вы знаете?

— Я сам помог ему при помощи шофера своего бежать. Я подсыпал наркотик в кофе его сторожей; они ничего не слыхали.

Она с удивлением возразила:

— Но он же ранен... Он умирает в каком нибудь уголку.

— Нет.

Гортензия слушала, ничего не понимая, но успокоенная и полная веры в Ренина.

Он продолжал тихим голосом:

— Обещайте мне, что через два месяца, когда он поправится и вы все выясните в отношении его перед судебной властью, вы уедете с ним в Америку.

— Обещаю.

— И выйдете за него замуж?

— И это обещаю.

— Тогда идем, но ни одного слова удивления, ни одного жеста. Иначе вы все погубите.

Он позвал Морисо, который начинал впадать в отчаяние, и сказал ему:

— Господин главный инспектор, мы должны отвезти эту даму в Париж, где она будет окружена необходимым ей уходом. Но будьте уверены, что по поводу этого дела у вас неприятностей не возникнет. Я сегодня же вечером заеду в префектуру, где у меня хорошие связи.

Он дал руку Розе-Андрэ и подвел ее к автомобилю. Когда они шли, она вдруг пошатнулась и прошептала:

— А, Боже мой, он спасен...

Вместо Клемона сидел Дальбрек в костюме шофера. Большие очки и опущенный козырек делали его неузнаваемым, но Роза тотчас узнала своего возлюбленного.

— Садитесь, — сказал Ренин.

Она села рядом с Дальбреком. Ренин и Гортензия заняли задние места. Сам инспектор полиции с обнаженной головой провожал их.

Они пустились в путь. Но скоро в лесу им пришлось остановиться. Дальбрек, силой воли превозмогший свои страдания, потерял сознание. Его уложили. На его место сел Ренин, а около последнего Гортензия.

Затем в автомобиле водворилось молчание. Гортензия ничего не говорила и не расспрашивала Ренина. Ее не интересовал даже способ, примененный Рениным, чтобы увезти Дальбрека. Она все думала о своей сестре, о ее страстной любви, которая глубоко трогала ее.

Ренин сказал, когда приближались к Парижу:

— Я в эту ночь говорил с Дальбреком. Он, конечно, не виноват в убийстве ювелира. Это в общем добрый малый, нежный и преданный Розе-Андрэ. Наружность его обманчива.

И он добавил:

— Он прав: надо итти на все для того, кого любишь.

СЛУЧАЙ ЖАНА-ЛУИ

V.

Это произошло с такой быстротой, так внезапно, что Гортензия была совершенно ошеломлена. Они переходили Сену, через мост, как вдруг заметили, что какой то женский силуэт быстро вскочил на парапет и бросился в воду. Со всех сторон послышались крики. Гортензия схватила Ренина за руку и воскликнула :

— Что вы делаете?

Пиджак ее спутника остался у ее в руках. Ренин перескочил через перила моста... Больше она ничего не видела. Через три минуты, увлеченная людским потоком, она очутилась на берегу реки. Ренин взбирался по лестнице. Он нес молодую женщину с черными волосами, прилипшими к мертвенно-бледному лицу.

— Она жива, — объявил Ренин, — надо отнести ее в аптеку и оказать первую помощь.

Он передал спасенную двум полицейским, пробрался через толпу зевак и репортеров, стремящихся узнать его имя, к автомобилю и усадил в него Гортензию.

— Ловко! — воскликнул он через мгновение, когда они покатили. — Пришлось выкупаться. Это, дорогой друг, у меня нечто непреоборимое: если кто либо в моем присутствии бросается в воду, то я должен непременно последовать за ним. Атавизм какой то!

Он вернулся к себе и переоделся. Гортензия ожидала его в автомобиле. Он вернулся и приказал шоферу:

— Улица Тильзит.

— Куда мы отправляемся? — спросила Гортензия.

— Узнать, как себя чувствует молодая особа.

— У вас есть ее адрес?

— Да. Я прочитал ее адрес на браслете, а также имя ее — Женевьева Эймар. Итак, мы ее посетим. Конечно, мне ее благодарности не надо. Я просто любопытен. Мне удалось уже спасти около дюжины таких девушек. Всегда одно и тоже: разочарование в любви и обычно в любви самой вульгарной. Вы увидите сами, дорогой друг.

Когда они вошли в квартиру по улице Тильзит, из комнаты спасенной выходил доктор. По словам прислуги, молодая девушка чувствовала себя хорошо и спала. Ренин сообщил, что он спас тонувшую, передал свою визитную карточку. Из комнаты дочери выбежал отец с протянутыми руками и слезами на глазах.

Это был почтенного вида человек, слабого сложения, который, не ожидая вопросов, начал взволнованно объяснять:

— Это уже второй раз! Неделю тому назад мое бедное дитя пыталось отравиться. Какой ужас! Я готов отдать ради нее последнюю каплю крови! «Я не хочу жить, я не хочу жить!» — вот все, что она отвечает на мои вопросы. Боже, как это ужасно! И почему, по какой причине?

— Да, почему? — спросил Ренин, — расстроенный брак?

— Да. Верно!..

Ренин прервал его и стал задавать вопросы:

— Будем методичны. Мадемуазель Женевьева была невестой?

Господин Эймар не уклонился от ответа и сказал:

— Да. С весны. В Ницце на Пасху мы познакомились с Жан-Луи д'Ормивалем. Когда мы вернулись в Париж, этот молодой человек, живущий обычно с матерью и теткой в деревне, приехал сюда и поселился вблизи нас. Обрученные виделись ежедневно. Сознаюсь вам, Жан-Луи Вобуа мне был не очень симпатичен.

— Простите, — заметил Ренин, — вы называли его сейчас Жан-Луи д'Ормивалем.

— Это тоже его фамилия.

— У него их, значит, две.

— Я не знаю. Тут какая то загадка.

— Под каким именем он вам представился?

— Жан-Луи д'Ормиваля.

— А Жан-Луи Вобуа?

— Так он был представлен моей дочери одним господином, знавшим его. Впрочем это не так важно — Вобуа или д'Ормиваль!? Моя дочь его обожала. Казалось, он также питал в отношении ее пламенную страсть. Этим летом на берегу моря они всегда были вместе. И вот вдруг месяц тому назад, когда Жан-Луи поехал к матери и тетке, моя дочь получила следующее письмо:

«Женевьева! Непреодолимые препятствия мешают нашему счастью. С полным отчаянием я от него отказываюсь. Я вас так же безумно люблю, как и прежде. Прощайте! Простите меня.»

— Через несколько дней после получения этого письма моя дочь совершила первую попытку к самоубийству.

— Почему этот разрыв? Новая любовь? Старая связь?

— Нет, не думаю. Но в жизни Жана-Луи какая то тайна, вернее целый ряд тайн и загадок, которые его преследуют.

— Ваше впечатление нашло подтверждения? А по поводу его двойной фамилии вы его не спрашивали?

— Да, два раза. В первый раз он мне ответил, что тетку его звали Вобуа, а мать д'Ормиваль.

— А во второй?

— Противоположное. Он заговорил о своей матери Вобуа и тетке д'Ормиваль. Я ему это заметил. Он покраснел, а я не настаивал.

— Живет он далеко от Парижа?

— В Бретани... Замок д'Эльсевен, в восьми километрах от Кархэ.

Ренин слегка задумался и затем сказал несчастному отцу:

— Я не хочу беспокоить вашу дочь. Но скажите ей следующее: «Женевьева, тот господин, который спас тебя, ручается своей честью, что через три дня он приведет тебе твоего жениха. Напиши Жану-Луи несколько слов, которые этот господин ему передаст».

Старик был ошеломлен. Он пробормотал:

— Вы могли бы?.. Моя бедная девочка была бы так счастлива!

И он добавил тихим голосом, в котором как бы чувствовался стыд:

— О! Умоляю, действуйте скорее. Поведение моей дочери заставляет меня предполагать...

— Молчите, — прервал его Ренин, — есть слова, которые не следует говорить.

... В тот же вечер Ренин и Гортензия отправились в Бретань по железной дороге.

— Вы несколько бледны, дорогой друг, — сказал Ренин со смехом Гортензии, когда они остановились перед парком д'Эльсевена.

— Признаться, — проговорила она, — эта история меня сильно взволновала. Девушка, которая два раза покушается на самоубийство... Я боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Я боюсь, что вам это дело не удастся.

—Дорогой друг, — ответил он, — я вас, вероятно, удивлю, если скажу, что мне страшно весело.

— Почему?

— Я и сам не знаю. По моему, вся эта история, которая вас так волнует, имеет комический характер. Д'Ормиваль ... Вобуа!.. пахнет стариной! Будьте покойны.

Они прошли через главный вход. Там стояли две башни, одна с инициалами госпожи д'Ормиваль, другая — госпожи Вобуа. От каждой из них шли дорожки направо и налево среди кустарников и буковых деревьев.

Главная же аллея вела к низкому некрасивому, тяжелому зданию.

Звук голосов остановил Ренина и Гортензию. Они стали прислушиваться. Из окна нижнего этажа, по стенам которого ползли дикий виноград и дикие розы, доносились резкие, неприятные крики спорящих.

— Нам итти дальше нельзя, — сказала Гортензия, — это будет неловко.

— Напротив, — прошептал Ренин, — в подобных случаях нескромность является обязанностью.

Спор разгорался. Когда они приблизились к окну, они увидели двух старых дам, которые, грозя кулаками, кричали одна на другую.

Они находились в обширной столовой, где стоял накрытый обеденный стол. За столом сидел с газетой и трубкой в зубах молодой человек, вероятно, Жан-Луи, не обращавший внимания на мегер.

Одна из них, худая и высокая, была одета в зеленоватое платье. Ее белокурые локоны не соответствовали ее старому и увядшему лицу. Другая, еще более тощая,

но совсем маленькая, была в пестром ситцевом халате. Ее накрашенное лицо дышало злобой.

— Поганая вы, вот что! — кричала она, — вы злюка и еще воровка!

— Я — воровка? — завопила другая.

— А история с уткой в десять франков?

— Молчите, негодяйка! Кто у меня слямзил пятьдесят франков? Господи, и жить с такой мерзостью!

Тогда другая вскочила, как ужаленная, и бросилась к молодому человеку:

— И ты, Жан, позволяешь д'Ормиваль меня оскорблять?

На это высокая со злобой возразила:

— Ты слышишь, Луи? Вот тебе твоя Вобуа с лицом и манерами старой кокотки! Да заставь же ее замолчать.

Вдруг Жан-Луи ударил кулаком по столу и закричал:

— Оставьте меня в покое!

Тогда они повернулись к нему и вдвоем принялись осыпать его бранью:

— Подлец... лицемер... Лгун!.. Негодный сын... сын прохвоста и сам прохвост!..

Оскорбления так и сыпались на молодого человека. Он заткнул пальцами уши и стал обнаруживать признаки явного нетерпения, как человек, доведенный до белого каления.

Ренин прошептал :

— Что я вам говорил? В Париже — драма, а здесь — комедия. Войдем.

— В разгар ссоры? — запротестовала молодая женщина.

— Именно.

— Однако...

Решительными шагами он подошел к двери, открыл ее и вошел в комнату в сопровождении Гортензии.

Их появление произвело целый переполох. Обе женщины замолчали, краснея от бешенства. Жан-Луи побледнел и встал.

Пользуясь общей суматохой, Ренин заговорил:

— Позвольте представиться: князь Ренин... Госпожа Даниель... мы друзья мадемуазель Женевьевы Эймар и прибыли сюда с поручением от нее... Вот письмо, которое вам адресовано.

Жан-Луи окончательно смутился, как только было произнесено имя Женевьевы. Не зная, что делать, и желая быть любезным по примеру Ренина, он забормотал:

— Госпожа д'Орміваль, моя мать... Госпожа Вобуа, моя мать...

Последовало довольно продолжительное молчание. Ренин поклонился. Гортензия не знала, которой из матерей протянуть сначала руку.

Тогда Жан-Луи, к которому вернулось самообладание, схватил одну старуху и выставил ее в левую дверь, а другую — в правую. Потом он вернулся к посетителям, распечатал письмо и в пол голоса прочитал:

«Жан-Луи, я вас прошу принять подателя этого письма. Имейте к нему доверие. Я люблю вас. Женевьева.»

Он несколько раз повторил имя Женевьевы, рассеянно оглядываясь кругом. Казалось, он не знал, как держать себя. Получалось впечатление, что он готов объясниться. Но он не находил нужных слов.

Ренин понял, что противник его легко сдастся. Он так упорно боролся в течение нескольких месяцев и так, видимо, устал, что неспособен был защищаться. Особенно теперь, когда проникли в его ужасную домашнюю обстановку.

Ренин с места повел атаку:

— Уже два раза после вашей размолвки Женевьева Эймар покушалась на самоубийство. Я приехал вас спросить, будет ли ее неизбежная смерть в ближайшем будущем развязкой вашей любви?

Жан-Луи упал на стул и закрыл лицо руками.

— О, она хотела покончить с собой!.. — воскликнул он.

Ренин не дал ему вздохнуть. Ударив его слегка по плечу, он проговорил:

— Верьте, что в ваших же интересах довериться нам. Мы друзья Женевьевы Эймар. Мы обещали ей нашу помощь. Откройте нам всю правду...

Молодой человек поднял голову.

— Вы же сами видите, — сказал он с угнетенным видом, — вы же сами слышали! Вы уже догадываетесь о том, как я живу. Что же мне вам еще сказать, чтобы вы мою тайну могли сообщитьЖеневьеве?.. Ведь жестоко и смешно объяснять ей, почему я не мог к ней вернуться, почему я не имею права это сделать.

Ренин взглянул на Гортензию. Через двадцать четыре часа после признаний отца Женевьевы он получил также признание Жана-Луи.

Жан-Луи подал стул Гортензии. Все сели, и молодой человек, точно чувствуя потребность высказаться, стал рассказывать:

— Не удивляйтесь, если свою историю я вам передам в несколько юмористическом виде. Она, право, настолько смешна, что заставит вас смеяться.

Двадцать семь лет тому назад эта усадьба, дом которой состоял из одной центральной части, принадлежала старому врачу, который, чтобы увеличить свои скромные доходы, пускал двух-трех жильцов. Случилось так, что одно лето здесь провела госпожа д'Ормиваль, и госпожа Вобуа — следующее. Эти особы одна другую не знали.

Одна из них была замужем за капитаном дальнего плавания, а другая за коммерсантом. Мужья их умерли почти одновременно, и обе женщины оказались в интересном положении, как говорят. Обе они написали доктору, что для родов приедут к нему.

Доктор согласился. Приехали они как то осенью почти одновременно. Им отвели две комнатки, расположенные за этой гостиной. Доктор пригласил сестру милосердия, которая ночевала здесь же. Все шло отлично. Дамы шили белье и между ними царило полное согласие. Так как обе хотели иметь непременно сына, то заранее они выбрали ему имена: Жана и Луи.

Раз доктор отлучился к больному со своим лакеем, объявив, что он вернется только на следующий день.

Тут произошел ряд дьявольских случайностей. Около двенадцати часов ночи госпожа д'Ормиваль почувствовала первые приступы родовых болей. Сестра милосердия, мадемуазель Бусиньоль, которая немножко понимала акушерство, не растерялась. Но через час начала страдать госпожа Вобуа. Тут то и произошла траги-комедия. Сестра металась между двумя пациентками, которые стонали и кричали. Первой разрешилась от бремени госпожа Вобуа. Она родила мальчика которого мадемуазель Бусиньоль поспешно перенесла в гостиную, обмыла и положила в предназначенную ему колыбельку.

Но в это время начала раздирающе кричать госпожа д'Ормиваль. Сестра милосердия поспешила к ней, а новорожденный, мать которого потеряла сознание, в это время

задал свой концерт. Примите еще во внимание общий беспорядок, единственную лампу с догорающим керосином, свечи, не желающие гореть, яростные порывы ветра... одним словом, мадемуазель Бусиньоль с ума сходила от страха. Наконец, около пяти часов она принесла сюда мальчика госпожи д'Орминаль. Она занялась новорожденным, уложила его и поспешила к госпоже Вобуа, требовавшей ее помощи. А госпожа д'Орминаль в свою очередь потеряла сознание.

Когда же, наконец, мадемуазель Бусиньоль, шатаясь от усталости, вернулась к новорожденным она с ужасом заметила, что завернула их в одинаковое белье, одела им одинаковые чулочки и положила обоих рядом в одну и ту же колыбельку. Таким образом, нельзя было определить, который Луи д'Орминаль и который Жан Вобуа.

Кроме того, оказалось, что один из них уже не дышал и начинал холодеть. Он умер. Как он назывался? Как звали того, который жил?

Через три часа вернулся доктор. Он застал обеих матерей в полном отчаянии. Сестра милосердия просила у них прощения и протягивала им меня. Они меня целовали, а потом отталкивали. Ведь неизвестно было, кто я такой, чье имя ношу. Никаких указаний, никаких признаков.

Доктор умолял обеих женщин принести себя в жертву, то есть одной из них отречься от меня. Ни одна из них на это не согласилась.

— Почему Жан Вобуа, если это д'Орминаль? — протестовала одна.

— Почему Луи д'Орминаль, если это Жан Вобуа? — возражала другая.

Объявили в конце концов, что зовусь я Жан-Луи, а мать и отец мои неизвестны.

Князь Ренин все это слушал молча. Но Гортензия, по мере того, как рассказ приближался к концу, с большим трудом удерживалась от припадка смеха. Молодой человек это заметил.

Он ответил тихо, без горечи:

— Я вас предупредил, что моя история какой то злой фарс. Да, все это кажется бесконечно смешным, но, в действительности, это не было смешно. С внешней стороны история эта смешна, а с внутренней ужасна. Станьте в положение обеих матерей. Они полюбили мальчика болез-

ненно и страстно, но безумно ревновали его одна к другой. И обе женщины начали смертельно ненавидеть одна другую. Им пришлось жить вместе, так как ни одна не была в силах расстаться с мальчиком, но жили они с тех пор как самые заклятые враги.

Я вырос среди этих человеконенавистнических чувств. Если мое сердце меня направляло к одной, другая начинала меня за это преследовать. В этом доме, который они купили у покойного доктора и к которому пристроили два флигеля, я был невольным палачем и вместе с тем жертвой. Ужасное детство, кошмарная юность! Вероятно, редко кто так страдал, как я.

— Надо было их покинуть! — воскликнула Гортензия, которая больше не смеялась.

— Свою мать не бросают, — ответил он, — а одна из этих женщин моя мать. Мы живем точно каторжники, прикованные к одной тачке. Мы оскорбляем друг друга, упрекаем, вечно спорим!..

Ад, а не жизнь! И как убежать?.. Я несколько раз пробовал... Напрасно! Оборванные связи опять вырастали.

Еще этим летом, когда я полюбил Женевьеву, я хотел сбросить с себя эти цепи... Я попытался убедить обеих женщин, но не тут то было. Они возмутились, взбунтовались против посторонней женщины, которую я собирался ввести в наш семейный круг... Мне пришлось уступить. Что делала бы здесь Женевьева между госпожей д'Ормиваль и госпожей Вобуа? Имел ли я право принести ее в жертву?

Жан-Луи, произнося последние слова, воодушевился. Он произнес их твердым голосом, как бы желая, чтобы поняли, что он подчиняется своей совести и долгу. В сущности же, Ренин и Гортензия поняли, что он просто слабовольный человек, неспособный бороться с создавшимся нелепым положением вещей. Он сел перед письменным столом и набросал письмо, которое протянул Ренину.

— Пожалуйста, передайте это письмо мадемуазель Эймар и скажите ей, что я умоляю ее простить меня.

Ренин не шевельнулся. Когда же молодой человек повторил свою просьбу, он взял письмо и разорвал его.

— Что это значит? — спросил Жан-Луи.

— Это значит, что ваше поручение я не беру на себя.

— Но почему?

— Потому что вы поедете с нами.

— Я?

— Именно. Завтра же вы будете просить руки мадемуазель Эймар.

Молодой человек с некоторым презрением взглянул на Ренина. На лице его как бы отразилась мысль: вот человек, который ровно ничего не понял из всего того, что я ему рассказал.

— Это бесполезно. Все произойдет так, как я говорю. Мы поедем все трое через час или два, а завтра же будет сделано предложение.

Молодой человек пожал плечами и засмеялся.

— Вы говорите с большой самоуверенностью!

— У меня есть основания для этого.

— Какие основания?

— Я вам сообщу одно, если вы согласитесь помочь мне разъяснить это дело.

— Какой смысл? С какой целью? — возразил Жан-Луи.

— С целью установить, что рассказанная вами история не вполне соответствует истине.

Жан-Луи возмутился:

— Верьте, что я не сказал ни одного слова неправды.

— Я плохо выразился, — очень мягко заметил Ренин, — вы, конечно, сообщили то, что считали правдой. Но, видите ли, правда не там, не то, что вы предполагаете.

Молодой человек скрестил руки на груди.

— Все же больше шансов, что я знаю правду лучше вас.

— Едва ли! То, что вы знаете, вы знаете из уст третьих лиц. У вас нет никаких доказательств. Нет их ни у госпожи д'Ормиваль, ни у госпожи Вобуа.

— Доказательств чего? — воскликнул Жан-Луи с нетерпением.

— Никаких доказательств того, что обоих младенцев перепутали.

— Как? Но это же факт. Сестра милосердия говорит...

— Она так говорит...

— Что? Вы, значит, обвиняете эту женщину?

— Я ее не обвиняю.

— Но вы же утверждаете, что она солгала! И с какой, позвольте вас спросить, целью?

Жан-Луи был очень возбужден. В комнату неслышно вошли обе матери, которые подслушивали за дверьми. Они прошептали:

— Нет... Нет... это невозможно... Мы ее расспрашивали сто раз. Зачем ей было лгать?

— Говорите, говорите же, — стал требовать Жан-Луи, — объяснитесь!

— Потому, — повысив голос, сказал Ренин, — что ваша правда неприемлема. Нет, судьба таких жестоких сюрпризов не устраивает. Не будем доверять всем этим изумительным совпадениям: этим лампам, которые не горят, этим свечам, которые тухнут. Нельзя допустить, чтобы акушерка могла прийти в такое смятение и так все перепутать. В ней, хотя бы она и была перепугана, должен был действовать профессиональный инстинкт. Я утверждаю самым категорическим образом, что сестра милосердия Бусиньоль не могла перепутать обоих новорожденных.

Князь говорил это с такой силой, с такой убежденностью что все присутствующие невольно проникались его точкой зрения. Ему удалось поколебать у старух доверие к тому, что они считали правдой в течение четверти века.

Все окружили Ренина и стали с волнением спрашивать его:

— Значит, по вашему, эта женщина знает? Она могла бы открыть тайну?

Он продолжал:

— Я ничего не предрешаю. Я только говорю, что поведение мадемуазель Бусиньоль является совершенно загадочным и то, что она утверждает, не согласуется с истиной. Она что то знает. Дело не в ее рассеянности, а в нечто другом. Тайна, которая вас всех тяготит столько лет, находится в ее руках.

— Что вы утверждаете? — воскликнул Жан-Луи.

— Вот что было, — горячо перебил его Ренин, — я не видел всего события, но путем рассуждений, дедукции и логики ясно рисую себе всю картину. И я прихожу к выводу, что сестра милосердия Бусиньоль является обладательницей тайны, которая нам неизвестна...

Жан-Луи глухо проговорил:

— Она ведь жива!.. Она живет недалеко!.. Ее можно заставить приехать...

Тотчас обе матери закричали:

— Я еду. Я ее привезу.

— Нет, — возразил Ренин, — это неудобно.

Тогда Гортензия предложила:

— Хотите, чтобы я отправилась! Я беру автомобиль и вернусь с этой женщиной. Где она живет?

— В центре Кархэ, — сказал Жан-Луи, — у нее там лавчочка. Шофер вам скажет... Все знают мадемуазель Бусиньоль.

— И особенно, дорогой друг, — заметил Ренин, — ни о чем ее не предупреждайте. Если она будет беспокоиться, тем лучше. Но не надо, чтобы она знала, зачем ее вызывают сюда. Это существенно необходимо.

Тридцать минут прошли в полном молчании. Ренин ходил по комнате и осматривал прекрасную мебель, всю обстановку, картины, которые свидетельствовали о хорошем вкусе Жана-Луи, так как эта комната была именно его. Рядом же в комнатах старух царила полная бесвкусица.

Ренин подошел к молодому человеку и прошептал:

— Они богаты?

— Да.

— А вы?

— Они пожелали, чтобы это имение принадлежало мне. Это меня вполне обеспечивает.

— Есть у них семьи?

— Сестры. У одной и у другой.

— Куда они могли бы уехать?

— Да, они иногда об этом думали... Но... вопроса об этом не может возникнуть. Я боюсь, что ваше вмешательство испортит все дело. Я утверждаю еще раз...

В это время подкатил автомобиль. Обе старухи вскочили, собираясь заговорить.

— Предоставьте все мне, — остановил их Ренин, — и ничему не удивляйтесь. Ее надо испугать, ошеломить. Тогда она заговорит.

Из автомобиля вышла Гортензия. Она помогла выйти старой женщине, одетой в местный костюм.

Старуха вошла со страхом. У нее было птичье лицо с острыми чертами; маленькие зубки выступали вперед.

— В чем дело? Здравствуйте, мадам д'Ормиваль, — проговорила она, озираясь боязливо кругом. — Здравствуйте, мадам Вобуа!

Никто ничего ей не ответил. Ренин же вышел вперед и строго проговорил:

— Я вам сейчас сообщу, в чем дело, мадемуазель Бусиньоль. Но вслушайтесь в каждое мое слово. Дело серьезное!

У него был вид строгого судебного следователя.

— Мадемуазель Бусиньоль, я прибыл сюда из Парижа по поручению полиции, чтобы выяснить драму, происшедшую двадцать семь лет тому назад. Мне известно, что, благодаря именно вам, гражданское состояние одного из новорожденных в эту ночь установлено неправильно. Вы сделали ложные заявления. По уголовным законам, подобные ложные заявления строго караются. Я вас отвезу в Париж.

— В Париж?.. — простонала мадемуазель Бусиньоль.

— Это необходимо, так как вас, вероятно, арестуют. Вот разве, — бросил Ренин, — вы немедленно согласитесь во всем признаться и исправить, таким образом, последствия вашей вины.

Старая дева задрожала.

— Согласны ли вы во всем признаться? — спросил он.

Она рискнула:

— Мне не в чем сознаваться, так как я ничего не совершила.

— В таком случае, едем, — проговорил он.

— Нет, нет, — взмолилась она, — добрый господин, не губите!

— Решайтесь!

— Хорошо! — чуть слышно прошептала она.

— Чей это сын? — спросил он, указывая на Жана-Луи.

— госпожи д'Ормиваль?

— Нет.

— Тогда госпожи Вобуа?

— Нет.

За этим ответом последовало гробовое молчание и минута общего оцепенения.

— Объяснитесь, — приказал Ренин, смотря на часы.

Тогда мадемуазель Бусиньоль упала на колени и прерывающимся от волнения голосом рассказала:

— Вечером в тот день пришел какой то господин с новорожденным, которого он хотел поручить заботам доктора. Так как доктора не было, он всю ночь ожидал его и потом он же все сделал.

— Что именно? — спросил Ренин. — Что произошло?

Он схватил старуху за руки и смотрел на нее пристальным взором. Жан-Луи и обе матери со страшным волнением ожидали ответа. Их жизнь зависила от тех слов которые она скажет.

Она произнесла, наконец, эти слова, сложив молитвенно руки, как бы во время исповеди.

— Случилось так, что оба новорожденные умерли: и сын госпожи д'Ормиваль, и сын госпожи Вобуа. Умерли они от конвульсий. Тогда тот господин, видя это, сказал мне... Я помню каждое его слово... Он сказал мне следующее:

— Обстоятельства указывают мне мой долг. Я должен воспользоваться случаем, чтобы мой мальчик попал в надежные руки. Положите его вместо одного из покойных.

Он предложил мне порядочную сумму денег. Я согласилась. Но вместо кого его положить? Господин подумал и сказал: «пусть он будет ни д'Ормиваль, ни Вобуа». И он сказал мне, что я должна потом всем объяснить. Затем, пока я переодевала его мальчика, господин завернул один из трупиков в одеяло и унес его.

Мадемуазель Бусиньоль опустила голову и принялась плакать. Через некоторое время Ренин добродушно сказал ей:

— Я не скрою от вас, что ваше признание совпадает с данными предварительного следствия. Это вам послужит в пользу.

— Я не поеду в Париж?

— Нет.

— Вы меня не увезете? Я могу удалиться?

— Да. Сейчас вы не нужны.

— И здесь обо всем этом не будет лишних разговоров?

— Нет. Еще одно слово. Вы знаете фамилию этого господина?

— Он мне ее не сказал.

— Вы его потом видели?

— Никогда.

—Ничего больше не имеете сказать?

— Ничего.

— Вы готовы подписать текст своего признания?

— Да.

— Хорошо! Через неделю вас вызовут к следователю. А пока никому ничего не болтайте.

Она встала, перекрестилась и при помощи Ренина, так как ноги у нее подкашивались, вышла. Он вывел ее наружу и закрыл за ней дверь.

Когда он вернулся, то застал Жан-Луи между обеими старухами; все трое держались за руки. Ненависть, взаимная антипатия между ними как бы исчезли. Все они как бы успокоились и получили душевное облегчение.

— Поторопимся, — сказал Ренин Гортензии, — наступает решительный момент боя. Нам надо забрать Жана-Луи.

Гортензия имела рассеянный вид. Она прошептала:

— Почему вы позволили этой женщине уехать? Вы удовлетворены ее показанием?

— Я им удовлетворен не был. Она рассказала о том, что произошло. Что же вы хотите еще?

— Ничего... Я не знаю.

— Мы об этом опять поговорим, дорогой друг. А сейчас, повторяю, нам надо увезти Жана-Луи. И немедленно!

И, обратившись к молодому человеку, он сказал:

— Вы, вероятно, согласны с тем, что обстоятельства так сложились, что всем троим вам надо расстаться. Вы должны ехать сейчас с нами, так как самое главное спасти вашу невесту.

Жан-Луи заколебался. Ренин повернулся к старухам:

— Вы, вероятно, моего мнения.

Они утвердительно кивнули головами.

— Вы видите! — сказал он Жану-Луи, — они согласны со мной. Когда случаются подобные кризисы, разлука очень полезна. Возможно, что эта разлука не будет долго длиться.

И, не давая молодому человеку опомниться, он заставил его собраться в дорогу.

Через полчаса Жан-Луи покинул свою усадьбу.

— Он вернется женатым, — сказал по дороге в Париж Ренин Гортензии в то время, когда Жан-Луи сдавал свой багаж, — все устроилось к лучшему. Вы довольны?

— Да, бедная Женевьева будет счастлива, — ответила она рассеянно.

В поезде они пошли вдвоем в вагон-ресторан. После обеда, когда Гортензия односложно ответила на несколько вопросов своего спутника, он запротестовал:

— Что с вами, дорогой друг? Вы не отвечаете! У вас озабоченный вид!

— Да нет же.

— Нет, нет — да! Я ведь вас знаю. Говорите прямо.

Она улыбнулась.

— Ну, хорошо, если вы настаиваете. В общем этим приключением я довольна и радуюсь от души за Женевьеву Эймар, но... но в другом отношении...

— Я вас просто не удивил, говоря прямо?

— Именно.

— Вам кажется, что я играл второстепенную роль? Что я, собственно говоря, ничего не сделал. Не так ли?

— Правда! И я спрашиваю себя, кончена ли эта история? Говоря по совести, другие приключения оставили во мне более ясное, более определенное впечатление.

— А это кажется вам темным?

— Невыясненным, незаконченным!

— В чем же эта незаконченность?

— Я не знаю сама. Возможно, что это находится в связи с признанием сестры милосердия. Это признание было таким неожиданным, таким кратким...

— Ну, конечно, — возразил Ренин со смехом, — я должен был его оборвать. Не надо было дать старухе слишком распространяться.

— То есть как?

— Ну, да! Если бы она стала распространяться, то могло явиться сомнение к ее рассказу.

— Почему?

— Дело в том, что вся эта история придумана. Ведь ряд неправдоподобностей бросается в глаза: господин, приезжающий с младенцем и уезжающий затем с трупом другого мальчика... Но что же было делать, дорогой друг: у меня в распоряжении было очень мало времени, чтобы просуфлировать старухе ее роль.

Гортензия с изумлением посмотрела на него.

— Что вы хотите сказать?

— Эти деревенские старушки не очень то понятливы. Мы торопились. Наш сценарий мы смастерили в мгновение ока. Впрочем, свою роль она сыграла недурно. И плакала она хорошо!.. А как ловко она заставила дрожать свой голос!...

— Возможно ли? — прошептала Гортензия, — вы ее, значит, раньше видели?

— Как же иначе!?

— Но когда?

— Утром же. В то время, когда вы в гостинице занялись своим туалетом, я побежал на разведки. Ведь драма д'Орживаль - Вобуа здесь всем отлично известна. Мне сейчас же указали на мадемуазель Бусиньоль. С ней дело уладилось очень быстро. Я ей вручил 10.000 франков за инсценирование всей этой более или менее правдоподобной сцены.

— Совершенно неправдоподобной!

— Вы, однако, ее рассказу поверили, другие также. А это только и требовалось. Нужно было одним взмахом разрушить правду, которую считали таковой двадцать семь лет, правду, согласующуюся с фактами. Я атаку свою повел быстро, не давая передохнуть, не давая опомниться. Я стал отрицать справедливость версии о перепутанных младенцах. Жан-Луи тогда предложил послать за мадемуазель Бусиньоль. Та приехала и, к общему изумлению, рассказала ту историю, о которой мы с ней условились. Смятение! Я пользуюсь этим смятением и похищаю молодого человека.

— Но они одумаются! Сообразят!

— Никогда в жизни! Если у них явятся сомнения, то эти сомнения они постараются отогнать от себя. Ведь их прежняя жизнь была сплошным адом в течение четверти столетия. Эти люди, напротив, очень рады, что, наконец, освободились от душившего их гнета, от неизвестности, превращавшей их жизнь в кошмар. К тому же, разве моя версия хуже версии настоящей? Она не более глупая. А сейчас старухи, как я слышал, собираются уезжать и одна в отношении другой сделались вполне приветливыми: они рады, что расстаются!

— А Жан-Луи?

— Жан-Луи! Да ему обе матери до смерти надоели. Нельзя, чорт возьми, иметь безнаказанно двух родительниц. Если вам дают возможность вместо двух матерей не иметь ни одной, колебания быть не может. И Жан-Луи любит Женевьеву. Счастье этой девушки обеспечено: у нее не будет тещи! Важно достижение цели, а не средства, которые ведут к этой цели. В этой истории разрешение вопроса было чисто психологическое, не так как в тех, где ключ к разгадке дают окурок какой нибудь, графин воды, служащий зажигательным стеклом, и т. п..

Гортензия помолчала и затем проговорила:

— Так вы думаете, что Жан-Луи...

Ренин с удивлением воскликнул:

— Вы еще думаете об этой старой истории? Но все это кончено. Признаюсь, что меня человек с двумя матерями больше ничуть не интересует.

Он сказал это с таким неподражаемым юмором, что Гортензия от души расхохоталась.

— Ну, вот и отлично, дорогой друг! Когда смеешься, все представляется яснее, нежели когда плачешь. Кроме того, есть и другая причина, в силу. которой вы должны смеяться по всякому поводу.

— Какая?

— У вас такие дивные зубы!

ГИЛЬОТИНЩИЦА

VI.

Перед началом великой войны много говорили об одном удивительно загадочном преступлении. Это дело окрестили в печати «Делом Гильотинщицы». Ключ к разгадке этого темного дела дал нам князь Ренин, или, если хотите, Арсен Люпен. Обстоятельства сложились так, что Ренину в этом деле пришлось играть видную роль и пережить бесконечно много.

Напомним кое какие факты. В течение восемнадцати месяцев в Париже и его окрестностях исчезли пять женщин в возрасте от двадцати до тридцати лет. Все исчезнувшие принадлежали к самым различным классам общества.

Вот их имена: госпожа Ладу, жена врача; мадемуазель Ардан, дочь банкира; мад-ль Коверо, прачка; мад-ль Гонорина Вернисэ, швея, и госпожа Гроллингер, художница. Эти пять женщин исчезли таким образом, что не удалось установить, ни зачем они вышли из дому, ни почему они не вернулись и где именно их задержали.

Каждый раз через восемь дней после их исчезновения в одном из западных предместьев Парижа находили труп исчезнувшей. На голове трупа зияла огромная рана, нанесенная, видимо, топором. Жертва обыкновенно была крепко связана по рукам и ногам, лицо же ее было залито кровью. Следы колес вблизи роковой находки указывали на то, что труп был привезен в повозке.

Аналогия всех преступлений была так разительна, что все дела о них сосредоточились в руках одного следователя, которому не удалось решительно ничего раскрыть.

Исчезала женщина, через восемь дней находили ее труп, вот и все...

Веревки, которыми связывали трупы, были идентичны; идентичными оказались следы колес и идентичны были раны, нанесенные по верхней части головы в вертикальном направлении.

Мотивы? Все жертвы были ограблены, но, быть может, их ограбляли прохожие, натолкнувшиеся на трупы. Возможно ли было предположить, что в этих случаях действовало чувство мести, или требовалось устранить с дороги каких либо будущих наследников? Загадка. Строили гипотезы, которые приходилось отбрасывать, как неправдоподобные. Пытались итти по следу, который решительно никуда не приводил.

И вдруг нечто новое. Одна подметальщица улиц нашла на тротуаре маленькую записную книжку, которую немедленно передала в соседний полицейский участок.

Все листки книжечки не имели записей. Только на одном из них был найден список всех убитых женщин в хронологическом порядке. У каждой фамилии стояли три цифры: Ладу, 132; Верниcэ, 118 и т. д.

Этой книжечке не придали бы особого значения, так как каждый мог написать список жертв всем хорошо известный. Но вместо пяти фамилий в списке стояло шесть! Да, под именем «Гроллингер», 128 значилось — Вильямсон, 114. Была ли это шестая жертва?

Удалось быстро установить, что недели две тому назад одна бонна — англичанка, Гербетта Вильямсон оставила свое место, чтобы вернуться в Англию. Сестры ее, живущие в Англии, которым она написала, что едет к ним, заявили, что сестра их не приехала.

Возникло новое следствие. Труп мисс Вильямсон нашли в Медонском лесу. Голова ее была рассечена, как и у других жертв.

Лишнее сообщать, какой шум вызвало это новое преступление. Вся печать только и говорила об этом страшном деле. И какой ужас: убийца спокойно отмечал в своей записной книжке — «Сегодня я убил такую то; тогда то — такую то...» и в результате шесть трупов.

Против ожидания, эксперты и графологи единогласно признали, что записи в книжечке, видимо, сделаны рукой очень культурной, с художественными вкусами, женщиной у которой очень развито воображение и которая чрезвычайно впечатлительна. Газеты прозвали эту преступницу

«Гильотинщицей» и тщательно разбирали психологию, индивидуальность ее, теряясь в самых неправдоподобных догадках.

Только одному журналисту удалось пролить некоторый свет на эти загадочные убийства. Сопоставляя цифры в записной книжке, он поставил вопрос, не означают ли эти цифры число дней, отделяющих одно преступление от другого? Надо было проверить даты. Эта проверка тотчас же подтвердила правильность гипотезы: похищение мадемуазель Вернисэ произошло через 132 дня после исчезновения госпожи Ладу; Термины Коверо через 118 дней после исчезновения мад-ль Вернисэ и т. д.

Итак, в этом отношении дело было ясно: цифры вполне совпадали с фактами. Свои записи «Гильотинщица» вела аккуратно.

Возникло новое предположение. Так как мисс Вильямсон последняя жертва, исчезла 26 июня и рядом с ее именем стояла цифра 114, то не следовало ли опасаться, что через 114 дней, то есть 18-го октября совершится новое убийство? Не следовало ли логично притти к этому страшному выводу?

По этому поводу в газетах началась целая полемика. Как раз приближалось 18-ое октября. Значит, если судить по предшествующим фактам, можно было ожидать, что придется констатировать новое убийство. Этим объясняется, что утром 18-го октября князь Ренин и Гортензия, условливаясь по телефону о том, где они вечером встретятся, заговорили об ужасных убийствах.

— Будьте осторожны, — сказал смеясь Ренин, — если вы встретите «Гильотинщицу», переходите на другую сторону улицы.

— А если она меня похитит, что тогда делать? — спросила Гортензия.

— Вы тогда усыпайте свой путь белыми камешками, чтобы по ним я мог вас найти, и до последнего мгновения, когда над вашей головкой блеснет даже топор, все мысленно повторяйте: «мне нечего бояться, он меня освободит.» «Он» — это я... Целую вашу ручку! До вечера!

После обеда Ренин занимался своими делами. Между четырьмя и семью часами он купил разные газеты. Нигде о каком либо похищении речь не шла.

В девять часов он пошел в театр, где у него была взята ложа. В девять с половиной Гортензии все не было. Он

позвонил к ней, ничуть не беспокоясь. Горничная ответила ему, что Гортензия еще не вернулась.

У Ренина сжалось сердце недобрым предчувствием, и он побежал на квартиру Гортензии вблизи парка Монсо. Его встретила горничная, вполне ему преданная. Она сообщила, что хозяйка ее вышла в два часа дня с письмом в руках, говоря, что она сходит на почту и скоро вернется, чтобы переодеться. И затем она не возвращалась.

— Кому было адресовано письмо?

— Вам. Я видела на конверте — «князю Ренину».

Он ждал до двенадцати часов. Напрасно. Гортензия не пришла; ее не было и на следующий день.

— Никому об этом ни слова, — приказал Ренин горничной, — всем говорите, что ваша хозяйка уехала в деревню и вы отправитесь туда же.

Он не сомневался. Исчезновение Гортензии объяснялось наступлением 18-го октября. Гортензия приходилась седьмой жертвой «Гильотинщицы».

— Похищение, — стал он мысленно рассуждать. — предшествует удару топора на восемь дней. У меня, следовательно, в распоряжении семь полных дней, чтобы действовать. Скажем, шесть даже. Сегодня суббота. Необходимо, чтобы в следующую пятницу в двенадцать часов дня Гортензия была свободна. Я должен знать ее место пребывания не позже десяти часов в четверг.

Ренин написал на клочке бумаги, который прикрепил над камином своего кабинета: «В четверг в девять часов вечера.» Затем в субботу, на следующий день после исчезновения Гортензии, он заперся в своем кабинете, приказав своему лакею приносить ему почту и пищу в положенные часы.

Он не выходил четыре дня и почти не двигался, углубившись в чтение всех тех газет, где сообщалось подробно о прежних шести убийствах. Перечитав все, он запер ставни, задернул занавески, потушил электричество и, растянувшись на диване, стал обдумывать все происшествие.

Во вторник вечером он ничуть не подвинулся вперед: тайна оставалась непроницаемой, никаких путеводных нитей он не нашел. Временами он переставал надеяться.

Иногда, не взирая на всю свою веру в свои силы, его охватывали ужас и отчаяние. Спасет ли он? Во время ли ему удастся прибыть? На каком основании можно наде-

яться, что, наконец, он увидит что либо ясное, разъясняющее, разгадает кошмарную тайну?

Мысль о том, что молодая женщина может быть убита, бесконечно угнетала его, терзала его сердце. Он привязался к Гортензии гораздо глубже, нежели это можно было предполагать по внешним признакам. Короче говоря, он ее полюбил всеми силами своей души. Оба они даже не подозревали о глубине этой любви, так как их постоянно занимала мысль о каком либо приключении, которое они вместе переживали. Но, когда Гортензии стала угрожать опасность, Ренин понял, какое место она занила в его жизни, и мысль, что он бессилен выручить ее из беды, приводила его нервы в совершенно неописуемое состояние.

Он провел ужасную ночь, перебирая в своей памяти все подробности этих ужасных убийств. Среда прошла не лучше. Он терял под собой почву. Наконец, он покинул свою комнату, выходил на бульвары и снова лихорадочно бродил по квартире. Мозг его гвоздила мысль:

— Гортензия страдает... Она на краю гибели... Она видит занесенный над нею топор... Она зовет меня, умоляет ее спасти... И я ничего не могу сделать!..

Только в пять часов дня, рассматривая список жертв «Гильотинщицы», он вдруг почувствовал, что тайна перед ним раскрывается. Луч правды блеснул в его мозгу. Не все еще было для него ясно, но он знал, куда ему направить свой путь.

Немедленно он обдумал план действий. Через шофера Клемона им было послано во все главные газеты объявление ,которое должно было появиться на следующий день на первой странице на видном месте. Кроме того, Клемон должен был съездить в прачешную, где когда то работала мадемуазель Коверо, третья из шести жертв.

В четверг Ренин никуда из дому не выходил. После двенадцати часов дня он получил несколько писем, вызванных его объявлением. Но, казалось, эти письма и телеграммы не соответствовали его ожиданиям. Наконец, в три часа он получил городскую телеграмму, которая, видимо, его удовлетворила. Он ее долго рассматривал, перелистал свои газеты и сказал, наконец:

—Кажется, надо итти по этому пути.

Он справился с адрес-календарем Парижа, записал адрес: — Г. де-Луртье-Вано, бывший колониальный губер-

натор, проспект Клебера, 47 бис — и побежал к своему автомобилю.

— Клемон! Проспект Клебера, 47 бис.

Его ввели в обширный кабинет, украшенный рядом шкафов с ценными изданиями. Господин де-Луртье-Вано был еще довольно молод. Он носил седеющую бородку и всем своим видом и обхождением внушал доверие к своей особе.

— Господин губернатор, — обратился к нему Ренин, — я приехал к вам потому, что как сообщают газеты, вы знали одну из жертв «Гильотинщицы», а именно Гонорину Вернисэ.

— Ну, конечно, мы ее отлично знали, — воскликнул де-Луртье, — она работала у моей жены в качестве швеи. Бедная девушка!

— Господин губернатор, одна дама, мой друг, исчезла, как исчезли предыдущие шесть жертв.

— Что вы говорите? — с изумлением проговорил де-Луртье, — я следил по газетам; 18-го октября ничего не было.

— Напротив. Была похищена госпожа Даниель, которую я люблю. Именно 18-го октября.

— А сегодня у нас 24-ое!..

— Да, и послезавтра совершится убийство.

— Это ужасно! Надо непременно этому помешать.

— Если вы посодействуете мне, господин губернатор.

— Вы сообщили полиции?

— Нет. Это было бы бесполезно. Тайна до сих пор не может быть разгадана обыкновенными средствами. Ведь судебная власть во всех предыдущих шести случаях ничего не могла выяснить. С подобным противником обыкновенная полиция бороться не в силах.

— Что же вы сделали?

— Прежде, нежели начать действовать, я размышлял четыре дня.

Де-Луртье-Вано взглянул на своего собеседника несколько иронически.

— И каковы результаты ваших размышлений?

— Прежде всего, — спокойно продолжал Ренин, — я установил в этом деле новую общую точку зрения. Мне удалось, устранив все сомнительные гипотезы, разрешить вопрос, кто именно способен был совершить все эти убийства.

— То есть?..

— Убийца — сумасшедший, господин губернатор.

— Что за идея!

— Господин губернатор, дама, которую называют «Гильотинщицей», сумасшедшая.

— Тогда бы она была заключена в соответственном заведении.

— Мы ничего не знаем. Ведь возможно, что она на половину сумасшедшая и по внешнему виду безопасная. За нею, быть может, не следят, и она может беспрепятственно удовлетворять свои кровожадные наклонности. Подобные сумасшедшие удивительно опасны и легко вводят окружающих в заблуждение своим лицемерием, своей хитростью и необыкновенной ловкостью. Эта безумная, как это ясно, находится, видимо, под влиянием какой то навязчивой идеи; проводит она ее удивительно методично, последовательно и логично. Я не знаю, какова именно эта идея, но я знаю факты. Каждый раз жертва связана веревками. Каждый раз ее убивают через несколько дней после похищения. Убивают ее топором, вертикальным ударом по голове. Обыкновенный убийца не проявит такого однообразия в приведении в исполнение своего преступления. Только сумасшедший или сумасшедшая способны действовать так строго последовательно, механически, так сказать, как часы, которые бьют в определенное время, или гильотина, нож которой слепо падает...

Де-Луртье-Вано покачал головой.

— Конечно, конечно... Это дело можно рассматривать и с вашей точки зрения. Я даже согласен с вами. Но, допустив все это, все же остается неясным: почему эта сумасшедшая избирает предпочтительно одну жертву, а не другую?

— Ах, господин губернатор, — воскликнул Ренин, — вы ставите мне вопрос, который я все время задавал себе. Разрешение этого вопроса разъяснило бы все дело. Почему Гортензия Даниель, а не другая? Почему молодая Верписэ? Почему мисс Вильямсон? Чем именно руководствовалась сумасшедшая при выборе своей жертвы? Кого выбирала она? Кого ей нужно было убить?

— Вы разрешили этот вопрос?

Ренин остановился и затем продолжал:

— Да, господин губернатор, я этот вопрос разрешил. Я должен был бы разрешить его с первой минуты, внимательно рассмотрев список жертв. Но эти проблески истины зарождаются иногда в мозгу не сразу, а после долгих и усиленных размышлений. Двадцать раз я рассматривал

список, пока одна маленькая подробность не бросилась мне в глаза.

— Я не понимаю, — проговорил де-Луртье-Вано.

— Господин губернатор, заметили ли вы, что во время обнаружения каких либо преступлений, если в деле замешано несколько лиц, их обыкновенно называют по фамилиям? В данном случае газеты всегда называли госпожу Ладу, мад-ль Ардан и мад-ль Коверо только по их фамилиям? Только мад-ль Вернисэ и мад-ль Вильямсон были названы и по именам — Гонорина и Гербетта. Если бы это было сделано в отношении всех жертв, тайны уже не существовало бы.

— Почему?

— Потому, что сразу было бы найдено соотношение между именами и жертвами преступления. Вы понимаете? Перед нами три имени...

Де-Луртье вдруг смутился. Он побледнел и спросил:

— Что вы говорите?.. Что вы говорите?..

— Я хочу сказать, — отчетливо продолжал Ренин, отчеканивая каждое слово, — что имена всех решительно жертв начинаются одной и той же буквой «Г». Я навел по этому поводу точные справки. Значит, сумасшедшая избирала своих жертв между теми женщинами, имена которых начинались буквой Г. И какое это яркое доказательство того, что мы имеем дело с сумасшедшей! И Гильотина тоже начинается буквой Г. Безумная действовала подобно гильотине, хотя и не рубила головы, но рубила по черепу. Не так ли, не согласны ли вы, что убийца — явная сумасшедшая?

Ренин подошел к де-Луртье и спросил его:

— Что с вами, господин губернатор? Вам дурно?

— Нет, нет, — возразил де-Луртье, хотя на лбу у него выступил пот, — нет... но вся эта история так волнует... Подумайте, я же знал хорошо одну из жертв...

Ренин взял со стола графин, наполнил стакан водой и подал его де-Луртье. Тот выпил несколько глотков и, делая над собой усилие, продолжал:

— Допустим, что все это так. Что же вы сделали?

— Я поместил сегодня во всех газетах такое объявление:

«Прекрасная кухарка ищет места. Писать до пяти часов вечера Герминии, бульвар Гаусмана»...

Проследите, господин губернатор, мою мысль: сумасшедшей требуются жертвы, имена которых начинаются буквой Г. Это не так легко найти. Ей приходится пустить в ход

всю свою хитрость, свою сметливость, свою ловкость. Она ищет, расспрашивает. Читает даже газеты, которые не понимает, и где она лишь ищет нужные ей имена. Я не сомневался, что имя Герминии, напечатанное жирным шрифтом на первой странице, бросится ей в глаза, и она попадется в мою ловушку.

— Она вам написала? — волнуясь спросил де-Луртье-Вано.

— Мне несколько особ написало по поводу этой воображаемой Герминии. Но вот телеграмма, представляющая особый интерес.

— От кого?

— Читайте, господин губернатор.

Де-Луртье вырвал из рук Ренина листок и взглянул на подпись. Сначала у него вырвался звук удивления, как будто он ожидал другого, а потом он как бы с облегчением рассмеялся.

— Почему вы смеетесь, господин губернатор? Вы как будто довольны?

— Не то! Это письмо подписано моей женой.

— А вы опасались другого?

— О, нет, но раз это моя жена...

Он фразы не кончил и сказал Ренину:

— Простите меня, но объясните мне, почему из всех ответов на ваше объявление вы выбрали именно этот, думая, что он даст вам нужные указания?

— Потому, что он подписан вашей женой, у которой работала в качестве швеи Гонорина Вернисэ, одна из жертв.

— Кто вам это сказал?

— Это мне известно из газет.

— И только это обстоятельство решило ваш выбор?

— Да. Но сейчас, господин губернатор, у меня какое то внутреннее убеждение, что я не ошибся.

— Откуда явилось это убеждение?

— Я и сам не знаю... Кое какие мелочи... Могу я увидеть госпожу Луртье?

— Я хотел вам это предложить. Пойдем.

Он ввел его в маленькую гостиную, где красивая блондинка с счастливым и добрым лицом сидела в обществе трех детей.

Она встала. Де-Луртье представил своего спутника и спросил:

— Сузанна! Ты послала это пневматическое письмо?

— Адресованное Герминии, бульвар Гаусман, — сказала она, — да, я. Наша горничная ушла, и я ищу ей заместительницу.

Ренин прервал ее:

— Простите меня, но скажите, кто вам дал адрес этой женщины?

Она покраснела. Де-Луртье сказал:

— Отвечай, Сузанна. Кто тебе дал этот адрес?

— Мне его сообщили по телефону.

— Кто?

После минуты колебания она проговорила:

— Твоя старая кормилица...

— Фелисьена?

— Да.

Де-Луртье оборвал сразу разговор, и, не давая возможности Ренину предложить еще какие либо вопросы, он отвел его в свой кабинет.

— Вы видите, что это письмо имеет совершенно естественное происхождение. Моя старая кормилица, живущая в окрестностях Парижа, прочла ваше объявление и сообщила о нем моей жене. Ведь вы, надеюсь, — с деланным смехом добавил он, — не подозреваете моей жены?

— Нет.

— Тогда инцидент исчерпан... по крайней мере, с моей стороны... Я сделал все и очень сожалею, что не могу быть вам полезным...

Он, видимо, торопился выпроводить своего посетителя. Вдруг лицо его побледнело.

Ренин посмотрел на него, как смотрят на противника, готового сдаться, и, сев около него и взяв резко за руку, произнес:

— Господин губернатор, если вы не скажете, Гортензия Даниель сделается седьмой жертвой.

— Я ничего не могу сказать. Я ничего не знаю.

— Вы знаете правду. Ваш испуг, ваше лицо об этом свидетельствуют. Вы не только можете помочь мне, но у вас в руках ключ этой тайны. Не будем же терять времени.

— Но если бы я знал, зачем же я молчал бы?

— Из боязни скандала. Я чувствую ясно, что в вашей жизни есть что то такое, что вы скрываете.

Для вас правда в этом деле связана с бесчестием вашей семьи, если только эта правда сделается общим достоянием, если она будет подхвачена печатью. Вот почему вы

отступаете перед своим долгом, колеблетесь исполнить свою обязанность.

Де-Луртье ничего не отвечал. Ренин наклонился к нему и, пронизывая его взглядом продолжал:

— Скандала не будет. Я один в мире буду знать подробности этой истории. И я, также как и вы, хочу сохранить тайну; я ведь люблю Гортензию Даниель и не хочу, чтобы ее имя попало на страницы газет.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга. Лицо Ренина приняло жесткое выражение. Де-Луртье чувствовал, что этот человек не уступит, но он не в состоянии был заставить себя сказать правду.

— Вы ошибаетесь... Вы предполагаете то, чего в действительности нет.

Ренин понял, что если этот человек будет продолжать упорствовать, Гортензия погибнет. Им овладел прилив страшного бешенства. Он схватил де-Луртье за горло, опрокинул его и закричал:

— Довольно лгать! Дело идет о жизни женщины!.. Говорите, говорите немедленно!... А если нет...

Де-Луртье потерял способность сопротивляться.

— Вы правы, — пробормотал он, — мой долг все сообщить, независимо от последствий.

— Никаких последствий для вас не будет. Ручаюсь за это, если вы спасете Гортензию Даниель.

Тогда де-Луртье, опершись локтями на свой письменный стол и закрыв лицо руками, стал коротко, опуская детали, рассказывать:

— Госпожа де-Луртье, которую вы видели, не моя жена. Я женился очень рано в колониях. Моя молодая жена отличалась странностями характера и большой впечатлительностью. Мы имели двух детей — близнецов, которых она обожала и которые, видимо, вернули ей полное душевное равновесие. Тут случилось страшное несчастие. На ее глазах случайно проезжавшая повозка задавила обоих близнецов. Моя жена помешалась. У нее тихое помешательство в той форме, как вы упоминали. Я привез несчастную во Францию и поручил ее заботам моей старой кормилицы, которая меня воспитала. Через два года я познакомился с той, которая сейчас составляет радость моей жизни. Она является матерью моих детей, и все считают ее моей женой. Могу ли я ею пожертвовать? Ведь вся наша жизнь рушится, если наше имя будет замешано в эту кровавую драму.

Ренин подумал и спросил:

— Как зовут ее, другую?

— Геновена.

— Геновена. Та же буква... И восемь букв составляют имя...

— Именно это обстоятельство бросилось мне в глаза, когда вы мне передавали подробности дела. Такое странное совпадение!

— Допустим, что безумная выбирает свои жертвы из числа тех, имена которых начинаются на Г, при чем само имя заключает восемь букв. Но как объяснить убийства? В чем проявляется ее безумие? Она страдает?

— Сейчас она не очень страдает. Но вначале она мучилась неимоверно. Когда дети ее погибли у нее на глазах, все время перед ее мысленным взором стояла картина их гибели. Эта картина не давала ей возможности уснуть ни на одну секунду. Это была страшная пытка! Подумайте только: днем и ночью все время перед ней стояли ее задавленные дети!.

Ренин прервал его:

— Ведь не для того, чтобы отогнать от себя эту картину, она убивает?

— Возможно, — задумчиво проговорил де-Луртье, — она стремится освободиться от этой картины путем сна.

— Я не понимаю.

— Вы не понимаете потому, что дело идет о сумасшедшей. Все, что происходит в этом больном мозгу, анормально и нелогично.

— Конечно. Какие же факты подтверждают ваше предположение?

— Факты?.. Факты есть. Я сначала не придавал им значения; только сейчас начинаю в них разбираться. Несколько лет тому назад однажды утром моя старая кормилица впервые нашла Геновену мирно спящей. Ее руки сжимали шею маленькой собачки, которую она задушила. Три раза потом подобная сцена повторялась.

— И она после этого спала?

— Она спала, и сон ее каждый раз продолжался несколько ночей.

— Что вы из этого вывели?

— Я делаю вывод, что нервная энергия, которую она тратит на убийство, на некоторое время ее истощает, и она начинает тогда спать.

Ренин вздрогнул.

— Это именно так! Нельзя в этом сомневаться. Убийство употребленное при убийстве усилие дают ей сон. От животных она перешла к женщинам. Она их убивает, чтобы завладеть их сном. В этом пункт ее помешательства. Ей нужен сон, — она его похищает у других. Уже в течение двух лет она спит?

— Да, — прошептал де-Луртье.

Ренин схватил его за плечо.

— И вы не подумали, какие страшные последствия могла дать эта мания! Ведь эта безумная шла, явное дело, на все, чтобы добыть себе сон. Нам надо спешить.

Оба направились к дверям. Вдруг раздался телефонный звонок.

— Это оттуда, — сказал де-Луртье.

— Оттуда?

— Да, каждый день в этот час моя старая кормилица дает мне справку.

Он взял телефонную трубку, а другую дал Ренину, который подсказывал ему нужные вопросы.

— Это ты, Фелисьена? Как она?

— Ничего себе, сударь!

— Хорошо она спит?

— Последние несколько дней хуже. Последнюю ночь она даже совсем не смыкала глаз. Поэтому она имеет очень мрачный вид.

— Что она сейчас делает?

— Она в своей комнате.

— Иди туда, Фелисьена; не покидай ее.

— Невозможно. Она заперлась.

— Это необходимо, Фелисьена. Взломай двери. Я сейчас приеду... Алло! Алло!.. Чорт возьми! Нас разъединили.

Оба, не говоря ни слова, выскочили на улицу и бросились к автомобилю.

— Адрес?

— Миль-д'Аврэ.

— Это центр ее операций. Оттуда она протянула свои нити, как паук. Проклятие!

Ренин был потрясен. Все это происшествие, наконец, представилось ему во всей своей ужасной реальности.

— Да, — начал громко рассуждать Ренин, — она их убивает, чтобы завладеть их сном. Она действует под влиянием чудовищной, для здорового человека непонятной, навязчивой идеи. Ей, очевидно, кажется, что имена жертв должны непременно начинаться той же самой буквой, как

и ее имя: только тогда она будет спокойно спать. Это логика безумной. И она ищет и находит. Захватив свою жертву, она держит ее у себя и затем ударом топора по голове приобретает тот сон, который на некоторое время дает ей забвение. Тут мы наталкиваемся на чисто сумасшедшую логику: почему одна жертва должна дать ей 120 дней сна, а другая — 125. Это расчет больного мозга. Но по истечении 120 или 125 дней, во всяком случае, новая человеческая жертва должна быть принесена.

Де-Луртье-Вано не возражал. Он был подавлен, лицо его покрылось смертельной бледностью, видно было, что его мучили угрызения совести.

— Она меня обманула, — прошептал он, — по виду она была удивительно спокойна и послушна. К тому же, она живет в санатории.

— Как же это могло случиться?

— Эта санатория, — объяснил де-Луртье, — состоит из отдельных домиков, рассеянных в обширном саду. Павильон, в котором живет Геновена, расположен совершенно отдельно. Там одну комнату занимает Фелисьена, другую — больная. Имеются еще две комнаты, окна одной из них выходят в поле. Я думаю, что в этой последней комнате она запирает своих жертв.

— Откуда она берет повозку, чтобы отвозить трупы?

— Конюшни санатории находятся вблизи павильона. Там имеются повозка и лошадь. Вероятно, Геновена ночью встает, спускает труп через окно и увозит его.

— Но за ней наблюдает эта старуха?

— Фелисьена глуховата и очень дряхлая.

— Но днем она же видит, что делает ее хозяйка. Не соучастница ли она?

— Никогда! Фелисьена также, как и мы, была введена в заблуждение лицемерием безумной.

— Однако, ведь она телефонировала вашей жене по поводу моего объявления?

— Это совершенно естественно. Геновена читает газеты, следит за объявлениями и, надо думать, просила Фелисьену нам протелефонировать, так как знала, что моей жене нужна горничная.

— Да, да, — тихо проговорил Ренин, — это именно то, что я предчувствовал, о чем мне подсказывало мое внутреннее чутье. Она заранее намечает свои жертвы. Но каким способом она заманивала к себе несчастных женщин? Как она заманила Гортензию Даниель?

Автомобиль мчался, но Ренину казалось, что он не двигается.

Наконец, они в Виль-д'Аврэ. Автомобиль мчится, огибая высокую стену.

— Объедем заведение кругом, Клемон. Где, господин губернатор, находится павильон?

— С противоположной стороны, — объявил де-Луртье.

Они вышли из автомобиля. Ренин бросился бежать. Становилось темно. Де-Луртье указал:

— Здесь... Этот домик... Вот окно в нижнем этаже. Это окно отдельной комнаты... через это окно, вероятно, она выходит...

— Но окно забрано решеткой, — заметил Ренин.

— Да, но, вероятно, она проделала отверстие.

Первый этаж был построен над погребом. Ренин взобрался по выступам фундамента вверх. Действительно в железной решетке не хватало одного прута. Он прильнул к окну.

Внутренность комнаты была темна. Все же он различил в глубине комнаты двух женщин. Одна из них лежала на тюфяке. Другая же сидела рядом на стуле и, полузакрыв голову руками, смотрела на лежащую.

Ренин вынул из кармана алмаз и осторожно вырезал в окне одно из стекол. Безумная не шевельнулась. Затем он повернул шпингалет, держа в руке револьвер.

Окно тихо открылось. Но вдруг по пути оно задело стул, который с грохотом упал.

Ренин бросился в комнату, чтобы схватить сумасшедшую. Она вскочила и с животным криком выбежала за двери.

Де-Луртье хотел бежать за ней.

— Зачем? — остановил его Ренин, становясь перед связанной женщиной на колени, — спасем сначала жертву.

Он вздохнул с облегчением: Гортензия была жива. Прежде всего он развязал ее и снял повязку, которой был затянут рот. На шум в комнату прибежала старая кормилица с лампой.

Ренин ужаснулся, когда осветил лицо Гортензии: оно было мертвенно-бледным, истощено, глаза лихорадочно горели.

— Я вас ожидала, — прошептала она, пытаясь улыбнуться... — ни одной минуты я не впадала в отчаяние... Я была уверена, что вы спасете меня...

Тут Гортензия потеряла сознание.

Через час после тщательных поисков вокруг павильона сумасшедшая была найдена на чердаке. Она там повесилась.

Гортензия торопилась уехать. К тому же, надо было, чтобы павильон был пуст к тому времени, когда старая кормилица объявит о самоубийстве безумной. Ренин подробно объяснил Фелисьене, как ей нужно отвечать на вопросы по поводу сумасшедшей, и затем при помощи де-Луртье и шофера перенес молодую женщину в автомобиль и отвез ее домой.

Гортензия быстро поправилась. Уже через два дня Ренин стал осторожно расспрашивать ее о том, как она познакомилась с сумасшедшей.

— Очень просто, — ответила она, — мой муж, который тоже душевно больной, содержится в том же заведении. Я иногда тайно, сознаюсь в этом, посещаю его. Я говорила с несчастной женщиной несколько раз. В последнее мое посещение она пригласила меня зайти к ней. Как только я вошла в ее комнату, она бросилась на меня и связала. Я не успела даже крикнуть о помощи. Мне показалось, что сумасшедшая хотела подшутить надо мной. В сущности, ведь это была шутка безумной. Со мной она была очень кроткой, хотя и не кормила почти совсем.

— Вам не было страшно?

— Умереть с голоду? Нет. Впрочем, иногда она меня немного подкармливала, когда к этому ее побуждал каприз... И я была вполне убеждена, что вы меня освободите.

— Ну, а по поводу другой опасности?

— Какой? — спросила она с недоумевающим видом.

Ренин вздрогнул. Он понял, хотя это казалось на первый взгляд странным и неправдоподобным, что Гортензия до сих пор не понимала, какая страшная опасность ей угрожала. Она не подозревала, что попала в руки, так называемой, «Гильотинщицы».

Он решил пока ничего по этому поводу не объяснять ей.

А через несколько дней Гортензия, которой доктор предписал покой и уединение, отправилась в деревню к одной своей родственнице, живущей вблизи Базикура в самом центре Франции.

СЛЕДЫ ШАГОВ НА СНЕГУ

VII.

«Ла Ронсьер, через Базикур, 14-го ноября.
Князю Ренину, бульвар Гаусман, Париж.»

Мой дорогой друг,

«Вы считаете меня, вероятно, неблагодарной. Я нахожусь здесь уже три недели и не написала вам ни одной строчки, ни слова благодарности. И,однако, я узнала, что вы меня спасли от ужасной смерти: мне сделался известным секрет всей этой ужасной истории. Вы уж простите меня! Я была так потрясена. У меня явилась потребность уединиться и пожить в полном покое. Я не могла остаться в Париже и продолжать наши совместные похождения. Нет, довольно с меня! Приключения другого меня интересуют, но приятного мало попасть самой в переделку... Ах, дорогой друг, какой я пережила ужас! Это приключение я никогда не забуду... А здесь я наслаждаюсь полным покоем. Моя старая кузина Эрмелина меня балует, как больную. Я начинаю опять делаться розовой, и в этом отношении все обстоит благополучно. Сознаюсь, что мое здоровье настолько хорошо, что я совершенно перестала интересоваться чужими делами... право же, ничуточки! И вот вообразите себе (я рассказываю это лишь потому, что знаю ваше неисправимое любопытство и стремление, как старая баба, всюду совать свой нос), что вчера я имела любопытную встречу. Антуанетта повела меня в Базикурский трактир. Мы стали пить чай в общем зале, где по случаю базарного дня было много крестьян.

Вдруг неожиданное появление трех новых лиц, двух мужчин и одной женщины, прекратило среди присутствовавших всякие разговоры.

Один из мужчин, по виду фермер, был одет в длинную блузу и имел веселое красное лицо, обрамленное седыми бакенбардами. Другой, более молодой, одетый в бархатную куртку, производил отталкивающее впечатление своим желтым, высохшим и злобным лицом. У каждого за плечами было охотничье ружье. Женщина, которая находилась с ними, поражала своим изяществом. Она была маленькая, вся закутанная в длинную темную мантилью, на голове ее красовалась меховая шапочка; лицо ее, очень бледное и худое, отличалось тонкостью черт.

—Отец, сын и сноха, — прошептала мне кузина Эрмелина.

— Как? Эта прелестная женщина жена этого увальня?

— И сноха барона де-Горна.

— Неужели этот тип — барон?

— Он потомок очень знатной фамилии, жившей в здешнем замке. Вел он всегда образ жизни мужика... считается страстным охотником, пьянчугой, интриганом, сутягой и почти совершенно разорился. Сын его, Матиас, более честолюбивый, менее привязанный к земле, изучал юриспруденцию и поехал в Америку, откуда вернулся из-за недостатка денег. Тут он влюбился в девушку из соседнего города. Несчастная, как это ни странно, согласилась выйти за него замуж. Вот уже пять лет она живет точно затворница, вернее, пленница, в маленькой усадьбе по соседству, которая носит название Колодезь.

— Она живет с отцом и сыном? — спросила я.

— Нет, отец живет на конце деревни в уединенной ферме.

— А этот Матиас ревнивый?

— Как тигр.

— Без причины?

— Без малейших оснований. Ведь не виновата Натали де-Горн, самая порядочная женщина в мире, если в течение нескольких месяцев уже вокруг их дома бродит прекрасный молодой сосед. Но оба де-Горна этим приведены в бешенство.

— Как, и отец?

— Прекрасный сосед — последний потомок купивших когда то замок де-Горнов. Вот причина ненависти старика. Жером Вижнал, которого я знаю и люблю, очень красив

и очень богат. По словам старого Горна, болтающего об этом в пьяном виде, молодой человек поклялся похитить Натали де-Горн. Впрочем, послушайте сами...

Составляя центр группы посетителей, старый барон горячо разглагольствовал:

— Он, этот господинчик, только оскандалится! Все его усилия останутся бесплодными. Мы хорошо охраняем нашу «детку»! Если он подойдет к ней слишком близко — пулю в лоб! Не так ли, Матиас?

Он схватил свою сноху за руку.

— Ты, детка, и сама умеешь защищаться, — со смехом проговорил он, — слышишь? Кавалеров тебе не надо!

Молодая женщина сконфузилась и покраснела до корня волос.

— Вы бы, отец, лучше держали язык за зубами. Есть вещи, о которых громко не говорят.

— Когда дело идет о нашей чести, я ее защищаю публично, — возразил старик. — Для меня честь де-Горнов стоит на первом месте. Я не позволю, чтобы этот парижский ветрогон...

Вдруг он оборвал свою фразу. Кто то вошел в комнату и, видимо, услышал его слова. Вошедший, одетый в спортсменский костюм с хлыстом в руке, своим энергичным, хотя и несколько суровым лицом с прекрасными глазами, производил наилучшее впечатление.

— Жером Вижнал, — прошептала мне кузина.

Молодой человек держался очень свободно. Заметив Натали, он глубоко поклонился ей. Когда же Матиас де-Горн сделал шаг ему навстречу, он иронически-презрительно посмотрел на него, как бы спрашивая:

— Что же дальше?

Он имел такой вызывающий вид, что и отец и сын схватились за свои ружья. Матиас, видимо, страшно бесился.

Жером, сохраняя полное самообладание под этой угрозой, спокойно обратился к трактирщику:

— Я хотел повидать дядю Вассера. Но его лавочка закрыта. Отдайте ему, прошу вас, для починки чехол от моего револьвера.

Он передал чехол и затем со смехом добавил:

— Револьвер я оставляю у себя на всякий случай. Береженого и Бог бережет!

Затем он вынул из портсигара сигаретку, закурил ее и вышел. Через окно выдно было, как он вскочил на лошадь и удалился мелкой рысью.

— Проклятие! — выругался старый де-Горн, осушая стаканчик коньяку.

Сын заставил его замолчать и сесть. Около них плакала Натали де-Горн.

Вот, дорогой друг, и вся история. Как видите, в ней нет ничего интересного и залуживающего вашего внимания. Никакой тайны! Здесь ваше вмешательство было бы совершенно неуместным. Конечно, я желала бы, чтобы эта несчастная молодая женщина, производящая впечатление мученицы, имела бы защиту. Но повторяю, пусть другие сами распутывают свои дела, а мы с вами останемся в стороне.»

Ренин перечитал два раза письмо и сделал вывод:

— Итак, все идет отлично! У нас нет желания продолжать наши приключения, так как мы дошли уже до седьмого и боимся, что я потребую, чтобы мне заплатили, когда мы вместе переживем восьмое приключение. Не хотят, но одновременно и стремятся к этому, делая вид, что не хотят.

Он с удовольствием потер руки.

В тот же вечер, — следующий день был воскресный, — Ренин сел в поезд.

Рано утром он уже был на месте и узнал, что в направлении усадьбы Колодезь ночью слышали три выстрела.

— Бог любви и случай мне благоприятствуют, — сказал он сам себе, — если возник конфликт между мужем и любовью, я приехал во время.

— Три выстрела, господин унтер-офицер! Я сам слышал, — объяснял какой то крестьянин жандарму в общем зале трактира, куда вошел и Ренин.

— Я тоже слышал, — подтвердил один из слуг трактира, — три выстрела... Было, вероятно, двенадцать ночи. Снег, падавший с девяти часов, прекратился... Слышно было ясно...

Подтвердили это свидетельство еще пять человек. К жандармам в это время подошли рабочий и женщина. Они заявили, что находятся в услужении у Матиаса де-Горна.

— Ворота усадьбы, — заявил рабочий, — закрыты. Это случается впервые. Я звал и не получил никакого ответа. Вот мы и пришли сообщить вам об этом.

— Отчего вы не справились у старика Горна? — спросил жандарм, — он живет по дороге.

— Это так, но нам не пришло в голову...

— Пойдем туда, — заявил жандармский унтер-офицер. С ним пошли два жандарма, крестьяне и слесарь, которого захватили по пути. Ренин присоединился к ним.

Им пришлось проходить мимо жилища старого де-Горн. Это жилище Ренин узнал по описаниям Гортензии. Старик запрягал свою повозку. Когда ему сообщили обо всем, он расхохотался.

— Три выстрела?Паф... паф... паф!?. Но, милые люди, ведь у Матиаса двухстволка!

— А закрытые ворота?

— Спит, значит, сынок мой; вот и все! Вчера я с ним роспил несколько бутылочек... Ну, и заспался он со своей женкой.

Он взобрался на свою повозку и щелкнул кнутом.

— Будьте здоровы! Ваши выстрелы не помешают мне отправиться на базар. У меня телята, которых надо продать. Прощайте, товарищи!

Ренин подошел к жандармскому унтер-офицеру и представился ему.

— Я друг мадемуазель Эрмелины, живущей в Ронсьере. Еще рано, а потому позвольте мне сопровождать вас. М-ль Эрмелина знает де-Горнов и я хочу ее успокоить. Надеюсь, что ничего не случилось?

— Если что нибудь произошло, — ответил унтер-офицер, — мы это прочитаем, как в книге... Нам поможет выпавший ночью снег.

Это был молодой малый симпатичной наружности, видимо способный и понятливый. С самого начала же он зарисовал следы шагов Матиаса, которые тот оставил накануне на снегу. Скоро они подошли к усадьбе, и слесарь открыл ворота.

На снежном покрове заметны были лишь следы, оставленные Матиасом. Эти следы указывали своими причудливыми узорами на то, что Матиас был, очевидно, сильно пьян.

В двухстах метрах дальше стояли постройки Колодезя. Парадная дверь была открыта.

— Войдем, — сказал унтер-офицер.

На пороге он проговорил:

— Ого! Напрасно старик де-Горн не пошел с нами. Здесь произошло настоящее сражение.

Большая зала находилась в беспорядке. Два сломанных стула, опрокинутый стол, разбитая посуда и осколки стекла свидетельствовали о том, что борьба произошла здесь жаркая. Большие стенные часы, лежащие на земле, показывали 11 часов 12 минут.

По указанию работницы, все быстро поднялись наверх. Ни Матиаса, ни его жены там не было. Двери же их общей спальни были выбиты ударами молотка, который нашли под кроватью.

Ренин и унтер-офицер спустились вниз. Из зала в кухню, расположенную сзади и откуда можно было выйти в маленький садик, вел коридорчик. В огороженном садике за кухней был расположен колодезь.

От порога кухни до колодца тянулся по глубокому снегу след: казалось, что тут протащили какое то тело. Около же колодца переплетались многочисленные следы, указывая на то, что борьба здесь продолжалась. Унтер-офицер обнаружил следы обуви Матиаса и другие, более элегантные и тонкие.

Вторые следы вели прямо в сад. В тридцати метрах дальше, вблизи этих следов, нашли браунинг. Один из крестьян заявил, что он похож на револьвер, который два дня тому назад Жером Вижнал показывал в трактире.

Унтер-офицер обнаружил, что из семи пуль три были выпущены.

Таким образом, все дело выяснялось все больше и больше. Унтер-офицер, принявший меры к сохранению всех обнаруженных следов, вернулся к колодцу, задал несколько вопросов работнице и затем обратился к Ренину:

— Думаю, что все ясно.

Ренин взял его за руку.

— Будем говорить прямо. Вы предполагаете?..

— Я ничего не предполагаю. Я только констатирую, что кто то пришел сюда вчера вечером...

— Откуда? Единственные следы, ведущие к этой усадьбе, следы де-Горна.

— Другая особа, оставившая более элегантные следы, пришла, вероятно, до того, как начал падать снег, то есть, до десяти часов.

— Значит, вы думаете, что эта особа спряталась в одном из углов зала, ожидая возвращения де-Горна, который пришел уже после выпавшего снега?

— Именно! Как только Матиас вошел, спрятавшийся субъект бросился на него. Произошла борьба. Матиас убежал через кухню. Его преследовали до колодца и выстрелили в него три раза.

— А где труп?

— В колодце.

Ренин протестовал:

— Как у вас это все просто!

— Да ведь снег нам все рассказал: после борьбы, после трех выстрелов только один человек покинул ферму, и следы этого человека не Матиаса де-Горна. Где же Матиас де-Горн?

— Можно бы поискать его в этом колодце.

— Нет, этот колодец бездонный. Он известен в окрестности. По нем названа и усадьба.

— Итак, вы думаете?

— Повторяю: когда выпал снег, пришел Матиас, а потом ушел отсюда другой человек.

— А госпожа де-Горн? Вы полагаете, что она убита, как и ее муж?

— Нет! Похищена.

— Похищена?

— Вспомните выбитые двери в ее спальне.

— Но вы же сами говорите, что ушел отсюда только один человек.

— Осмотрите следы. Видно, что человек нес какую то тяжелую ношу. Снег под этой двойной тяжестью сильно вдавлен.

— Значит, есть выход через сад в этом направлении?

— Да, в ограде сада имеется калитка, ключ от которой всегда находился у Матиаса де-Горна. Этот ключ у него, очевидно, взяли.

— И через эту калитку можно выйти на дорогу?

— Да, большая дорога находится в тысяче двухстах метрах... И знаете ли вы, где проселочная дорога от калитки соединяется с большой?

— Нет.

— У одного из углов замка.

Ренин проговорил сквозь зубы:

— Чорт возьми! Дело усложняется. Если следы идут до замка, мы получим ясную картину.

Следы шли до замка. В этом легко было убедиться. Они также могли удостоверить тот факт, что, хотя снег вблизи решетки, окружающей замок, был очищен, от замка шли следы колес по направлению, противоположному деревне.

Унтер-офицер у входных ворот замка позвонил. К нему подошел сторож с метлой в руках, который объяснил, что Жером Вижнал уехал утром, когда все еще спали, при чем он сам запряг лошадь.

— В таком случае, — заметил Ренин, — проследим, куда ведут колесные следы.

— Это бесполезно, — ответил унтер-офицер, — они дальше поехали по железной дороге.

— Через станцию Помпина, откуда я сейчас приехал? Они тогда должны были проехать через деревню.

— Нет, они выбрали другое направление и поехали на ту станцию, где останавливаются скорые поезда. Там пребывают и судебные власти. Я телефонирую туда. До одиннадцати часов ни один скорый поезд не пройдет, а потому легко можно установить на станции наблюдение.

— Кажется, — сказал Ренин, — вы стоите на верном пути, и я вас поздравляю с успехом.

Они расстались. Ренин сначала хотел пойти к Гортензии, но затем раздумал и предпочел выждать более благоприятного оборота дела. Он вернулся в трактир и послал Гортензии следующую записку:

«Мой дорогой друг,

Читая Ваше письмо, я понял, что, принимая, по обыкновению, близко к сердцу все то, что касается любви, Вы решили покровительствовать влюбленным Жерому и Натали. Но кажется, что этот милостивый государь и эта милостивая государыня, не спрашивая совета у своей покровительницы, убежали, при чем предварительно Матиас де-Горн был брошен в колодезь.

Извините, что я не захожу к Вам. Но это дело очень загадочно и в Вашем присутствии я не имел бы возможности хорошенько его обдумать...»

Затем он проспал там некоторое время. Стук в двери вдруг разбудил его.

— Вы!.. Вы!.. — прошептал он, когда, открыв двери, увидел на пороге Гортензию.

Они молча, пожимая друг другу руки, вглядывались один в другого, проникнутые оба глубокой радостью по поводу этой встречи. Наконец, он сказал:

— Хорошо я сделал, что приехал?

— Да, — ответила она мягко, — да... я вас ждала.

— Жаль, что вы не выписали меня несколько раньше. События пошли ускоренным темпом. Я сейчас не знаю, что случится с Жеромом Вижнал и Натали де-Горн.

— Как, вы еще не знаете? — живо перебила она его.

— Что именно?

— Их арестовали. Они пытались уехать скорым. Но они невиновны... Ведь они невиновны? Не так ли?

Он ответил:

— Пока, дорогой друг, я еще точно не знаю. Но скажу вам откровенно, что все против них... Один только факт за них... Это тот, что все слишком против них. Неправдоподобно это обилие улик! А в общем — темная и запутанная история!

— Тогда?

— Я, право, не знаю.

—Но у вас имеется план действий?

— Пока нет! Вот если бы я мог повидать этого Жерома и эту Натали и послушать, что они говорят в свое оправдание! Но вы понимаете, что мне не позволят ни их допрашивать, ни присутствовать на их допросе. Впрочем, вероятно, допрос уже кончился .

— Он кончен в замке, но будет продолжаться в Колодезе.

— Их поведут туда? — живо спросил он.

— Да... Так, по крайней мере, говорил один из шоферов, привезший судебные власти.

— В таком случае, — воскликнул Ренин, — все устраивается отлично. Мы будем на первых местах. Мы увидим и услышим решительно все. Быть может, пустое обстоятельство поможет нам распутать это дело. Мы можем надеяться! Идем, дорогой друг.

Он повел ее по кратчайшей дороге, по которой ходил уже утром, к усадьбе де-Горна. Жандармы провели по снегу рядом с оставленными следами шагов тропинку. Случай помог Гортензии и Ренину незаметно пробраться в дом через одно окно. По внутренней винтовой лестнице они взобрались в маленькое помещение, имевшее круглое окно, выходящее в большой зал дома. Еще утром Ренин заметил это окно, затянутое изнутри куском ма-

терии. Он раздвинул материю и вырезал в окне одно из стекол.

Через несколько минут около дома вблизи колодца послышались голоса. Затем в зал вошли люди. Жандармы ввели молодого человека высокого роста.

— Жером Вижнал! —шепнула Гортензия.

— Да, — ответил Ренин. — госпожу де-Горн, вероятно, допрашивают наверху, в ее комнате.

Прошло минут пятнадцать. С верхнего этажа спустились вниз товарищ прокурора, его письмоводитель, полицейский комиссар и два жандарма.

Затем была введена в зал госпожа де-Горн, и товарищ прокурора предложил Жерому Вижналу подойти к столу.

Товарищ прокурора, осмотрев мебель и следы борьбы в комнате, предложил ей сесть и сказал Жерому:

— Пока я предложил вам очень мало вопросов. Сейчас я произвожу лишь предварительное расследование, которое будет продолжать судебный следователь. Как вы могли заметить сами, у меня имелись серьезные причины для того, чтобы просить вас и г-жу де-Горн прервать начатое вами путешествие. В ближайшую минуту вам надлежит опровергнуть собранные против вас тяжкие улики. Я прошу вас рассказать мне всю правду.

— Господин товарищ прокурора, — ответил Жером, — эти улики меня ничуть не беспокоят. Правда будет сильнее всех тех неправд, которые выдвинул против меня ряд случайностей. Вот она!

Он задумался и затем начал искренно и ясно рассказывать:

— Я глубоко люблю госпожу де-Горн. Я полюбил ее с первой минуты, когда встретился с ней, но, не взирая на всю силу моей страсти, вполне владел всегда собой и имел в виду лишь ее счастье. Я ее не только люблю, но и глубоко уважаю. Она вам, вероятно, сказала, а я повторяю: госпожа де-Горн и я впервые заговорили друг с другом в эту ночь.

Он продолжал глухим голосом:

— Я уважал ее тем более, что она была так несчастна. Всем известно, что ее жизнь сплошная пытка. Муж ее преследовал и ревновал с дикой жестокостью. Допросите прислугу. Она вам сообщит, что пришлось пережить Натали де-Горн, как ее били и поминутно оскорбляли. Я хотел положить предел этим страданиям. Три раза я обращался к старику де-Горну, но он, оказывается, так-

же ненавидел свою сноху, как все низкое ненавидит все высокое и благородное! Тогда я решил действовать непосредственно на Матиаса де-Горна. Моя выходка была необычная, своеобразная, но нужно знать личность этого человека. Клянусь вам, господин товарищ прокурора, что в тот вечер у меня было единственное намерение — поговорить с Матиасом. Я знал кое что из его жизни и этим хотел воспользоваться. Если дело повернулось несколько иначе, не моя в том вина. Итак, я пришел к нему до девяти часов вечера. Прислуга, я это знал, отсутствовала. Матиас сам открыл мне двери. Он был один.

— Я вас прерву, — остановил подозреваемого товарищ прокурора, — и вы, и госпожа де-Горн утверждаете вещь, которая противоречит истине. Матиас де-Горн вернулся вчера домой только в одиннадцать часов вечера. Этому два доказательства: показание его отца и следы его шагов на снегу, снег этот падал с 9 ч. 15 минут до 11 часов.

— Господин товарищ прокурора, — твердо объявил Жером Вижнал, не обращая внимания на то дурное впечатление, которое его упрямство произвело на присутствующих, — я рассказываю о том, что тогда произошло. Продолжаю! Эти стенные часы показывали девять часов без десяти, когда я вчера вошел сюда. Думая, что я хочу на него напасть, де-Горн схватился за ружье. Я положил свой револьвер на стол и сам сел вдали от стола.

— Мне надо с вами поговорить, — сказал я, — прошу вас меня выслушать.

Он ничего мне не ответил. Я начал без всяких предисловий наше объяснение:

— В течение нескольких месяцев я старался подробно выяснить ваше финансовое положение. Вся ваша земля заложена. Сроки платежей приближаются, а у вас нет нужных денег, чтобы уплатить свои долги. На вашего отца надежда плоха, так как он прогорел. Но я могу спасти вас.

Он некоторое время смотрел на меня и затем сел. Я понял, что он согласен вступить со мной в переговоры. Тогда я вынул из кармана пачку денег и положил ее перед ним со словами:

— Вот шестьдесят тысяч франков. Я покупаю у вас вашу усадьбу с землей: ипотеки ваши находятся у меня. Следовательно я вам предлагаю вдвое выше настоящей стоимости владения.

Его глаза заблестели и он пробормотал:

— Какие ваши условия?

— Вы должны уехать в Америку.

Господин товарищ прокурора, мы спорили два часа. Мое предложение ничуть его не возмутило, но он хотел получить больше и стал упорно торговаться, не упоминая ни слова о своей жене, о которой молчал и я. Мы производили впечатление двух дельцов, стремящихся найти компромисс, тогда как дело шло о судьбе и счастьи женщины. В конце концов, я пошел на уступки, и мы пришли к соглашению, которое тут же оформили. Мы обменялись двумя письмами. Согласно одному письму, он уступал мне свою усадьбу за известную сумму. Я же дал письмо, в котором обязывался послать ему в Америку дополнительную сумму в тот день, когда он разведется со своею женой.

Итак, сделка была совершена. Я уверен, что в эту минуту мой противник действовал чистосердечно. Он считал меня не своим врагом или соперником, но человеком, оказывающим ему услугу. Он дал мне даже ключ от калитки, которая вела на дорогу. К несчастью, когда я брал свою шляпу и накидку, я оставил письмо де-Горна на столе. Видимо, он сразу решил, что может сохранить владение, жену и... деньги. Он быстро захватил письмо, нанес мне прикладом ружья удар по голове и обеими руками схватил меня за горло.... Но он плохо рассчитал. Я гораздо сильнее его, а потому после короткой борьбы справился с ним и связал веревкой, которая валялась в углу.

Господин товарищ прокурора, если мой противник действовал быстро, то и я не оставался в долгу. Я решил, что заставлю его выполнить свое обязательство. В несколько прыжков я взобрался по лестнице в верхний этаж.

Я был уверен, что госпожа де-Горн там, и что она слышала наш спор. В трех первых комнатах, которые я осмотрел, ее не было. Четвертая комната оказалась запертой на ключ. Стучу. Нет ответа. Но в эту минуту никакие препятствия не могли меня остановить. При помощи молотка, который валялся в коридоре, я высадил дверь.

Натали де-Горн, действительно, находилась в этой комнате. Она лежала в глубоком обмороке. Я вынес ее через кухню. На дворе, видя снег, я понял, что по моим следам меня легко настигнуть. Но это было неважно. Ведь Матиас де-Горн получил от меня 60.000 франков и имел в своих

руках письмо, в силу которого я должен был внести ему такую же сумму в день его развода с женой. Положение дел изменилось лишь в том отношении, что я заранее захватил драгоценный залог, к обладанию которого давно стремился. Я боялся не Матиаса. Что скажет Натали де-Горн? Не будет ли она упрекать меня? На этот вопрос госпожа де-Горн вам уже ответила, господин товарищ прокурора. Любовь вызывает любовь. В эту ночь она мне призналась, что любит меня. Наши судьбы сплелись воедино. Сегодня утром мы уехали в пять часов, не думая, что судебная власть потребует нас к ответу.

Жером Вижнал кончил свой рассказ. Некоторое время царило молчание.

Гортензия и Ренин, спрятанные в своем убежище, все отлично слышали. Молодая женщина прошептала:

— Все это очень возможно, и во всяком случае, логично.

— Остаются возражения. Они основательны. Особенно одно...

Это возражение немедленно формулировал товарищ прокурора.

— А где де-Горн?

— Матиас де-Горн? — спросил Жером.

— Именно! Вы рассказали очень искренним тоном о ряде обстоятельств. Допустим, что все это так! Но вы упускаете главное: куда девался Матиас де-Горн? Вы связали его в этой комнате. Но сегодня утром его здесь не было.

— Понятно, господин товарищ прокурора, что Матиас согласился на нашу сделку и ушел.

— Каким путем?

— Вероятно, по дороге, которая ведет к его отцу.

— А где же следы его шагов? Снег, который нас окружает, является беспристрастным свидетелем. После вашей борьбы, судя по оставленным следам на снегу, видно, что вы ушли. Его же шагов не видно. Он пришел сюда, но отсюда не уходил. Следов его ухода нет. Или...

Товарищ прокурора понизил голос:

— Найдены следы около колодца... следы последней борьбы... и больше ничего... что вы скажете?

Жером пожал плечами.

— Вы, господин товарищ прокурора, видимо, обвиняете меня в убийстве. Отвечать на подобные вопросы я не стану.

— Не пожелаете ли вы мне ответить что либо по поводу вашего револьвера, найденного в двадцати метрах от колодца.

— Нет.

— И по поводу трех выстрелов, которые слышали в эту ночь, и относительно трех выпущенных из вашего револьвера пуль?

— Нет, господин товарищ прокурора. Никакой последней борьбы около колодца не происходило, потому что я оставил де-Горна связанным в этом помещении, где оставался и револьвер мой. Если же слышали выстрелы, то стрелял не я.

— Случайные совпадения, значит?

— Судебная власть должна в этом разобраться. Моя же единственная обязанность — сказать вам всю правду. Большего вы от меня требовать не можете.

— Но если эта ваша правда находится в противоречии с фактами?

— Тогда факты искажают истину, господин товарищ прокурора.

— Допустим! Но до того дня, пока судебная власть не установит отсутствия противоречия между вашими утверждениями и фактами, мы должны вас задержать.

— А госпожу де-Горн? — с беспокойством спросил Жером.

Товарищ прокурора ничего не ответил. Он поговорил с комиссаром и приказал одному из полицейских распорядиться подать один из автомобилей. Затем он обратился к Натали:

— Сударыня! Вы слышали показание господина Вижнала. Оно вполне тождественно с вашим. Говорят, что вы находились в обмороке. Когда и где вы пришли в себя?

Молодая женщина твердо ответила:

— Я очнулась лишь в замке.

— Странно! Вы, следовательно, не слыхали выстрелов? Вся деревня их слышала.

— Я их не слыхала.

— И вы ничего не видели, что происходило вокруг колодца?

—Там ничего не происходило, раз Жером Вижнал это утверждает.

— Что же сделалось с вашим мужем?

— Не знаю.

—Помогите, сударыня, судебной власти распутать это дело. Не мог ли ваш муж, вернувшись от своего отца под влиянием винных паров, потерять равновесие и упасть в колодезь?

— Когда мой муж вернулся от своего отца, он был совершенно трезв.

— Его отец. однако, показал, что они распили вдвоем три бутылки вина.

— Его отец ошибается.

— Но снег не ошибается, — с некоторым раздражением возразил товарищ прокурора, — следы шагов вашего мужа имеют извилистый характер, так ходят пьяные.

— Муж мой вернулся в восемь с половиной часов, когда снегу еще не было.

Товарищ прокурора ударил кулаком по столу.

— Но, сударыня, вы говорите против очевидных фактов. Снежный покров, повторяю, — беспристрастный свидетель Против подобного факта, против такой очевидности решительно ничего возразить нельзя... Поймите, следы на снегу, следы шагов на снегу...

Он вдруг принял решение и проговорил:

— Прошу вас, сударыня, оставаться в этом доме и ожидать вызова к следователю.

Затем товарищ прокурора приказал жандармам увести Жерома Вижнала.

Жером сделал шаг по направлению к Натали. Они обменялись печальными взглядами. Потом он глубоко ей поклонился и направился к выходу в сопровождении жандармов.

— Стой! — неожиданно раздался голос, — назад! Погодите!

. Товарищ прокурора и остальные присутствующие подняли головы. Голос раздался из круглого внутреннего зала. Рениm высунулся вперед и кричал:

— Я прошу меня выслушать!.. Я хочу сделать кое какие замечания... особенно одно по поводу извилистых шагов на снегу... Ключ разгадки в этом... Матиас не был пьян.

Он просунул ноги в окно и сказал Гортензии, пытавшейся его удержать:

— Оставайтесь здесь, дорогой друг...

Товарищ прокурора казался ошеломленным:

— Но откуда вы явились? Кто вы?

Князь стряхнул пыль со своей одежды и ответил:

— Простите меня, господин товарищ прокурора, что я избрал этот необыкновенный путь.

— Кто вы такой? — свирепо закричал товарищ прокурора.

— Князь Ренин. Я присутствовал сегодня утром при дознании. Это дело меня заняло. Я хочу его выяснить. С этой целью я спрятался в том помещении, чтобы присутствовать при допросе...

— Вы там были?.. Вы имели смелость?..

— Надо иметь смелость, когда дело идет о выяснении истины. Именно мне удалось здесь получить кое какие важные указания. Я здесь понял, что Матиас де-Горн ничуть не был пьян, а в этом все дело, разрешение всей загадки. Когда это знают, то знают правду.

Товарищ прокурора находился в смешном и затруднительном положении. Он проворчал:

— Довольно! Что вы хотите?

— Я прошу несколько минут внимания.

— С какой целью?

— Чтобы установить невиновность г-на Вижнала и г-жи де-Горн.

Вид у него был спокойный и решительный, как в те минуты, когда он своим вмешательством распутывал какую нибудь сложную драму. Гортензия вся затрепетала и подумала:

— Они спасены!..

Жером и Натали ощущали нечто подобное, они чувствовали, что этот свалившийся с неба незнакомец выручит их из беды.

Товарищ прокурора пожал плечами:

— Свою невиновность они могут установить во время следствия. Вас также допросят.

— Эту невиновность лучше установить немедленно. Последствия ошибки могут быть печальными.

— Я спешу...

— Две-три минуты для меня достаточно.

— Две-три минуты, чтобы разъяснить подобное дело?

— Не больше.

— Вы, значит, хорошо знакомы с ним?

— Сейчас — да.

Товарищ прокурора понял, что от подобного господина ему не так то легко отделаться. Он поэтому проговорил ироническим тоном:

— Ваши размышления привели вас к выводу, где в настоящее время находится Матиас де-Горн?

Ренин посмотрел на часы и ответил:

— В Париже, господин товарищ прокурора.

— В Париже? Он, следовательно, жив?

— Ну, конечно! И отлично себя чувствует.

— Радуюсь этому. Но откуда эти следы шагов вокруг колодца?.. Откуда револьвер?... Наконец, выстрелы?

— Все это лишь симуляция.

— Кто же симулянт?

— Матиас де-Горн собственной особой.

— Странно! С какой целью?

— С целью пустить слух, что он убит г-ном Вижналом.

— Гипотеза любопытная, — иронически заметил товарищ прокурора. — Что вы об этом думаете, г-н Вижнал?

Жером ответил:

— Я сам предполагал это. После моего ухода Матиас де-Горн, очевидно, придумал план мести. Он любил и ненавидел свою жену. Меня же не выносил. Он отомстил.

— Дорогая месть! Сами же вы сообщили, что де-Горн должен был получить от вас дополнительно 60.000 франков.

— Эту сумму он мог получить другим путем. Знакомясь с его финансовым положением, я узнал, что отец и сын застраховали свою жизнь один в пользу другого. Значит, если б сын считался убитым, то отец получил бы страховую премию и передал бы ее сыну.

— Таким образом, старый де-Горн является соучастником своего сына?

— Именно, господин товарищ прокурора. Они спелись

— Значит, сын находится у отца?

— Он там находился еще этой ночью.

— Что же с ним сделалось?

— Он уехал в Париж.

— Все это лишь предположения.

— Уверенность.

— Это не доказательство.

С этими словами товарищ прокурора взялся за шляпу, показывая, что разговор кончен.

— Ни малейшего доказательства, — добавил он, — а главное, невозможно вашей гипотезе опровергнуть главного свидетеля, этого бесстрастного и убедительного немого свидетеля — снег. Чтобы пойти к отцу, Матиас де-Горн должен был отсюда выйти... Каким путем он шел?

— Господи, обыкновенной дорогой, которая ведет к старику де-Горну.

— Но на снегу нет следов его шагов.

— Есть.

— Но эти следы указывают, что он пришел сюда, но не ушел отсюда.

— Это одно и то же.

— Как так?

— Конечно! Двигаться можно разно.

— Как же, по вашему, можно еще двигаться?

— Пятясь назад, господин товарищ прокурора.

Все почувствовали, что именно в этом открытии заключается разгадка всей тайны.

Ренин продолжал, пятясь к окну:

— Я могу приблизиться к этому окну, идя прямо, лицом к нему. Но могу итти и спиной к нему... А выводы, — с силой бросил он, — можно сделать такие: в восемь с половиной часов де-Горн пришел от отца домой, не оставив никаких следов, так как снега еще не было. А в девять часов без десяти минут приходит сюда господин Вижнал также не оставляя следов. Следуют переговоры, заключение сделки и свалка. Матиас побежден. Прошло три часа. И вот, когда Вижнал ушел с женой де-Горна, последнему приходит в голову блестящая мысль воспользоваться снегом, чтобы погубить своего ненавистного врага. Он симулирует свое собственное убийство и падание в колодезь. А потом, пятясь назад, он уходит к отцу, записывая на снежном покрове свой приход, когда в действительности это был его уход. Надеюсь, господин товарищ прокурора, вы ясно поняли? Он отметил на снегу свой приход, а в действительности это был уход.

Товарищ прокурора перестал смеяться. Он понял, что этот оригинал стоит внимания. Он спросил:

— А как он мог уехать от своего отца?

— В повозке.

— Кто же его отвез?

— Отец.

— Откуда вы знаете?

— Сегодня утром с жандармским унтер-офицером я был у отца и говорил с ним. Он отправлялся на базар, а сын его был спрятан под парусиной с теленком. Сейчас же Матиас де-Горн в Париже.

Объяснения Ренина, согласно его обещания, длились не больше пяти минут. Своей непобедимой логикой он

сразу разбил ту тайну, которая окружала это запутанное дело. Госпожа де-Горн плакала от радости. Г-н Вижнал горячо благодарил своего доброго гения, давшего совсем другой ход этому событию.

— Осмотрим вместе эти следы, господин товарищ прокурора, — предложил Ренин, — сегодня утром мы ошиблись, осматривая преимущественно лишь следы, оставленные мнимым убийцей. А суть вся была в следах, оставленных де-Горном.

Они вышли в сад. Не трудно было убедиться, что следы шагов Матиаса носили своеобразный характер.

— Это понятно, — пояснил Ренин, — не так то легко двигаться, пятясь назад. Отец и сын это почувствовали. Потому то старик де-Горн всем говорил, что сын его в этот вечер был пьян. Этим можно было объяснить странность его походки.

И Ренин прибавил:

— Именно это обстоятельство, эта ложь старика ослепила меня. Когда госпожа де-Горн удостоверила, что муж ее был трезв, я подумал об оставленных им на снегу следах и все угадал.

Товарищ прокурора откровенно признал себя побежденным и со смехом сказал:

— Остается арестовать этого лже-мертвеца.

— На каком основании? — возразил Ренин, — никакого преступления он не совершил. То,что он три раза выстрелил, топтался около колодца и потом, пятясь назад, отправился к отцу, никакого правонарушения не составляет. Не думаю также, чтобы господин Вижнал потребовал от него обратно 60.000 франков?

— Конечно, нет, — объявил Вижнал.

— Остается страховая премия. Но она еще не потребована. А, вот и сам старик! Мы его сейчас допросим.

Действительно, сильно жестикулируя, к ним подошел старик де-Горн. Его добродушное лицо выражало печаль и гнев.

— Где мой сын? Его, вероятно, убили!.. Мой бедный Матиас убит этим бандитом Вижналом!

И он погрозил Вижналу кулаком.

Товарищ прокурора резко спросил его:

— Одно слово: вы потребуете страховую премию за своего сына?

— Конечно, — вырвалось у старика.

— Дело в том, что ваш сын не умер. Говорят даже, что вы отвезли его, скрыв под парусиной, на станцию под видом теленка.

Де-Горн стал отплевываться и протянул руку, точно собираясь торжественно поклясться. Но затем он сразу изменил свое выражение лица и с хохотом заявил примирительным тоном:

— Ну, и разбойник же этот Матиас! Какую шутку придумал! Значит, он хотел объявить себя покойником! И думал, что я помогу ему получить страховую премию!.. Точно я способен на такую мерзость!.. Ты меня, молодчик, не знаешь еще!

И затем быстро удалился, делая вид, что эта смешная история его очень забавляет. По пути он старался своими сапогами прикрыть следы шагов на снегу, оставленные его сыном.

Когда Ренин вернулся в дом, Гортензии там уже не было.

Он отправился к кузине Эрмелине. Ему сказали, что Гортензия извиняется, но она устала и, нуждаясь в отдыхе, принять его не может.

— Превосходно, — подумал Ренин, — она меня избегает. Следовательно, любит. Развязка приближается.

»В ЧЕСТЬ БОГА МЕРКУРИЯ«

VIII.

Госпоже Даниель, Ронсьер через Базикур, 30-го ноября.

Дорогой мой друг.

Уже две недели я не получаю от Вас писем. До 5-го декабря, то есть до того неприятного для Вас дня, когда истекает срок нашего соглашения, я и не надеялся, что получу от Вас весточку. А с этого дня вы ведь будете свободны от своего обязательства. Признаюсь Вам, что для меня эти семь победных приключений, которые мы вместе пережили, были источником большой радости и подъема. Я жил эти дни вблизи Вас. Я сознавал, что новый Ваш образ жизни, полный свежих впечатлений, приносил Вам большую пользу. Счастье мое было таково, что я не смел с Вами о нем говорить и обнаружить в Вашем присутствии всю силу моих чувств. Единственной моей заботой было Вам нравиться и доказать Вам мою безмерную преданность. А теперь, дорогой друг, Вы отказываетесь от своего соратника, своего спутника. Пусть будет согласно Вашей воле!

Я подчиняюсь Вашему решению. Но позвольте мне рассказать Вам о том, как я представлял себе наше последнее совместное приключение. Я напомню Вам слова, которые Вы мне сказали и которые навсегда запечатлелись в моей памяти.

— «Я требую, — заявили Вы, — чтобы вы мне вернули старинную застежку из сердолика в филигранной оправе. Я получила ее от моей матери. Все знали, что застежка

приносила счастье и моей матери и мне. С тех пор, как она исчезла из моей шкатулочки, я несчастна. Верните же мне мою застежку, добрый гений!»

А когда я вас стал спрашивать, когда именно застежка пропала, Вы ответили мне со смехом:

— «Шесть... семь... или восемь лет тому назад... Хорошо не знаю... Не знаю, как она пропала... Я ничего не знаю.»

Видимо, Вы мне бросили вызов, думая, что я обещания своего не выполню. Но мне все же хочется Вас порадовать. Для Вашего душевного спокойствия, Вы должны иметь свой талисман. Над этими маленькими суевериями нельзя смеяться: часто подобные суеверия руководят нашими лучшими поступками.

Дорогой друг, в этом деле Вы мне не оказали никакой помощи. Я торопился, имея в виду приближающееся 5-ое декабря, и позорно провалился. Но все же мне удалось так повернуть это дело, что, если Вы захотите одна итти к цели, то у Вас много шансов, что Вы этой цели достигнете. И Вы будете продолжать мной начатое. Не так ли? Это вопрос чести ,согласно нашему соглашению. В определенный срок мы должны внести в книгу наших судеб восемь интересных приключений. В этих приключениях Вы проявили много энергии, логичных умозаключений, проницательности, а иногда даже немного героизма.

Теперь очередь за восьмым приключением. От Вас зависит, чтобы оно заняло подобающее место 5-го декабря до того момента, когда стенные часы пробьют восемь раз.

В этот знаменательный день Вы должны действовать так, как я Вам укажу.

Не думайте, дорогой друг, что я фантазирую. Для успеха предприятия необходимо, чтобы Вы точно соблюдали все то, что я Вам сообщу. Прежде всего, в саду Вашей кузины Вы срежете три тонких, гибких прута. Эти прутья Вы переплетете и завяжете по обоим концам. Получится самодельный деревенский хлыст, как иногда делают дети.

Затем в Париже Вы купите ожерелье из черного янтаря с маленькими выбоинами. Это ожерелье Вы сократите до семидесяти пяти бус, все одной величины.

Под Вашей зимней накидкой Вы наденете синее шерстяное платье. Ваша зимняя шапочка должна быть украшена осенними листьями. На шее — боа из петушьих перьев. Ни перчаток, ни колец.

После обеда отправляйтесь на левый берег Сены и войдите в церковь святого Викентия. Ровно в четыре часа

во все черное и с серебряными четками в руках. Она окропит Вас святой водой. Вы дадите ей свое ожерелье. Пересчитав бусы, она даст Вам его обратно. Потом следуйте за ней. Она приведет Вас в пустынную улицу острова Сен-Луи. Перед одним из домов женщина остановится, но в дом Вы войдете одна.

В нижнем этаже этого дома Вы найдете довольно молодого человека с матовым цветом лица. Вы снимете накидку и скажете:

— Я пришла за своей сердоликовой застежкой.

Не удивляйтесь его ужасу. Оставайтесь спокойной. Если он начнет Вас расспрашивать, пытаясь узнать, кто Вы и кто Вас к нему послал, не давайте никаких объяснений. Все Ваши ответы должны сводиться к короткой формуле:

— «Я пришла получить то, что мне принадлежит. Я вас не знаю, не знаю вашего имени, но я не могу не обратиться к вам. Я должна получить обратно свою застежку. Это необходимо!»

Я искренно думаю, что, если Вы проявите твердость, Вы достигнете полного успеха. Но борьба должна быть очень короткой. Исход ее зависит исключительно от Вашей веры в свои силы и твердость. Это — единоборство, в котором Вы должны свалить противника первым же ударом. Если Вы заволнуетесь, потеряете хладнокровие, тогда он Вас победит.

Во втором случае Вам придется опять прибегнуть к моему сотрудничеству, которое я заранее Вам предлагаю. При этом не ставлю никаких условий. Я хочу лишь быть полезным той, которая составляет счастье всей моей жизни.»

Прочитав это письмо, Гортензия решительно прошептала:

— Я не пойду.

Своей застежкой она уже давно перестала интересоваться. Кроме того, перед ней все стояла эта цифра 8 — число предположенных ими приключений. Начать восьмое приключение — значило опять сблизиться с Рениным, дать ему возможность завладеть ею.

За два дня до 5-го декабря она была в том же настроении. Накануне утром также. Но вдруг совершенно неожиданно она побежала в сад, срезала три прута, сплела их вместе, как это делала в детстве, и затем в двенадцать часов уехала в Париж. Ее охватило страшное любопытст-

во. Она не могла совладеть с собой: слишком было заманчиво то приключение, которое ей предложил Ренин!.. Янтарное ожерелье... шапочка с осенними листьями... Она покажет Ренину, на что она способна.!

— Наконец, — пронеслось в ее голове, — он меня приглашает в Париж. А восемь ударов часов страшны для меня не в Париже. Ведь те стенные часы, которые должны пробить восемь раз в час моего поражения, находятся в замке Галингра.

В тот же вечер она прибыла в Париж. Утром 5-го декабря она купила янтарное ожерелье и сократила его до семидесяти пяти зерен. Затем она одела синее платье и шапочку с осенними листьями. Ровно в четыре часа она входила в церковь святого Викентия.

Сердце ее учащенно билось. Теперь она была одна. Как хорошо она сейчас почувствовала, что значит поддержка Ренина, от которой отказалась! Ей даже казалось, что он непременно появится перед ней. Но около кропильницы стояла лишь старая женщина, вся в черном.

Гортензия подошла, и женщина в черном окропила ее святой водой и затем принялась считать зерна ожерелья, протянутого ей Гортензией.

Затем она прошептала:

— Семьдесят пять! Верно. Идем!

Она быстро пошла вперед, перешла мост и на острове Сен-Луи остановилась перед старинным домом с железным балконом, изъеденным ржавчиной.

— Войдите, — сказала женщина, после чего удалилась.

Гортензия увидела прекрасный магазин, помещавшийся в нижнем этаже. Через большие стекла можно было заметить разные антикварные предметы и старинную мебель. На вывеске значились слова:

«В честь бога Меркурия» и имя хозяина — «Понкарди». На карнизе, выступающем под верхним этажом, находилась маленькая ниша, в которой стоял божок Меркурий из обожженной глины. Он стоял на одной ноге с крыльями на пятках и жезлом в руке. Вся фигура имела наклон вперед, так что казалось, что она легко может потерять равновесие и упасть на улицу.

— Войдем, — прошептала молодая женщина.

Она открыла двери.

Перед письменым столом сидел человек, углубленный в счетоводную книгу. Не поворачивая головы, он сказал:

— Я к Вашим услугам... Что вам угодно, сударыня?

В этой комнате находились предметы, которые придавали ей характер лаборатории какого то алхимика средних веков: чучела птиц, скелеты, черепа и т. д. По стенам висели всевозможные амулеты, между которыми чаще всего виднелись руки из слоновой кости и коралла с двумя сложенными, как бы для заклинания, пальцами.

— Вам что именно нужно, сударыня? — спросил, наконец, Понкарди, закрывая книгу и вставая.

— Это именно он, — подумала Гортензия.

У него было матово-бледное лицо, обрамленное седой бородкой. Под лысым и бесцветным лбом светились беспокойные, бегающие глазки.

Гортензия, не снимая накидки и не приподнимая вуалетки, ответила:

— Я ищу застежку для корсажа.

— Вот витрина, — сказал он, подводя к одному из шкафов.

Бросив беглый взгляд на витрину, она проговорила:

— Нет, нет.... это не то. Я ищу застежку, которая когда то пропала у меня из моей шкатулки. Я пришла сюда за ней.

Ее изумило то впечатление, которое произвели ее слова. Лицо Понкарди выразило ужас. Казалось, он видит перед собой привидение:

— Вы... пришли... откуда?

Понкарди в изнеможении опустился на стул. Бледное его лицо покрылось потом. Он с трудом дышал.

Гортензия повторила:

— Я пришла за сердоликовой застежкой...

В полузабытьи, Понкарди шептал:

— Она пришла... Такой же... я должен отдать... своими руками разбить свое счастье... неужели... нет! должен...

Глядя на почти в беспамятстве находящегося Понкарди, Гортензии стало жаль этого несчастного.

У нее зародилось желание оставить все, уйти, к тому же интерес к этому приключению (она это отчетливо почувствовала) без Ренина стал терять свою остроту. У нее уже недоставало силы воли, чтобы властно потребовать застежку.

В это время Понкарди пришел в себя. Глядя на Гортензию, угадав перемену в ее настроении, он вдруг вскочил и закричал:

— Ха-ха-ха!.. Какой я дурак! Я чуть было не отдал свой талисман. И кому? Авантюристке, как то проникшей в мою тайну!..

Совершенно придя в себя, он с угрозами стал приближаться к Гортензии и, наконец, схватив ее, стал грубо толкать к двери:

— Как бы не так! Вон, вон сейчас же!

Гортензия испугалась бешеного натиска Понкарди и в душе сожалела, что около нее нет ее друга и защитника.

Она сама торопилась покинуть убежище похитителя застежки. И вдруг с изумлением увидела, как тихо открылась дверь смежной комнаты и вошел бледный, но спокойный князь Ренин. Увидел его и Понкарди. Оставив Гортензию, он бросился к Ренину:

— Как вы проникли сюда? Что...

— Я живу во втором этаже. А проник по тому ходу, который вы считали заделанным...

— Что вам нужно?

— Нужна моя помощь даме...

Гортензия в радостном изумлении смотрела на князя. Ренин спокойно продолжал, обращаясь к Понкарди:

— Мои намерения самые чистые. Никакого насилия. Просто маленький разговор, после которого вы мне отдадите то, за чем я пришел к вам.

— Что такое?

— Вы отдадите мне застежку.

— Никогда! — запальчиво воскликнул антикварий.

— Не говорите так! Ручаюсь, что отдадите.

— Нет такой силы в мире, которая бы заставила меня это сделать.

— Не пригласить ли сюда вашу жену? Быть может, она лучше оценит положение вещей.

Эта идея Понкарди, видимо, понравилась, и он три раза нажал кнопку электрического звонка.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Ренин. — Вы видите, дорогой друг, как господин Понкарди сделался вежлив!

В глубине магазина поднялась портьера и на пороге дверей, находившихся за ней, показалась очень просто одетая женщина. Ей было лет тридцать. Лицо ее казалось добродушным и приятным .

Гортензия очень удивилась, когда в этой особе узнала горничную, которая служила ей, когда она была девушкой.

— Как, это вы, Люси? Вы теперь госпожа Понкарди?

Вошедшая посмотрела на нее, узнала и, видимо, сконфузилась. Ренин обратился к ней:

— Вы нам нужны, чтобы выяснить дело, в котором вы играли важную роль...

Она с беспокойством взглянула на мужа, который не спускал с нее глаз.

— Что такое? В чем дело?

Понкарди прошептал:

— Застежка... сердоликовая застежка...

Этого было достаточно. Люси упала на стул, не пытаясь возражать, и пробормотала:

— А.. понимаю... М-ль Гортензия напала на след... Мы погибли!..

На некоторое время воцарилось молчание.

— Объяснимся. Я уверен, что мы договоримся. Девять лет тому назад вы познакомились с Понкарди и сделались его любовницей. Вы оба из Корсики, где всякие амулеты, заклинания и тому подобное играют в жизни каждого громадную роль. Вот почему под влиянием г-на Понкарди вы похитили застежку. Это был тот талисман, который должен был принести вам счастье. Через шесть месяцев вы покинули свое место и вышли замуж за Понкарди. Вот в двух словах ваша история.

Нечего рассказывать вам, как, владея талисманом и веря в его действие, вы среди антикваров в скором времени стали в первых рядах. Вы считаете, что ваш магазин «В честь бога Меркурия» своим процветанием обязан упомянутой застежке. Вы полагаете, что с потерей застежки рушится ваше благосостояние. Она — ваш ангел-хранитель. И эта застежка запрятана здесь. Никто ничего не подозревал бы, если бы случай не заставил меня заняться вашими делами.

Ренин остановился на несколько секунд и затем продолжал:

— Я уже два месяца ищу здесь эту застежку, но ее еще не нашел. А я основательно перерыл весь магазин! И ничего! Впрочем, виноват, в одной из шкатулок, Понкарди, я нашел ваш дневник, где вы рассказываете о своих угрызениях совести, о вашем беспокойстве, о страхе перед карой Божьей! Какая неосторожность! Разве подобные признания записывают! Вот что вы, между прочим, пишете в этом дневнике:

«Пусть явится ко мне та, которую я обездолил... Пусть она придет сюда в таком виде, как я видел ее в ее саду,

когда Люси похищала у нее застежку. Пусть явится она мне в синем платье, с шапочкой с осенними листьями, с янтарным ожерельем и хлыстом из трех переплетенных прутьев, который она держала в руке в тот день. Пусть она так явится и скажет: — «отдайте мне то, что мне принадлежит!» Если это случится, то я пойму, что Господь вдохновил ее, и она лишь исполняет волю Провидения.»

— Вот, Понкарди, что вы внесли в свой дневник и почему та, которую вы называете мадемуазель Гортензией, пришла к вам. Сохрани она до конца полное хладнокровие, и ее игра была бы выиграна. Вы это знаете! К несчастью, вы отличный актер. Ваша симуляция попытки к самоубийству вывела ее из душевного равновесия. Вам сделалось ясно, что она послана к вам не волей Провидения, просто ваша старая жертва таким путем хочет вернуть вами похищенное. Мне, следовательно, нужно было вмешаться в это дело. Итак, Понкарди, отдайте застежку!

— Нет, — энергично возразил антикварий.

— А вы, госпожа Понкарди?

— Я не знаю, где застежка находится,

— Прекрасно! Перейдем к действиям. У вас, госпожа Понкарди, семилетний сын, которого вы любите всеми силами своей души. Сегодня он должен вернуться от тетки домой, как это происходит каждый четверг. Два моих приятеля, если я не отменю своего приказания, должны его похитить.

— Умоляю, — стала просить Люси, — только не это! Клянусь, что я ничего не знаю. Мой муж этой тайны мне не доверил.

Ренин продолжал:

— Во вторых, сегодня же на имя прокурора будет принесена жалоба. Доказательством будет служить ваш дневник. Последствия: предварительное следствие, обыски, арест и т. д...

Понкарди молчал. Казалось, что все эти угрозы на него не действовали. Находясь под охраной фетиша, он, видимо, считал себя неуязвимым. Его жена бросилась к ногам Ренина и стала несвязно бормотать:

— Нет, нет... Умоляю вас... Я не хочу в тюрьму... А мой сын!.. О, я вас прошу!.

Гортензия была так растрогана, что отвела Ренина в сторону и сказала ему:

— Бедная женщина! Я прошу вас за нее

— Успокойтесь, — ответил он с улыбкой, — ничего ровно с ее сыном не случится.

— Но ваши друзья, которые подстерегают его?..

— Я это выдумал.

— Жалоба прокурору?

— Только угроза.

— Но если этой цели вы не достигнете?

— Она должна быть достигнута, — сказал Ренин глухим голосом. — Дело должно быть кончено. Час приближается.

Их глаза встретились, и молодая женщина покраснела до корня волос, думая о его намеке: ровно в восемь часов должна была наступить расплата.

— Вот чем вы рискуете, — обратился Ренин к чете Понкарди, — вы потеряете своего ребенка, а сами попадете в тюрьму. А вот мое предложение: отдайте мне застежку, и я вам немедленно уплачу двадцать тысяч франков. Она не стоит ста франков.

Ответа не последовало. Госпожа Понкарди плакала.

Ренин продолжал, делая паузы между своими предложениями:

— Я удваиваю... Я утраиваю... Однако, вы требовательны, Понкарди!... Вы хотите, значит, получить кругленькую сумму? Ладно! Сто тысяч!

Госпожа Понкарди первая сдалась и с бешенством набросилась на своего мужа:

— Сознайся, наконец! Говори!... Куда ты ее запрятал?.. Не будешь ли ты дальше упрямиться? Ведь ты разоришь нас, опозоришь!.. А наш сын!.. Говори же!

Гортензия прошептала:

— Ренин, это же безумие; застежка не имеет никакой ценности!

— Не бойтесь! На мое предложение он никогда не согласится... Взгляните на него: как он возбужден, как он волнуется! Это именно то, к чему я стремился. Этих людей надо довести до белого каления. Они должны потерять способность контролировать свои слова и свои действия... И в этот момент неосторожное слово, какой нибудь жест выдаст их мне. Взгляните на него: он потерял голову. Подумать только — сто тысяч франков за какой то камешек, или тюрьма!..

Понкарди совершенно обезумел, лицо его было мертвенно-бледным, в углах рта показалась пена. Видно было,

перед кропильницей там будет стоять женщина, одетая что он переживал страшную внутреннюю борьбу. Его природная жадность находилась в борьбе с присущим ему суеверием. Вдруг он не выдержал и разразился рядом несвязных, порой бессознательных фраз:

— Сто тысяч! Двести тысяч! Пятьсот тысяч!.. Миллион! Наплевать мне на деньги! Миллионы исчезают, улетучиваются, растрачиваются. Одно в жизни важно: за вас судьба или против вас! В этом вся суть. И вот судьба мне благоприятствует уже девять лет. Вы же хотите, чтобы я продал вам свое счастье. Чего ради? Вы грозите мне тюрьмой, обещаете похитить сына! Все это глупости Со мной ничего не может случится до тех пор, пока судьба будет на моеи стороне. Сейчас она мой друг и мой слуга... И эта судьба, это вечное счастье, постоянная удача связана с застежкой. Я не знаю, почему! Но есть камни, обладающие волшебным свойством. Этим свойством, очевидно, обладает сердоликовая застежка.

Ренин не спускал с него глаз и внимательно вслушивался в каждое его слово, в малейшие интонации его голоса. Теперь антикварий хохотал и наступал на князя. Он, видимо, сознавал свою силу, свое превосходство, и упрямство его росло.

— Миллионы? Но мне эти миллионы не нужны. Камешек, которым я владею, стоит больше всех миллионов в мире. Но напрасно вы так стараетесь им завладеть. Ведь вы уже месяцы ищете его, как сами сознались. Вы у меня перерыли весь мой магазин, а я даже не защищался и ничего не подозревал. Зачем защищаться? Вещица сама защищалась... Она не хочет, чтобы вы ее нашли и вы ее не найдете. Ей здесь у меня хорошо. Она — мое счастье, моя добрая фея. Все знают, что мне во всем везет. Я даже избрал своим патроном бога Меркурия, бога удачи, бога торгового счастья. Он также мне покровительствует... И в магазине у меня везде понаставлены изображения Меркурия. Посмотрите на эту полку: там их целая коллекция; такие же, как и на моей вывеске. Я купил этих божков у знаменитого скульптора, который разорился. Одного из них я могу вам подарить. Этот Меркурий вам также принесет счастье. Мой подарок вознаградит вас за вашу неудачу. Идет!?

Он взобрался по лестнице вверх, схватил с полки статуэтку и отдал ее Ренину.

— Браво! Он принимает! — со смехом воскликнул Понкарди, довольный, что противник его, видимо, сдался, —

если же он принимает, то, значит, все улажено. Ваш сын, госпожа Понкарди, вернется. Не мучьте себя. До свидания, мадемуазель Гортензия. Прощайте, сударь. Заходите, не забывайте! Я всегда к вашим услугам. Уносите свой подарок... пусть Меркурий поможет вам... До свидания, дорогой князь!.. Всего всего наилучшего!..

Он постепенно выпроваживал обоих посетителей из магазина, направляя их к дверям, которые вели на верхний этаж.

Самое странное было то, что Ренин не протестовал. Он ушел, как мальчик, которого наказали и выставили за дверь.

Столовая Ренина выходила на улицу. Обеденный стол был накрыт на два прибора.

— Простите мне все эти приготовления, — сказал Ренин Гортензии, открывая ей двери в гостиную. — я решил, что вы согласитесь отобедать со мной. Не отказывайте мне в этой милости, которая завершит мое последнее с вами приключение.

Гортензия не возражала. Почему ей было не принять это приглашение: ведь условия заключенного ими договора выполнены не были?

Ренин на минуту вышел, а затем вернулся и провел Гортензию в столовую. Часы в это время показывали несколько больше семи.

Стол был украшен редкими цветами. В центре его стояла статуэтка Меркурия, подарок Понкарди.

— Пусть бог удачи председательствует за нашим столом.

Князь находился в очень веселом настроении и шутил.

— Ах, — воскликнул он, — какая же вы упрямая! Вы перестали меня принимать!.. Вы мне не писали даже... И мне пришлось пустить в ход тяжелую артиллерию: подействовать на ваше воображение перспективой совершенно необычайного приключения, возбудить ваше женское любопытство. Три прута... синее платье... Как тут устоять? А тут я еще добавил несколько загадок: ожерелье из янтаря.. старушка в церкви.. Не сердитесь! Я хотел непременно вас видеть и именно сегодня.

Затем он рассказал, как нашел похитителей застежки.

— Вы, конечно, надеялись, ставя мне это условие, что я никогда его не выполню. И ошиблись, дорогой друг! Дело совсем не было так сложно, если принять во внимание, что застежка имела славу талисмана. Надо было узнать, кто из вашей прислуги отличался суеверием. Мне

удалось быстро установить, что у вас служила горничная Люси из Корсики. Это обстоятельство явилось исходным пунктом для моих дальнейших розысков.

Гортензия смотрело на князя с удивлением. Он говорил с видом победителя, когда, в действительности, был разбит на голову антикварием и поставлен им даже в смешное положение.

Она это дала ему почувствовать, а в тоне ее голоса можно было найти нотку разочарования.

— Допустим, что вы все это распутали, но в конце концов вам не удалось вернуть мне украденное.

Упрек был ясен. Ренин не приучил ее к поражениям. Ее, кроме того, сердила та беспечность, с которой он встретил крушение своих заветных надежд.

Он ничего не ответил. Затем наполнил два бокала вином и один из бокалов приложил к губам, пристально смотря на статуэтку Меркурия. Затем он весело повернул божка.

— Какая дивная вещь — гармоничная линия. Меня всегда меньше чаруют цвет, краски, нежели пропорция форма, красота линий. Я, например, дорогой друг, люблю цвет ваших васильковых глаз, золото ваших волос, но, верьте, меня еще больше восхищают овал вашего лица, линия вашего затылка и форма ваших плеч. Взгляните на эту статуэтку. Понкарди прав: ее слепил большой мастер. Как хороши ноги, мускулистые и тонкие в то же время. Вся фигура производит впечатление порыва и скорости. Все это дивно... Есть одна, впрочем, маленькая ошибка, которую, быть может, вы не заметили.

— Напротив, — отозвалась Гортензия. — Эту ошибку я заметила, когда рассматривала вывеску. Вы, вероятно, хотите сказать, что в статуэтке замечается некоторое отсутствие равновесия? Божок слишком наклонился вперед. Кажется, что он упадет.

— Браво! Совершенно верно. Эта неправильность почти незаметна, надо иметь опытный глаз, чтобы ее усмотреть. Логично рассуждая, божок должен упасть лицом вперед.

После короткой паузы он продолжал:

— Я заметил этот недостаток в первый же день. Меня, признаться, поразила эта особенность с точки зрения эстетической! Между тем, я удивляюсь, что не обратил внимания на другое обстоятельство: законы тяжести нарушены быть не могут....

— Что вы хотите сказать? — с живым интересом спросила Гортензия.

— Ничего особенного Я удивляюсь только тому, что сразу же не сообразил, почему Меркурий не падает вперед лицом вниз, согласно физическим законам.

— Причина?

— Причина!? Полагаю, что Понкарди, обрабатывая статуэтку, чтобы приспособить ее к своим целям, нарушил ее равновесие. Это равновесие, однако, опять восстановилось благодаря тому, что явилось новое обстоятельство.

— Какое?

— Дело в том, что статуэтка не была прикреплена в нише. Я видел, что Понкарди каждые два-три дня брал ее в руки и чистил. Значит, остается единственная гипотеза: противовес.

Гортензия вздрогнула. Она начала понимать.

— Противовес?.. Вы пологаете, что этот противовес...

— Именно!

— Возможно ли это!? Но как мог в таком случае Понкарди вам отдать статуэтку?

— Он дал мне не эту статуэтку, — объявил Ренин, — эту статуэтку я взял у него сам.

— Но где? Когда?

— Только что, когда вы находились в гостиной. Я через окно добрался до ниши, где стояла статуэтка, и одного бога заменил другим.

— Но ведь тот Меркукий, который вам дал Понкарди, вперед не наклонен?

— Нет, как и все остальные статуэтки находящиеся в магазине Но Понкарди не артист и ничего не заметит. Он будет продолжать думать, что владеет талисманом. Если хотите, я разрушу пьедестал этой статуэтки, и мы вынем вашу застежку, которая залита оловом. Это олово и удерживает божка в состоянии равновесия.

— Нет, нет!.. Не надо!.. — прошептала Гортензия.

Ловкость Ренина, его проницательность, способность разбираться в самых сложных вещах в эту минуту ее как будто не занимали. Она думала о том, что восьмое приключение их доведено до благополучного конца, что приближается час расплаты, что он победил.

— Три четверти восьмого, — заметил Ренин.

В комнате воцарилось тягостное молчание. Обоим стало неловко. Они боялись шевельнуться. Ренин попытался шутить:

— Молодчина этот Понкарди! Я был уверен, что, возбуждая его и сердя, я в конце концов заставлю его проговориться. Той искрой, которая осветила мне все дело, было сопоставление , которое сделал Понкарди, между сердоликовой застежкой и богом Меркурием, сказав, что и то, и другое приносит счастье. Я понял, что он соединил одно с другим, — застежку с Меркурием, то есть, соединил воедино два талисмана. Тогда я подумал о Меркурии в нише под вывеской...

Ренин внезапно прервал свою речь. Он заметил, что его не слушали. Молодая женщина закрыла глаза руками и, видимо, мыслями была далеко.

Сейчас она думала о тех приключениях, которые они совместно пережили в течение последних трех месяцев и о поведении этого удивительного человека, предложившего ей свою любовь. Она вспоминала о совершенных им, точно в волшебной сказке, подвигах, о том добре, которое он сделал, о спасенных им жизнях, о наказанных преступлениях и о восстановлении порядка везде, где проявлялась его железная воля. Невозможного для него не существовало. То, что он начинал, он доводил до конца, всегда достигая своей цели. И все он делал спокойно, хладнокровно, чувствуя свою силу, понимая, что ничто не может противостоять ему. Перед ним она была беспомощной. Как защищаться и зачем защищаться? Он ведь всегда победит ее, всегда подчинит своей воле. Даже если она попыталась бы убежать куда нибудь, разве он не отыщет ее, разве она найдет в целом свете место, где он не обнаружил бы ее? С самого первого момента их встречи было предопределено, что Ренин завладеет ею, так как он решил это сделать, так как он поставил себе эту цель.

Все же она не сдавалась и искала предлогов, чтобы уклониться от выполнения договора. Она утешала себя тем, что, хотя восемь приключений они совместно пережили и он вернул ей сердоликовую застежку, но, согласно условию, в последнюю минуту должны были пробить стенные часы замка Галингра. Ведь Ренин сказал три месяца тому назад, глядя на губы, к которым стремились его уста, следующее:

— Старый медный маятник опять придет в движение, и в тот момент, когда в назначенный срок опять пробьют восемь раз, тогда...

Она подняла голову. Он не шевелился и спокойно, с непроницаемым лицом ждал.

Гортензия приготовилась сказать ему следующее:

— Вы ведь знаете... Мы условились, что должны пробить часы Галингра. Все условия выполнены, исключая этого! Значит, я свободна? Не так ли? Я...

Ход ее мыслей был внезапно прерван... Сзади послышалось шипение стенных часов, собирающихся бить.

Раздался первый удар, Затем второй... третий. У Гортензии вырвался стон. Она сразу узнала звон старинных стенных часов Галингра, которые три месяца тому назад так неожиданно вдруг пошли в заброшенном замке.

Она стала считать. Часы пробили восемь раз.

— А! — прошептала она в состоянии полного смятения, закрывая лицо руками... — Это бьют те часы... я узнала их бой...

Воцарилось молчание. Она угадывала, что Ренин смотрит на нее. Этот взгляд лишал ее последних сил. Впрочем, ей больше не хотелось противиться, она чувствовала себя побежденной. Их совместные приключения кончились. Но впереди оставалось еще главное, важнейшее приключение. Они должны были совместно пережить любовное приключение, самое сладкое, самое интересное и волнующее из всех приключений. И она подчинилась судьбе своей и была счастлива, невзирая на свое поражение, так как любила. Радость и счастье возвращались к ней в ту минуту, когда возлюбленный вернул ей сердоликовую застежку.

Часы стали бить вторично. Гортензия подняла глаза на Ренина. Одно мгновение она колебалась, но затем, точно зачарованная, теряя всякую силу сопротивления, когда часы пробили восьмой раз, она прильнула к нему и протянула свои губы для поцелуя.

ОГЛАВЛЕНИЕ